
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

MGIMO Journal
of Language Research and Teaching
VOLUME 12, No.2 (2026)

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
В МГИМО
ТОМ 12, №2 (2026)

Издательство
«МГИМО-Университет»
2026

**MGIMO JOURNAL OF LANGUAGE RESEARCH AND TEACHING /
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО**

ISSN 2410-2423 (Print)

ISSN 2782-3717 (Online)

The journal *MGIMO Journal of Language Research and Teaching / Филологические науки в МГИМО* is an international peer-reviewed journal publishing research in linguistics, polyglottery and related fields.

The aims of the journal are:

- promoting international scholarly communication and discussion of ideas and findings in the field of linguistics, cross-cultural communication, translation studies, literature studies, methodology of foreign language teaching and related disciplines;
- developing an international platform for publication of research papers and conference proceedings in the field of polyglottery;
- publishing results of original interdisciplinary research.

The *MGIMO Journal of Language Research and Teaching / Филологические науки в МГИМО* focuses primarily on the following themes: linguistics, cross-cultural communication, sociolinguistics, cognitive linguistics, translation studies, pragmatics, discourse analysis, literature and culture studies, polyglottery and innovative methods of foreign language learning/teaching. It also publishes book and thesis reviews, literature overviews and conference reports.

Indexed / abstracted in RSCI, RSL, CROssRef, EBSCO Academic Research, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, Library of Congress, WorldCat, Lens.org., Mendeley.

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English, German, French, Spanish, Italian, Chinese, Japanese, Arabic and Hindi.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Address: 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454

MGIMO University

Tel.: +7 495 225-3857

Email: philnauki@inno.mgimo.ru

Web site: philnauki.mgimo.ru

MGIMO Journal of Language Research and Teaching / Филологические науки в МГИМО, Volume 12, No.2. (Editor-in-chief Vasily M. Glushak). – Moscow: MGIMO-University, 2026. – 138 p.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО / MGIMO JOURNAL OF LANGUAGE RESEARCH AND TEACHING

ISSN 2410-2423 (Print)

ISSN 2782-3717 (Online)

Журнал *Филологические науки в МГИМО / MGIMO Journal of Language Research and Teaching* является международным журналом с двойным слепым рецензированием, публикующим научные статьи в области лингвистики, полиглотики и связанных с ними дисциплин.

Основные цели журнала:

- освещение результатов исследований и обмен опытом, идеями и научными открытиями в области лингвистики, литературоведения и межкультурной коммуникации, теории и практики перевода, методики обучения иностранным языкам и смежных с ними дисциплин;
- создание международной платформы для публикации научных исследований и материалов конференций в области изучения теории полиглотики и практики ее применения;
- публикация результатов оригинальных исследований междисциплинарного характера.

Основные рубрики: лингвистика и межкультурная коммуникация, социолингвистика и когнитивная лингвистика, переводоведение, прагматика и дискурсивный анализ, литературоведение и лингвокультурология, полиглотия, инновационные методики и компетентностный подход в преподавании иностранных языков, рецензии и научные обзоры.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ:

группы специальностей:

- 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология;
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования;
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования;
- 5.9.2. Литературы народов мира;
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран;
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), elibrary, РГБ, CrossRef, EBSCO Academic Search; Ulrich's Periodicals Directory (Cambridge Information Group); Google Scholar, Library of Congress, World Cat, Lens.org, Соционет, Mendeley.

Периодичность: четыре номера в год.

Языки: русский, английский, немецкий, французский, испанский, итальянский, китайский, японский, арабский и хинди.

Журнал придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-66596 от 21 июля 2016 г.

Публикация статей в журнале осуществляется бесплатно.

Адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, 76, МГИМО МИД России

Тел.: +7 (495) 225-38-57

E-mail: philnauki@inno.mgimo.ru

Интернет-сайт: philnauki.mgimo.ru

Филологические науки в МГИМО / MGIMO Journal of Language Research and Teaching: Журнал. Том 12. №2. / Гл. ред. В.М. Глушак. – М.: МГИМО-Университет, 2026. – 138 с.

Научное издание

Филологические науки в МГИМО / MGIMO Journal of Language Research and Teaching. Том 12. №2.

Выпускающий редактор: Е.А. Крашенинникова

Корректурa: В.Е. Анисимов; М.М. Конколь

Компьютерная верстка и дизайн: Д.Е. Волков

Распространяется по подписке. Подписной индекс в каталоге ООО «Урал-Пресс» 80991.

Цена свободная.

Подписано в печать 18.06.2026 г. Формат 60x84¹/8. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 17,25. Тираж 500 экз. 1-й завод 33 экз. Заказ № 1006.

Отпечатано в производственном отделе Издательского дома МГИМО.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

mgimo.ru/id; id@inno.mgimo.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Vasily M. Glushak – Doctor of Philology, Prof., German Department, MGIMO University, Russia

VICE EDITOR-IN-CHIEF, ASSOCIATE EDITOR (LINGUISTICS)

Vladislav E. Anisimov – Doctor of Philology, Assoc. Prof., French Department, MGIMO University, Russia

ASSOCIATE EDITOR (LANGUAGE TEACHING)

Marina M. Konkol – Dr. Sci (Education), Assoc. Prof., English Department №3, MGIMO University, Russia

EDITORIAL COORDINATOR

Elena A. Krashenninnikova – Expert at the Language Policy Directorate, MGIMO University, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Aleksakhin, Aleksei Nikolaevich – Doctor of Philology, Professor of the Department of Chinese, Vietnamese, Lao and Thai at MGIMO University, Russia;

Balditsin, Pavel Viacheslavovich – Doctor of Philology, Chair of the Department of Medialinguistics at Lomonosov Moscow State University, Russia;

Chesnokova, Olga Stanislavovna – Doctor of Philology, Professor of Foreign Languages Department, Philological Faculty at Peoples' Friendship University of Russia;

Evtsev, Sergei Valentinovich – Candidate of Philology, Professor at the Department of German, MGIMO University, Russia

Gladkova, Elena Lvovna – Candidate of Philology, Chair of the Department of Indo-Iranian and African languages at MGIMO University, Russia;

Golubkova, Ekaterina Evgenievna – Doctor of Philology, Professor of the Department of English Lexicology, Faculty of the English Language at Moscow State Linguistic University, Russia;

Gurevich, Tatiana Mikhailovna – Doctor of Cultural Sciences, Candidate of Philology, Professor of the Department of Japanese, Korean and Indonesian Languages at MGIMO University, Russia;

Iovenko, Valerii Alekseevich – Doctor of Philology, Professor of the Spanish Language Department at MGIMO University, Russia;

Ivanov, Nikolai Viktorovich – Doctor of Philology, Chair of the Department of Romance Languages, MGIMO University, Russia;

Ivushkina, Tatiana Aleksandrovna – Doctor of Philology, Chair of English Department №3, MGIMO University, Russia;

Kitabayashi, Hikaru – PhD, Professor Emeritus of Daito Bunka University, Japan;

Kizima, Marina Prokofievna – Doctor of Philology, Professor of the Department of World Literature and Culture, MGIMO University, Russia;

Kostikova, Lidiya Petrovna – Doctor of Pedagogy, Professor of Foreign Languages Department, Philosophy and Political Sciences of Ryazan State University, Russia;

Loseva, Natalia Vladimirovna – Candidate of Philology, Professor of the Department of French, MGIMO University, Russia;

Nabati, Shahram – Doctor of Philology, Chair of the Russian Language Department at Gilan University, Iran;

Nizhneva, Natalia Nikolaevna – Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, Corresponding member of the International Academy of Acmeological Sciences, Doctor of Pedagogy, Professor of English Linguistics Department at Belarusian State University, Belarus;

Ponomarenko, Evgeniia Vitalievna – Doctor of Philology, Professor of English Department №4, MGIMO University, Russia;

Pozdniakova, Elena Mikhailovna – Doctor of Philology, Professor of English Department №3, MGIMO University, Russia;

Repenkova, Mariia Mikhailovna – Doctor of Philology, Chair of the Department of Turkic Philology, Institute of Asia and Africa at Lomonosov Moscow State University, Russia;

Shtanov, Andrei Vladimirovich – Candidate of Philology, Chair of Near and Middle East Languages Department, MGIMO University, Russia;

Shubina, Elvira Leonidovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of German, MGIMO University, Russia;

Smirnova, Lyudmila – PhD, Professor of Education, Mount Saint Mary College, Division of Education, USA;

Ter-Minasova, Svetlana Grigoryevna – Doctor of Philology, President of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Moscow State University, Russia;

Varlamova, Elena Yuryevna – Doctor of Pedagogy, Professor at the I-12 Department of Linguistics and Translation Studies, Moscow Aviation Institute (National Research University), Russia;

Voevoda, Elena Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Chair of the Department of Pedagogy and Psychology, Professor at English Department №2, MGIMO University, Russia;

Yastrebova, Elena Borisovna – Candidate of Pedagogy, Professor of English Department №1, MGIMO University, Russia.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Глушак Василий Михайлович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкого языка МГИМО МИД России

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА, НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР ПО ФИЛОЛОГИЧЕСКИМ НАУКАМ

Анисимов Владислав Евгеньевич, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры французского языка МГИМО МИД России

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР ПО ПЕДАГОГИЧЕСКИМ НАУКАМ

Конколь Марина Михайловна, доктор педагогических наук, доцент, доцент кафедры английского языка №3

ОРГСЕКРЕТАРЬ, КООРДИНАТОР

Крашенинникова Елена Андреевна, эксперт Управления языковой подготовки МГИМО МИД России

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алексахин Алексей Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков МГИМО МИД России;

Балдицын Павел Вячеславович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой медиалингвистики МГУ им. М.В. Ломоносова;

Варламова Елена Юрьевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры И-12 «Лингвистика и переводоведение» ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)»;

Воевода Елена Владимировна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и психологии, профессор кафедры английского языка № 2 МГИМО МИД России;

Гладкова Елена Львовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой индоиранских и африканских языков МГИМО МИД России;

Голубкова Екатерина Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета;

Гуревич Татьяна Михайловна, доктор культурологии, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры японского, корейского и индонезийского языков МГИМО МИД России;

Евтеев Сергей Валентинович, к.филол. н., доцент, проф. кафедры немецкого языка МГИМО МИД России;

Иванов Николай Викторович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков МГИМО МИД России;

Ивушкина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языка №3 МГИМО МИД России;

Иовенко Валерий Алексеевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры испанского языка МГИМО МИД России;

Кизима Марина Прокофьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры мировой литературы и культуры МГИМО МИД России;

Китабаяси Хикару, PhD, заслуженный профессор Университета Дайто-Бунка, Япония, Токио;

Костикова Лидия Петровна, доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков института истории, философии и политических наук ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»;

Лосева Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры французского языка МГИМО МИД России;

Набати Шахрам, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, Гилянский университет, ИРИ;

Нишнева Наталья Николаевна, академик международной академии наук педагогического образования, член-корреспондент Международной академии акмеологических наук, доктор педагогических наук, профессор кафедры английского языкознания Белорусского государственного университета;

Позднякова Елена Михайловна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка №3 МГИМО МИД России;

Пономаренко Евгения Витальевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка №4 МГИМО МИД России;

Репенкова Мария Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова;

Смирнова Людмила, доктор педагогических наук, профессор, Колледж Маунт-Сент-Мэри, Нью-Йорк, США;

Тер-Минасова Светлана Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, президент факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова;

Чеснокова Ольга Станиславовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов;

Штанов Андрей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России;

Шубина Эльвира Леонидовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкого языка МГИМО МИД России;

Ястребова Елена Борисовна, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры английского языка № 1 МГИМО МИД России

CONTENTS

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Taxis and Evidentiality in Prepositional-Deverbative Constructions of the German Language: Dictum-Mode Opposition and Mechanisms of Semantic Integration	8
<i>Irina V. Arkhipova</i>	
Conceptual and Motivational Factors in French and Portuguese Political Discourse	23
<i>Lidia K. Vlasova</i>	
Japanese Negative Verdictives in the Light of Corpus Data	36
<i>Sergey V. Chironov</i>	

TEACHING AND LEARNING NATIVE AND FOREIGN LANGUAGES

Enhancing Cognitive Competence through Microlearning: a Pedagogical Model	58
<i>Ksenia V. Melnikova</i>	

TRANSLATION STUDIES

Strategies for Conveying Discourse Coherence in Simultaneous Interpreting from Russian into German	69
<i>Vladislav E. Porubilkin</i>	
Linguocultural Adaptation of Abbreviations, Pseudo-Internationalisms and Political Metaphors in English-to-Russian Film Discourse Translation	84
<i>Tatiana A. Fomina, Elena S. Zhdanovich, Irina G. Ignatieva, Anna B. Kornitskaya</i>	

CULTURE STUDIES

Russian Language as the Spiritual Space of Russian People	100
<i>Valentina A. Maslova</i>	
Significance of Linguistic and Cultural Codes in Russian Diplomatic Discourse	112
<i>Yulia I. Plakhotnaya</i>	

ACADEMIC LIFE

IV International Scientific and Practical Conference «Professional Polylogue in a Multilingual World: Language, Culture, Method» (Moscow, April 8-11; St. Petersburg, April 11, 2026)	129
<i>Lyubov L. Chitakhova, Ekaterina A. Samorodova</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Таксис и эвиденциальность в предложно-девербативных конструкциях немецкого языка: диктум-модусная оппозиция и механизмы семантической интеграции	8
<i>Архипова И.В.</i>	
Концептуальные и мотивационные факторы во французском и португальском политическом дискурсе	23
<i>Власова Л.К.</i>	
Японские негативные вердиктивы в свете корпусных данных	36
<i>Чиронов С.В.</i>	

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РОДНЫХ И ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Enhancing Cognitive Competence through Microlearning: a Pedagogical Model	58
<i>Мельникова К.В.</i>	

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Стратегии передачи связности дискурса в синхронном переводе с русского языка на немецкий	69
<i>Порубилкин В.Е.</i>	
Лингвокультурная адаптация аббревиатур, псевдоинтернациональных слов и политических метафор англоязычного кинодискурса в русском переводе	84
<i>Фомина Т.А., Жданович Е.С., Игнатьева И.Г., Корницкая А.Б.</i>	

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Русский язык как духовное пространство народа	100
<i>Маслова В.А.</i>	
Значение лингвокультурных кодов в российском дипломатическом дискурсе	112
<i>Плахотная Ю.И.</i>	

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

IV Международная научно-практическая конференция «Профессиональный полилог в мультилингвальном мире: язык, культура, метод» (г. Москва, 8-11 апреля, г. Санкт-Петербург, 11 апреля 2026 г.)	129
<i>Читахова Л.Л., Самородова Е.А.</i>	

Таксис и эвиденциальность в предложно-девербативных конструкциях немецкого языка: диктум-модусная оппозиция и механизмы семантической интеграции

И. В. Архипова

Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия

Аннотация. Проблема разграничения смежных функционально-семантических категорий остаётся одной из ключевых в современной лингвистике, особенно применительно к таксису и эвиденциальности. Категории таксиса и эвиденциальности, имея различную природу, в реальных языковых структурах взаимодействуют, создавая зоны синкретизма. Это взаимодействие становится наиболее заметным именно в тех случаях, где требуется их разграничение, что и составляет основную научную проблему. В современных исследованиях наблюдается тенденция к расширительному толкованию таксиса, вследствие чего в его сферу включаются конструкции с девербативами от модусных глаголов (речи, мысли, восприятия), которые по своей семантике тяготеют к эвиденциальности. Это приводит к размыванию границ между категориями и затрудняет их корректную идентификацию. Цель настоящего исследования – выявить характер семантической интеграции таксиса и эвиденциальности в предложно-девербативных конструкциях немецкого языка и предложить операциональные критерии их демаркации, необходимые для корректного описания как «чистых», так и синкретичных случаев. Новизна исследования заключается в построении трёхуровневой иерархической модели взаимодействия таксиса и эвиденциальности, описании механизма «опредмечивания» модусной ситуации, а также в выявлении синкретизма указанных категорий в предложно-девербативных конструкциях немецкого языка. Материалом послужили 11000 высказываний с предложными девербативами, извлечённые методом сплошной выборки из Лейпцигского национального корпуса. Для развёрнутого анализа из данного объёма было отобрано 320 контекстов, репрезентирующих все выделенные типы конструкций. Методологическую основу составил интегративный подход, сочетающий функционально-семантический, логико-семантический и контекстуальный анализ. В работе учитываются разные типы эвиденциальности: прямая (сенсорная), репортативная и инферентивная. Установлено, что девербативы от глаголов речи, мысли и восприятия подвергаются процессу «опредмечивания», благодаря которому исходно модусная ситуация приобретает статус диктумного события и становится доступной для участия в таксисных отношениях. Ключевым критерием демаркации выступает характер семантического взаимодействия пропозиций. Выделены три типа конструкций – с девербативами от глаголов речи, мысли и восприятия. Уточнён тезис о пропозициональной установке: эвиденциальность не всегда предполагает установку, она может сводиться к указанию

на источник информации. Выводы позволяют уточнить критерии разграничения смежных категорий в функциональной грамматике, могут быть использованы в преподавании немецкого языка как иностранного и открывают перспективы для сопоставительно-типологических исследований.

Ключевые слова: таксис, эвиденциальность, относительное время, диктум, модус, предложные девербативы, девербативы от модусных глаголов

Для цитирования: Архипова И. В. Таксис и эвиденциальность в предложно-девербативных конструкциях немецкого языка: диктум-модусная оппозиция и механизмы семантической интеграции (на материале немецкого языка) // Филологические науки в МГИМО. 2026. 12(2). С. 8–22. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2026-2-47-8-22>

Research article

Taxis and Evidentiality in Prepositional-Deverbative Constructions of the German Language: Dictum-Mode Opposition and Mechanisms of Semantic Integration

I. V. Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University,
Novosibirsk, Russia

Abstract. The problem of delimiting adjacent functional-semantic categories remains a key one in modern linguistics, particularly with regard to taxis and evidentiality. The categories of taxis and evidentiality, although distinct in nature, interact in real linguistic structures, creating zones of syncretism. This interaction becomes most noticeable precisely in cases where their distinction is required, which constitutes the main scientific problem. Contemporary research tends to interpret taxis broadly, thereby incorporating constructions with deverbatives from modal verbs (speech, thought, perception), which semantically tend toward evidentiality. This leads to a blurring of the boundaries between categories and complicates their correct identification. The goal of this study is to identify the nature of the semantic integration of taxis and evidentiality in prepositional-deverbative constructions of the German language and to propose operational criteria for their demarcation, necessary for the correct description of both «pure» and syncretic cases. The novelty of this study lies in constructing a three-level hierarchical model of the interaction between taxis and evidentiality, describing the mechanism for «objectifying» a modus situation, and identifying the syncretism of these categories in prepositional-deverbative constructions of the German language. The material consists of 11,000 utterances with prepositional deverbatives, extracted using a continuous sample from the Leipzig National Corpus. For a detailed analysis, 320 contexts representing all the identified construction types were selected from this volume. The methodological basis is an integrative approach combining functional-semantic, logical-semantic, and contextual analysis. The study takes into account different types of evidentiality: direct (sensory), reportative, and inferential. It has been established that deverbatives of verbs of speech, thought, and perception undergo a process of «objectification,» through which the initially modal situation acquires the status of a dictum event and becomes available for participation in taxis relations. The key criterion for demarcation is the nature of the semantic interaction of propositions. Three types of constructions are identified: with deverbatives of verbs of speech, thought,

and perception. The thesis on propositional attitude is clarified: evidentiality does not always imply attitude; it can be reduced to indicating the source of information. The findings allow for a refinement of the criteria for delimiting adjacent categories in functional grammar, can be used in teaching German as a foreign language, and opens up prospects for comparative typological research.

Keywords: taxis, evidentiality, relative tense, dictum, mode, prepositional deverbatives, deverbatives from modus verbs

For citation: Arkhipova I. V. Taxis and Evidentiality in Prepositional-Deverbative Constructions of the German language: Dictum-Mode Opposition and Mechanisms of Semantic Integration. *MGIMO Journal of Language Research and Teaching*, 12(2), 8–22. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2026-2-47-8-22> (In Russian).

1. Введение

Проблема разграничения смежных функционально-семантических категорий остается одной из ключевых в современной лингвистике (Бондарко, 2011; Храковский, 2003). Особую остроту она приобретает в связи с категориями, относящимися к сфере позиционного времени, т.е. времени, устанавливающего взаимное положение событий на оси субстанциального времени безотносительно к моменту речи (Якобсон, 1972). К числу таких категорий относятся таксис и эвиденциальность (засвидетельствованность), которые, несмотря на принадлежность к единой семантической сфере относительного времени (обе устанавливают отношения между событиями или между событием и его источником), имеют принципиально различную категориальную природу и механизмы языковой реализации (Козинцева, 1994; Полянский, 1991).

Научная проблема, решаемая в настоящем исследовании, состоит в отсутствии чётких критериев разграничения таксиса и эвиденциальности в предложно-девербативных конструкциях немецкого языка. Именно разноплановость этих категорий при их формальном совпадении в одной конструкции и создаёт научную проблему. Если бы категории были однотипными, их разграничение было бы тривиальным. Однако таксис (отношение между двумя диктумными событиями) и эвиденциальность (отношение между модусом и диктумом) имеют разную логическую структуру, но в предложно-девербативных конструкциях кодируются одними и теми же языковыми средствами. Без чётких критериев исследователь не может определить, с какой категорией он имеет дело в каждом конкретном случае. Таким образом, проблема разграничения является не только актуальной, но и необходимой для корректного лингвистического анализа.

Категория таксиса, введённая Р. О. Якобсоном и получившая дальнейшее развитие в трудах А. В. Бондарко, понимается как выражение временных отношений между двумя и более действиями безотносительно к моменту речи (Якобсон, 1972; Бондарко, 2017). Категория эвиденциальности трактуется как указание на источник информации о сообщаемом факте (Якобсон, 1972; Козинцева, 1994). Семантическое сходство этих категорий заключается в том, что обе они относятся к сфере относительного времени: таксис кодирует хронологическую связь между событиями (En En), а эвиденциальность – эпистемическую связь между событием и его источником (En Ens/Es).

Таксис и эвиденциальность не только могут, но и регулярно демонстрируют зоны пересечения в реальных языковых структурах, что обусловлено самим характером категориальных границ в языке. Р. О. Якобсон, введя формулы (En En) для таксиса и (En Ens/Es) для эвиденциальности, указал на различную природу этих категорий, однако не утверждал, что они не способны взаимодействовать в рамках одной конструкции. Языковой материал свидетельствует о многочисленных случаях, когда девербатив от модусного глагола одновременно имплицитно указывает источник информации (эвиденциальность) и участвует в хронологических отношениях с другим событием

(таксис). Игнорирование этого двуединого подхода ведёт к категориальным ошибкам: таксисные отношения приписываются там, где на самом деле имеет место модусная рамка, и наоборот. Следовательно, разноплановые категории могут и должны взаимодействовать на синтаксическом уровне, и именно это взаимодействие составляет предмет настоящего исследования.

В современной лингвистике наблюдается тенденция к расширительному толкованию таксиса, в результате чего в его сферу нередко включаются конструкции с девербативами от модусных глаголов (Архипова, 2023). Это обуславливает необходимость описания механизмов семантической интеграции – под которыми в данной работе понимается совокупность языковых операций (номинализация, таксисное маркирование предлогом, контекстуальная актуализация), обеспечивающих совмещение в одной конструкции эвиденциального и таксисного компонентов.

Цель работы – выявить механизмы семантической интеграции таксиса и эвиденциальности в предложно-девербативных конструкциях немецкого языка и предложить операциональные критерии их демаркации, необходимые на начальном этапе анализа при разграничении «чистых» и синкретичных случаев. Без чёткой демаркации невозможно корректно описать взаимодействие. Демаркация и анализ взаимодействия – это два необходимых этапа одного исследовательского процесса. Предлагаемые в работе критерии (характер семантического взаимодействия пропозиций: «диктум – диктум» vs. «модус – диктум») как раз и позволяют на первом этапе отличить «чистый» таксис от эвиденциальности, чтобы затем на втором этапе описать зоны их синкретизма. Соответственно, закрываемый пробел в литературе заключается в отсутствии работ, которые бы на конкретном материале показали, как именно «опредмеченная» модусная ситуация сохраняет эвиденциальный потенциал и одновременно включается в таксисные отношения и предложили бы иерархическую модель их взаимодействия. В данном случае важно не просто констатировать наличие взаимодействия, а показать, как именно оно устроено: через какие операции (номинализация, опредмечивание, таксисное маркирование предлогом) модусная ситуация приобретает статус диктумного события.

В работе различаются типы эвиденциальности: 1) прямая эвиденциальность (сенсорное восприятие: *sehen, hören*); 2) репортативная эвиденциальность (пересказ: *berichten, sagen*); 3) инферентивная эвиденциальность (умозаключение: *folgern, schließen*). С точки зрения категориальной природы, таксис и эвиденциальность относятся к разным типам: таксис является коннекторной нешифтерной категорией, характеризующей отношение между двумя сообщаемыми фактами (*En En*); эвиденциальность представляет собой категорию, включающую в свою семантическую структуру указание на факт сообщения (*Es*) или передаваемый факт сообщения (*Ens*), что сближает её с шифтерными категориями. Именно эта разнотипность создаёт основу для их взаимодействия в зонах синкретизма.

Научная новизна исследования заключается в следующем: 1) впервые предложена трёхуровневая иерархическая модель взаимодействия таксиса и эвиденциальности в предложно-девербативных конструкциях (уровень эвиденциальности → уровень девербативизации → уровень таксиса); 2) выявлен и описан механизм «опредмечивания» модусной ситуации, обеспечивающий переход модусного компонента в ранг диктумного события; 3) установлен иерархический синкретизм, при котором эвиденциальный компонент присутствует имплицитно, а таксисный эксплицируется предлогом; 4) на материале немецкого языка доказано, что девербативы от модусных глаголов выполняют роль «моста» между указанными категориями. Личный вклад автора в общую теорию состоит в построении иерархической структуры, которая позволяет не разводить таксис и эвиденциальность как взаимоисключающие категории, а описывать их сосуществование в рамках одной конструкции.

Таким образом, предложенная модель и механизм опредмечивания представляют собой ту самую существенную теоретическую переработку, которая позволяет перейти от констатации разноплановости категорий к их системному описанию в зонах синкретизма. Без демаркации нет анализа, без анализа нет модели – такова логика исследования, которая последовательно реализуется в настоящей работе.

В лингвистической литературе проблематика таксиса и эвиденциальности разрабатывается в нескольких ключевых направлениях. Работы А. В. Бондарко заложили основы функционально-семантического подхода к таксису, понимаемому как функционально-семантическое поле с бицентрической структурой, включающее субполя независимого и зависимого таксиса (Бондарко, 2011, 2017). В. С. Храковский предложил развернутую характеристику таксиса как коннекторной категории (Храковский, 2003). Исследования взаимодействия таксиса и эвиденциальности представлены работами, в которых анализируются зоны синкретизма данных категорий и семантическая интеграция в девербативных конструкциях (Бобкова, 2016; Залялетдинова, 2011, 2017; Архипова, 2023). Сопоставительно-типологические исследования таксиса на материале разноструктурных языков (русского, немецкого, осетинского, чешского, французского) позволяют выявить универсальные и идиоэтнические характеристики данной категории (Безроднова, 2009; Годизова и др., 2019; Коцкова, 2019; Саидова, 2023; Калабекова, 2024; Шаммасова, 2017). Зависимый таксис, осложнённый элементами логической обусловленности, а также его реализация в различных языках (русском, французском, татарском) рассматриваются в ряде работ, где особое внимание уделяется причастным и деепричастным оборотам, а также сложноподчинённым конструкциям (Кунавина и др., 2025; Донченко, 2025; Макаров, 2025). Нестандартные случаи выражения одновременности, в частности с глаголами движения, также привлекают внимание исследователей (Иванова-Жданова и др., 2024). Эвиденциальность на материале немецкого языка анализируется как в аспекте её грамматического выражения, так и в дискурсивном преломлении, включая научный дискурс (Астахова, 2020, 2024; Бабёр, 2011; Чепурная, 2018; Михайлова, 2009; Гричин и др., 2022). В типологической перспективе эвиденциальность рассматривается как функционально-семантическая категория уровня модальности, при этом исследуются глаголы восприятия как её компонент, а также сопоставляются средства её выражения в разноструктурных языках (Каксин, 2010; Мартынычева и др., 2015; Профатилова и др., 2020). Отдельное внимание уделяется взаимодействию эвиденциальности с другими модусными категориями (Козловский, 2022). Взаимодействие таксиса со смежными категориями (аспектуальностью, темпоральностью, дейксисом) составляет ещё одно значимое направление современных исследований. В рамках этого направления изучаются роль темпорального коннектора в актуализации таксисных значений, реализация таксиса в простом осложнённом предложении, в художественном диалоге, а также в сложносочинённых конструкциях (Бобкова, 2016; Великова, 2014; Долженко, 2023; Ерохина, 2023; Нематуллоева, 2012). Причастные обороты как средство выражения зависимого таксиса анализируются на материале русского и английского языков (Залялетдинова, 2011, 2017). Сопоставительный анализ таксиса в русском и персидском языках позволяет выявить семантические особенности и разнообразие средств его выражения (Ханджани и др., 2013). Феномен недифференцированного таксиса в аспектуально маркированных контекстах, а также причастие как периферийный компонент зависимого таксиса также получают освещение в работах отечественных лингвистов (Семенова, 2002; Новикова, 2011). Категория валентностного таксиса, связанная с ментальными глаголами, описывается на материале французского языка (Корди, 2020). Несмотря на значительное количество работ, посвященных как таксису, так и эвиденциальности, проблема их взаимодействия в предложно-девербативных конструкциях, особенно в немецком языке, остается недостаточно изученной. Данное исследование закрывает эту лауну, предлагая конкретную модель семантической интеграции двух категорий.

2. Материалы и методы

Материалом настоящего исследования послужили высказывания немецкого языка с предложными девербативами, извлеченные методом сплошной выборки из Лейпцигского национального корпуса (Leipzig Corpora Collection – LC). Общий объём проанализированного материала составил 11000 контекстов. Для развёрнутого семантического и контекстуального анализа из этого объёма методом стратифицированной выборки было отобрано 320 репрезентативных примеров, равномерно покрывающих три выделенных типа конструкций (с девербативами от глаголов

речи, мысли и восприятия) и все типы таксисных отношений (одновременность, предшествование, следование). Параметры поиска включали сочетания предлогов (nach, vor, bei, seit, durch) с девербативами, образованными от глаголов речи, мысли и восприятия.

Методологическую основу исследования составляет интегративный подход, сочетающий несколько методов лингвистического анализа. Функционально-семантический анализ применялся для определения категориальной специфики таксисных и эвиденциальных значений, актуализируемых в исследуемых конструкциях, а также для выявления их места в системе функционально-грамматических категорий. Логико-семантический анализ использовался для установления характера семантических отношений между пропозициями, репрезентируемыми девербативом и глагольным предикатом, а именно для разграничения отношений типа «диктум – диктум» и «модус – диктум». Контекстуальный анализ позволял учитывать влияние лексико-грамматического окружения на актуализацию тех или иных таксисных и эвиденциальных значений, включая роль итеративных, фазовых и кондициональных адвербиалов.

Процедура анализа включала несколько этапов. На первом этапе осуществлялась идентификация предложно-девербативных конструкций в корпусном материале. На втором этапе проводился семантический анализ девербатива: определялся производящий глагол, устанавливалась принадлежность девербатива к одной из трех групп (девербативы от глаголов речи, мысли или восприятия), определялся тип эвиденциального значения и оценивалась степень сохранения исходной модусной семантики. На третьем этапе анализировался предлог, вводящий девербатив, и определялся тип таксисного отношения (одновременность, предшествование, следование) с учетом примарной или секундарной природы таксиса. На четвертом этапе устанавливался характер семантического взаимодействия между событием, обозначаемым девербативом, и событием, обозначаемым глагольным предикатом, с целью определения доминирующей категории (таксис или эвиденциальность).

3. Результаты и дискуссия

В работе Р. О. Якобсона «Шифтеры, глагольные категории и русский язык» (Якобсон, 1972) впервые вводится категория таксиса. Учёный разграничивает четыре сущности: сообщаемый факт (En), факт сообщения (Es), участника сообщаемого факта (Pn) и участника факта сообщения (Ps). На этом основании все глагольные категории делятся на два типа: содержащие указание на участников сообщаемого факта и не содержащие такого указания. Категории второго типа характеризуют либо сам сообщаемый факт (En), либо его отношение к другому сообщаемому факту (En En). Последняя, обозначаемая формулой (En En), и называется таксисом (Якобсон, 1972, с. 96). Таксис относится к коннекторам (категориям, характеризующим величину через отношение к другому объекту) и одновременно является нешифтером, поскольку отношение устанавливается безотносительно к факту сообщения. Р. О. Якобсон определяет таксис следующим образом: «таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» (Якобсон, 1972, с. 101). Базовые признаки таксиса – нешифтерность и коннекторность. Исследователь проводит чёткое разграничение между таксисом и эвиденциальностью (категорией засвидетельствованности). Формула таксиса – (En En), эвиденциальности – (En En/Es). Последняя учитывает три факта: сообщаемый факт, факт сообщения и передаваемый факт сообщения (Ens), т.е. источник сведений (Якобсон, 1972, с. 102). Как отмечает Н. А. Козинцева, семантика высказываний с эвиденциальностью включает рамочную (EV) и пропозитивную части (P): «Говорящий сообщает, что [X видел/полагает/узнал, что] P», где X – субъект модуса (Козинцева, 1994, с. 93). Источником информации может быть чувственное восприятие (зрительное, слуховое, основанное на ощущениях), логическое умозаключение или сообщение других лиц. В рамках функционально-семантической концепции А. В. Бондарко таксис рассматривается как функционально-семантическое поле с бицентрической структурой, включающее субполя независимого и зависимого таксиса (Бондарко, 1984, 2011, 2017). Субполе зависимого таксиса конституируют, в частности, высказывания с предложными девербативами. Важным вкладом в развитие теории

является разграничение примарного и секундарного таксиса (Архипова, 2023). Примарный таксис – это «чистый» зависимый таксис одновременности и разновременности без элементов логической обусловленности. Его категориальная семантика актуализируется с помощью таксисных предлогов темпоральной семантики (*während, vor, nach, seit, bis / bis zu*) и политаксисных предлогов в темпоральном значении (*in, bei, mit*). Секундарный таксис – разновидность зависимого таксиса одновременности, осложнённая обстоятельственными элементами логической обусловленности (модальными, инструментальными, медиальными, каузальными, кондициональными, concessивными, консекутивными, финальными) (Архипова, 2023).

Разграничение сфер «диктум – диктум» и «модус – диктум» имеет принципиальное значение для демаркации таксиса и эвиденциальности.

Термин «модусная ситуация» употребляется в традиции, восходящей к Ш. Балли, и обозначает ту часть семантической структуры высказывания, которая связана с субъектом речи/мысли/восприятия и источником информации. Конструкция типа *jemand berichtete, dass...* квалифицируется как модусная потому, что глагол *berichten* вводит не основное событие, а указание на источник информации (речевой акт).

Применительно к предложно-девербативным конструкциям следует дифференцировать два типа образований. Первый тип – собственно таксисные предложно-девербативные конструкции, в которых девербатив обозначает диктумное событие, вступающее в хронологические отношения с другим диктумным событием, выраженным глагольным предикатом. К этому типу относятся предложные конструкции с девербативами от акциональных, процессуальных и событийных глаголов (*bei der Abreise, nach dem Essen, vor dem Schlafen*). Второй тип – эвиденциально-таксисные предложно-девербативные конструкции, в которых девербатив образован от модусного глагола (речи, мысли, восприятия) и имплицитно отсылку к источнику информации, но при этом функционирует как диктумное событие, участвующее в таксисных отношениях (*nach dem Bericht, bei der Ankündigung, vor der Schilderung*). Именно второй тип конструкций представляет собой зону сопряжения рассматриваемых категорий и требует специального анализа.

Девербативы, образованные от модусных глаголов, составляют особую группу отглагольных имен, характеризующуюся семантической двуплановостью. С одной стороны, они наследуют от производящих глаголов указание на определенный тип модусной ситуации (речь, мысль, восприятие), с другой стороны, как имена существительные, они приобретают способность обозначать «опредмеченную» ситуацию, которая может выступать в качестве самостоятельного диктумного события.

В немецком языке к числу продуктивных моделей образования таких девербативов относятся девербативы на *-ung* от глаголов речи и мысли (*die Äußerung, die Behauptung, die Mitteilung, die Erklärung, die Feststellung, die Bemerkung, die Andeutung, die Erwähnung, die Schilderung, die Darstellung, die Verkündung, die Bekanntgabe*), девербативы на *-ung* от глаголов восприятия (*die Beobachtung, die Wahrnehmung, die Empfindung*), девербативы на *-en* (субстантивированные инфинитивы) от глаголов речи, мысли и восприятия (*das Reden, das Sprechen, das Erzählen, das Denken, das Überlegen, das Nachdenken, das Sehen, das Hören, das Fühlen, das Beobachten*), а также безаффиксные девербативы от глаголов речи и мысли (*der Bericht, der Verzicht, der Vorwurf, der Hinweis, der Beweis, der Anblick, der Gedanke*). Все эти девербативы сохраняют имплицитную отсылку к модусной ситуации, но в предложно-девербативных конструкциях выступают в качестве диктумных событий, способных участвовать в таксисных отношениях.

Процесс «опредмечивания» модусной ситуации может быть представлен как последовательность следующих семантических операций. Исходная структура представляет собой модусную рамку и пропозитивное содержание, что демонстрирует следующий пример.

Пример 1: *Jemand berichtete, dass das Treffen stattgefunden hatte.* – Кто-то сообщил, что встреча состоялась. (Здесь и далее перевод с немецкого наш. – И. А.)

Затем происходит номинализация – свертывание пропозиции в событийное имя: *der Bericht über das Treffen* (сообщение о встрече). Далее осуществляется таксисная интеграция – включение номинализованной ситуации в таксисные отношения (см. следующий 2).

Пример 2: *Nach dem Bericht über das Treffen ging er nach Hause.* – После сообщения о встрече он пошел домой.

Итак, девербатив, образованный от модусного глагола, выполняет роль своеобразного «моста» между сферами модуса и диктума, обеспечивая возможность включения эвиденциальных ситуаций в таксисные отношения.

Анализ эмпирического материала позволяет выделить несколько типов предложно-девербативных конструкций с девербативами от модусных глаголов в зависимости от семантики производящего глагола и типа таксисного отношения. Первый тип – конструкции с девербативами от глаголов речи, который является наиболее продуктивным (репортативная эвиденциальность). Девербативы от глаголов речи (*Bericht, Mitteilung, Erklärung, Äußerung, Behauptung, Schilderung, Darstellung, Bekanntgabe, Verkündung, Erwähnung*) выступают в качестве временных ориентиров, маркируя точку отсчета для последующего или предшествующего действия.

Приведем примеры.

Пример 3: *Vor der Bekanntgabe der Ergebnisse herrschte gespannte Stille* (LC) – Перед объявлением результатов царило напряженное молчание.

Пример 4: *Seit der Verkündung des Urteils lebte er in ständiger Angst* (LC). – С момента оглашения приговора он жил в постоянном страхе.

Пример 5: *Bei der Erwähnung seines Namens zuckte sie zusammen* (LC). – При упоминании его имени она вздрогнула.

В данных примерах девербативы *Bekanntgabe, Verkündung, Erwähnung* имплицитно речевого акта, но функционируют как диктумные события, вступающие в таксисные отношения с глагольными предикатами в форме претерита (*herrschte, lebte, zuckte ... zusammen*). В примере (3) девербатив *Bekanntgabe* (от глагола *bekanntgeben* – *объявлять, сообщать*) обозначает акт официального сообщения информации. Предлог *vor* маркирует отношение строгого предшествования: событие, обозначаемое девербативом (*Bekanntgabe der Ergebnisse* – *объявление результатов*), следует во времени за событием, обозначаемым глагольным предикатом. Глагольный предикат *herrschte* (претерит от *herrschen* – *царить*) выражает состояние, которое имеет место в интервале, непосредственно предшествующем речевому акту. Девербатив *Bekanntgabe* выступает в роли временной границы, по достижении которой состояние сменяется другим. Эвиденциальный компонент (указание на то, что информация получена посредством речевого акта) присутствует имплицитно, будучи унаследованным от семантики производящего глагола. В примере (4) девербатив *Verkündung* (от глагола *verkünden* – *оглашать, провозглашать*) обозначает акт официального провозглашения, обычно имеющий юридическую силу. Предлог *seit* маркирует отношение нестрогого (протяжённого) следования с элементом длительности: событие, обозначаемое девербативом (*Verkündung des Urteils* – *оглашение приговора*), предшествует во времени событию, обозначаемому глагольным предикатом, причём последнее представляет собой протяжённое во времени состояние, которое началось в момент оглашения и продолжается после него. Глагольный предикат *lebte* (претерит от *leben* – *жить*) в сочетании с обстоятельством *in ständiger Angst* (в постоянном страхе) выражает длительное состояние, которое занимает временной интервал, следующий за моментом оглашения. Эвиденциальный компонент сохраняется в виде имплицитной отсылки к речевому акту как источнику информации: именно факт оглашения (а не само событие приговора) становится точкой отсчёта. В примере (5) девербатив *Erwähnung* (от глагола *erwähnen* – *упоминать*) обозначает краткий речевой акт, не предполагающий развёрнутого сообщения. Предлог *bei* маркирует отношение одновременности (синхронии) между событием, обозначаемым девербативом (*Erwähnung seines Namens* – *упоминание его имени*), и событием, обозначаемым глагольным предикатом. Глагольный предикат *zuckte ... zusammen* (претерит от *zusammenzucken* – *вздрагивать*) выражает мгновенную, рефлексивную реакцию, которая мыслится как происходящая в тот же самый момент. Девербатив *Erwähnung* выступает в роли временного ориентира, задающего точку отсчёта для развёртывания основного предикатного события. Эвиденциальный компонент (имплицитная отсылка к речевому акту как источнику информации) присутствует, однако доминирующей является таксисная семантика одновременности.

Второй тип – конструкции с девербативами от глаголов мысли (инферентивная эвиденциальность). Девербативы от глаголов мысли (*Gedanke, Überlegung, Nachdenken, Erwägung*) обозначают ментальные акты, которые также могут выступать в качестве временных ориентиров.

Приведем примеры.

Пример 6: *Nach kurzem Nachdenken gab er seine Zustimmung* (LC). – После короткого размышления он дал свое согласие.

Пример 7: *Bei dem Gedanken an die Reise wurde ihm ganz warm ums Herz* (LC). – При мысли о поездке у него потеплело на душе.

Пример 8: *Sie reden vor dem Überlegen!* (LC).

В этих конструкциях девербативы *Nachdenken, Gedanke, Überlegen* обозначают ментальные процессы, которые, будучи «опредмеченными», получают статус диктумных событий и участвуют в таксисных отношениях. В высказывании (6) девербатив *Nachdenken* (субстантивированный инфинитив от глагола *nachdenken* – *размышлять, обдумывать*) обозначает ментальный процесс, имеющий определённую временную протяжённость (что подчёркивается атрибутом *kurz* – *короткий*). Предлог *nach* маркирует отношение строгого следования: событие, обозначаемое девербативом (*Nachdenken* – *размышление*), предшествует во времени событию, обозначаемому глагольным предикатом. Глагольный предикат *gab ... seine Zustimmung* (претерит от *seine Zustimmung geben* – *дать своё согласие*) обозначает волевой речевой акт, который следует за ментальным процессом. Девербатив *Nachdenken* выступает в роли временного ориентира, маркирующего этап, предшествующий принятию решения. Эвиденциальный компонент (указание на то, что информация или решение получены посредством ментальной деятельности) присутствует имплицитно, будучи унаследованным от семантики производящего глагола. В примере (7) девербатив *Gedanke* (от глагола *denken* – *думать, мыслить*) обозначает ментальный акт, а именно возникновение мысли о некотором объекте (*Reise* – *поездка*). В отличие от длительного размышления (*Nachdenken*), имя существительное *Gedanke* может обозначать как кратковременный, так и более протяжённый ментальный процесс. Предлог *bei* маркирует отношение одновременности: эмоциональное состояние, обозначаемое глагольным предикатом, возникает в момент, когда мысль присутствует в сознании субъекта, и длится ровно столько, сколько длится ментальный акт. Глагольный предикат *wurde ... ganz warm ums Herz* (претерит от *warm ums Herz werden* – *потеплеть на душе*) представляет собой фразеологизированное сочетание, обозначающее возникновение тёплого, радостного чувства. Таксисное отношение одновременности эксплицируется предлогом *bei*, указывающим на синхронность. Эвиденциальный компонент сохраняется в виде имплицитной отсылки к источнику информации (субъект либо сам думает о поездке, либо мысль возникает у него непроизвольно). В высказывании (8) девербатив *Überlegen* (субстантивированный инфинитив от глагола *überlegen* – *обдумывать, размышлять*) обозначает ментальный процесс, который в данной конструкции выступает в роли временного ориентира. Предлог *vor* маркирует отношение строгого предшествования: событие, обозначаемое глагольным предикатом (*reden* – *говорить*), предшествует во времени событию, обозначаемому девербативом (*Überlegen*). Иными словами, речевая деятельность имеет место до начала ментального акта обдумывания. Глагольный предикат *reden* стоит в форме презенса (настоящего времени), что придаёт высказыванию характер обобщённо-временного или повторяющегося действия (так называемое актуально-постоянное или итеративное значение). Форма множественного числа *Sie* (здесь – *они*) указывает на неопределённое множество субъектов. Девербатив *Überlegen*, будучи «опредмеченным» ментальным процессом, получает статус диктумного события и вступает в таксисные отношения с глагольным предикатом. В данном высказывании на первый план выступает не столько констатация конкретной хронологической последовательности, сколько нормативно-оценочный смысл: говорящий критикует речевую деятельность, которая происходит без предварительного обдумывания. Таким образом, таксисное отношение предшествования приобретает дополнительную модально-оценочную нагрузку. Эвиденциальный компонент присутствует имплицитно, будучи унаследованным от семантики производящего глагола *überlegen*.

Третий тип – конструкции с девербативами от глаголов восприятия (прямая эвиденциальность). Девербативы от глаголов восприятия (*Anblick*, *Beobachtung*, *Wahrnehmung*, *Empfindung*) обозначают перцептивные акты, служащие фоном или условием для разворачивания других событий.

Приведем примеры.

Пример 9: *Beim Anblick des Fotos erinnerte er sich an seine Kindheit* (LC). – При виде фотографии он вспомнил свое детство.

Пример 10: *Nach der ersten Wahrnehmung des Geräusches wurde er hellwach* (LC). – После первого восприятия звука он стал совершенно бодрым.

Пример 11: *Durch die genaue Beobachtung des Verhaltens konnte er die Situation einschätzen* (LC). – Благодаря точному наблюдению за поведением он смог оценить ситуацию.

В данных примерах девербативы обозначают перцептивный акт (зрительное, слуховое или иное сенсорное восприятие), который служит временным фоном, условием или инструментом для разворачивания основного события, выраженного глагольным предикатом. В высказывании (9) девербатив *Anblick* (от глагола *anblicken* – «взглянуть, окинуть взором») обозначает акт зрительного восприятия. Предлог *bei* маркирует отношение таксисной одновременности между двумя синхронными событиями – девербатива и глагола. Девербатив *Anblick* выступает в роли временного ориентира, задающего точку отсчёта для развёртывания основного предикатного события. Эвиденциальный компонент присутствует имплицитно, будучи унаследованным от семантики производящего глагола. В примере (10) девербатив *Wahrnehmung* (от глагола *wahrnehmen* – «воспринимать, ощущать») обозначает акт слухового восприятия. Предлог *nach* маркирует отношение строгого следования: событие, обозначаемое девербативом (восприятие звука), предшествует во времени событию, обозначаемому глагольным предикатом. Таксисное отношение эксплицируется предлогом *nach*, который указывает на отношение строгого следования. Эвиденциальный компонент сохраняется в виде имплицитной отсылки к источнику информации (субъект воспринял звук органами слуха). Пример (11) демонстрирует секундарный таксис, осложнённый инструментально-каузальным значением. Девербатив *Beobachtung* (от глагола *beobachten* – «наблюдать») обозначает целенаправленный, протяжённый во времени перцептивный акт. Предлог *durch* (вводит значение инструмента или средства («посредством», «благодаря»), которое накладывается на таксисную основу. Отношение между перцептивным актом и основным событием не сводится к чистой хронологии: наблюдение выступает не просто как временной фон, но как инструментальное условие, сделавшее возможным последующее действие (оценку ситуации). Таксисная одновременность здесь совмещена с семантикой каузальной обусловленности.

Следует отметить, что эвиденциальность не всегда предполагает пропозициональную установку. В конструкциях с девербативами от глаголов речи и мысли пропозициональная установка действительно часто присутствует (пересказ чужого мнения, внутреннее умозаключение). Однако в конструкциях с девербативами от глаголов восприятия (прямая эвиденциальность) установка может редуцироваться до простого указания на источник без оценки. Так, в примере (9) *Beim Anblick des Fotos erinnerte er sich an seine Kindheit* (LC) нет явной установки «я считаю, что...» – есть имплицитная отсылка к визуальному восприятию. Таким образом, эвиденциальность реализуется в сфере «модус – диктум», но пропозициональная установка является лишь одним из возможных её проявлений, а не обязательным признаком.

Проведенный анализ позволяет представить соотношение рассмотренных категорий в виде иерархической структуры, отражающей уровни семантической организации высказывания с предложными девербативами от модусных глаголов.

Уровень 1 (эвиденциальность) представляет собой модусную рамку (глагол речи, мысли, восприятия) плюс пропозитивное содержание. На этом уровне формируется исходная эвиденциальная ситуация, которая может быть эксплицирована в виде конструкции с предикатным актантом, о чем свидетельствуют следующие примеры:

Пример 12: *Er berichtete, dass das Treffen stattgefunden hatte.* – Он сообщил, что встреча состоялась.

Пример 13: *Sie dachte, dass er schon abgereist sei.* – Она думала, что он уже уехал).

Пример 14: *Er sah, wie sie das Haus verließ.* – Он видел, как она выходила из дома).

Уровень 2 (девербативизация) представляет собой «опредмечивание» модусной ситуации через девербатив. На этом уровне происходит свертывание пропозиции в событийное имя, которое сохраняет имплицитную отсылку к модусной ситуации, но приобретает статус самостоятельного диктумного события: *der Bericht über das Treffen* (сообщение о встрече); *der Gedanke an seine Abreise* (мысль о его отъезде); *der Anblick des Hauses* (вид дома).

Уровень 3 (таксис) представляет собой включение опредмеченной модусной ситуации в таксисные отношения. На этом уровне девербатив от модусного глагола в составе предложно-девербативной конструкции вступает в хронологические отношения с другим диктумным событием, выраженным глагольным предикатом. Предлог маркирует тип таксисного отношения (одновременность, предшествование, следование).

Приведем примеры.

Пример 15: *Nach dem Bericht über das Treffen ging er nach Hause.* – После сообщения о встрече он пошел домой.

Пример 16: *Bei dem Gedanken an seine Abreise wurde sie traurig.* – При мысли о его отъезде она опечалилась.

Пример 17: *Vor dem Anblick des Hauses blieb er stehen.* – Перед видом дома он остановился.

Таким образом, девербативы от модусных глаголов выполняют роль «моста» между уровнями, обеспечивая возможность включения эвиденциальных ситуаций в таксисные отношения.

В предложно-девербативных конструкциях с девербативами от модусных глаголов наблюдается синкретизм эвиденциальных и таксисных значений, проявляющийся в том, что одна и та же языковая единица (предложно-девербативная конструкция) совмещает в себе указание на источник информации (эвиденциальный компонент) и выражение хронологического отношения (таксисный компонент). Данный синкретизм может быть охарактеризован как иерархический: эвиденциальное значение присутствует имплицитно, как наследие семантики производящего модусного глагола, тогда как таксисное значение эксплицируется предлогом и актуализируется в контексте высказывания. Рассмотрим следующие примеры:

Пример 18: *Nach seiner Darstellung der Ereignisse wurde der Fall abgeschlossen.* – После его изложения событий дело было закрыто.

Девербатив *Darstellung* имплицитно речевого акт (некто изложил события), что составляет эвиденциальный компонент значения. Предлог *nach* эксплицирует отношение следования между событием изложения и событием завершения дела, что составляет таксисный компонент. В результате конструкция компактно выражает сложный семантический комплекс: имел место акт изложения событий (эвиденциальность), и после этого (таксис) дело было закрыто.

Пример (19): *Bei der Erwähnung seines Namens reagierte das Publikum mit Applaus.* – При упоминании его имени публика отреагировала аплодисментами.

Девербатив *Erwähnung* имплицитно речевого акт (кто-то упомянул имя). Предлог *bei* маркирует отношение одновременности между актом упоминания и реакцией публики. Конструкция выражает значение: в момент, когда имел место акт упоминания (эвиденциальность), публика отреагировала аплодисментами (таксис). Этот синкретизм является проявлением более общего свойства языка – способности к компрессии сложных семантических структур и их выражению компактными языковыми средствами.

Таким образом, предложенная трёхуровневая иерархическая модель (эвиденциальность → девербативизация → таксис) представляет собой основной вклад автора в теорию взаимодействия данных категорий и позволяет системно описывать синкретичные случаи, не сводя их ни к чистому таксису, ни к чистой эвиденциальности.

4. Заключение

Итак, категория таксиса, понимаемая как выражение временных отношений между двумя и более действиями безотносительно к моменту речи, и категория эвиденциальности, понимаемая как указание на источник информации о сообщаемом факте, имеют четкие категориальные признаки, восходящие к концепции Р. О. Якобсона: нешифтерность и коннекторность для таксиса, включенность факта сообщения в семантическую структуру для эвиденциальности. Ключевым критерием демаркации таксиса и эвиденциальности выступает характер семантического взаимодействия соотносимых пропозиций. Таксис формируется в сфере «диктум – диктум», предполагая соотнесение двух равноправных диктумных событий. Эвиденциальность реализуется в сфере «модус – диктум», где одно из событий выполняет функцию пропозициональной установки по отношению к другому. Выводом исследования является доказательство того, что в предложно-девербативных конструкциях с девербативами от модусных глаголов этот критерий не отменяется, но дополняется описанием механизма «опредмечивания», благодаря которому исходно модусная ситуация приобретает статус диктумного события и начинает участвовать в таксисных отношениях, сохраняя при этом имплицитный эвиденциальный компонент.

Предложно-девербативные конструкции с девербативами от модусных глаголов представляют собой особую зону, где взаимодействие таксиса и эвиденциальности проявляется наиболее отчетливо. Девербативы, образованные от глаголов речи, мысли и восприятия, подвергаются процессу «опредмечивания», в результате которого исходно модусная ситуация получает статус диктумного события и становится доступной для участия в таксисных отношениях. Выделяются три основных типа таких конструкций – с девербативами от глаголов речи, мысли и восприятия, – каждый из которых характеризуется определенными семантическими и структурными особенностями. Соотношение таксиса и эвиденциальности в предложно-девербативных конструкциях может быть представлено в виде предложенной автором иерархической структуры, включающей три уровня: уровень исходной эвиденциальной ситуации (модусная рамка + пропозитивное содержание), уровень девербативизации («опредмечивание» модусной ситуации) и уровень таксисной интеграции (включение опредмеченной ситуации в таксисные отношения). Это иерархическое построение является главным результатом исследования и личным вкладом автора в разработку проблемы семантической интеграции таксиса и эвиденциальности. В предложно-девербативных конструкциях с девербативами от модусных глаголов наблюдается синкретизм эвиденциальных и таксисных значений: эвиденциальный компонент присутствует имплицитно как наследие семантики производящего глагола, тогда как таксисный компонент эксплицируется предлогом и актуализируется в контексте высказывания.

Итак, последовательное проведение демаркации как начального этапа анализа позволяет затем корректно описать взаимодействие категорий. Исходный тезис о необходимости разграничения таксиса и эвиденциальности не только не противоречит их взаимодействию, но и является необходимым условием для его выявления и системного описания. Предложенная трёхуровневая модель и механизм опредмечивания представляют собой именно ту теоретическую новацию, которая позволяет преодолеть кажущееся противоречие между разноплановостью категорий и их синкретизмом в реальных языковых конструкциях.

Перспективы дальнейших исследований связаны с более детальным изучением механизмов взаимодействия таксиса и эвиденциальности на материале различных языков, а также с разработкой типологии переходных и синкретичных случаев, где границы между категориями оказываются размытыми. Особый интерес представляет сопоставительное изучение данных явлений в разнотипных языках, что позволит выявить универсальные и идиоэтнические характеристики взаимодействия рассматриваемых категорий.

© И. В. Архипова, 2026

Список литературы

- Архипова И. В. Таксис и межкультурное взаимодействие. Новосибирск: НГПУ, 2023. 178 с. DOI: 10.15293/978-5-00104-789-4
- Астахова Т. Н. Реализация значения «прямая эвиденциальность» в немецкоязычных медиатекстах // Филологический аспект. 2020. № 5 (61). С. 21–27. EDN BHXCCY
- Астахова Т. Н. Средства выражения эвиденциальности в англоязычном научном дискурсе // Филологический аспект. 2024. № 5 (109). С. 34–43. EDN DWDALU.
- Бабёр Н. В. К вопросу выявления функционально-семантического поля эвиденциальности в немецком языке // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 3. С. 58–62. EDN OJLNYN
- Безроднова О. М. Деепричастия русского языка в контексте функционально-семантического поля таксиса и соответствия русским деепричастиям в немецком языке // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 2. С. 432–436. EDN KLTVJT
- Бобкова Е. А. Взаимодействие таксиса с сопряженными категориями // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 3. С. 201–204. EDN WHFEXX
- Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. Москва: Языки славянских культур, 2011. 488 с. ISBN 978-5-9551-0513-0
- Бондарко А. В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Изд. 7-е. Москва: ЛЕНАНД, 2017. С. 234–242.
- Великова Л. Н. Роль темпорального коннектора в актуализации семантики хронологического таксиса // Новое в современной филологии. 2014. № XIII. С. 39–42. ISBN 978-5-9710-4700-1
- Годизова З. И., Габисова Д. В. Причастия как элемент зависимого таксиса в осетинском языке в сопоставлении с русским // Известия СОИГСИ. 2019. № 31 (70). С. 102–112. DOI: 10.46698/VNC.2019.70.31.008
- Гричин С. В., Ульянова О. В. Моделирование эвиденциальности в научном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3 (50). С. 185–187. EDN FDKOXG
- Донченко Е. В. Особенности выражения таксиса в сложноподчиненных предложениях с относительным придаточным в современном французском языке // Лингвистика и образование. 2025. № 5 (3). С. 34–42. DOI: 10.31862/2782-5170-2025-5-3-34-42
- Иванова-Жданова Е. Ю., Матханова И. П. Таксис в высказываниях с глаголами движения в русском языке: нестандартные ситуации одновременности // Русистика. 2024. Т. 22. № 3. С. 465–479. DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-465-479
- Калабекова Л. Т. Аспектуально-таксисные отношения в типологическом освещении (на материале французского и русского языков) // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16. № 1. С. 57–69. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-1-57-69
- Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104. EDN VLBTUR
- Козловский Д. В. Типы взаимодействия категории «эвиденциальность» с другими модальными категориями // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 5. С. 15–26. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-15-26
- Коцкова Я. Неличные формы глагола как средства выражения таксиса в русском и чешском // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2019. Т. 3. № 15. С. 87–110. DOI: 10.30842/alp2306573715387110
- Кунавин Б. В., Бутаева М. О. Конструкции зависимого таксиса с элементами семантики обусловленности в современном русском языке (в помощь учителю) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2025. № 1. С. 130–136. DOI: 10.29025/1994-7720-2025-1-130-136
- Макаров И. М. Причастия прошедшего времени на -ган как средство выражения таксиса (на материале татарского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 2. С. 460–464. DOI: 10.30853/phil20250073
- Полянский С. М. К установлению признаков функционально-семантической категории таксиса // Функциональный анализ значимых языковых единиц в парадигматике и синтагматике: Межвуз. сб. науч. тр. / Новосибирск. гос. пед. ин-т; редкол.: С. М. Полянский (отв. ред.) и др. Новосибирск: Изд-во «Новосибирский государственный педагогический университет», 1991. С. 3–18.
- Саидова Ф. З. Актуализация таксиса в русском и немецком языках (на материале отглагольных существительных) // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). 2023. № 1 (79). С. 203–211. DOI: 10.24412/2686-9352-2023-1-203-211
- Храковский В. С. Категория таксиса (общая характеристика) // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 32–54. EDN OOKKTH
- Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский язык // Принципы типологического анализа языков различного строя. Москва: Наука, 1972. С. 95–114.

References

- Arhipova, I. V. (2023). Taksis i mezhkategorial'noe vzaimodejstvie [Taxis and intercategory interaction]. Novosibirsk: NGPU. DOI: 10.15293/978-5-00104-789-4
- Astahova, T. N. (2020). Realizacija znachenija «prjamaja jevidencial'nost'» v nemeckojazychnyh mediateksth [Implementation of the meaning "direct evidentiality" in German-language media texts]. *Filologicheskij aspekt*, 5(61), 21-27.
- Astahova, T. N. (2024). Sredstva vyrazhenija jevidencial'nosti v anglojazychnom nauchnom diskurse [Means of expressing evidentiality in English-language scientific discourse]. *Filologicheskij aspekt*, 5(109), 34-43.
- Babjór, N. V. (2011). K voprosu vyjavlenija funkcional'no-semanticheskogo polja jevidencial'nosti v nemeckom jazyke [On the issue of identifying the functional-semantic field of evidentiality in German]. *Vestnik Pjatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 3, 58-62.
- Bezrodnova, O. M. (2009). Deeprichastija russkogo jazyka v kontekste funkcional'no-semanticheskogo polja taksisa i sootvetstvija russkim deeprichastijam v nemeckom jazyke [Russian gerunds in the context of the functional-semantic field of taxis and their correspondence to German gerunds]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 14(2), 432-436.
- Bobkova, E. A. (2016). Vzaimodejstvie taksisa s soprazhennymi kategorijami [Interaction of taxis with related categories]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 3, 201-204.
- Bondarko, A. V. (2011). *Kategorizacija v sisteme grammatiki* [Categorization in the grammar system]. Moscow: Jazyki slavian-skikh kul'tur.
- Bondarko, A. V. (2017). Obshhaja harakteristika semantiki i struktury polja taksisa [General characteristics of the semantics and structure of the taxis field]. In *Teorija funkcional'noj grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaja lokalizovannost', taksis* (7th ed., pp. 234-242). Moscow: LENAND.
- Donchenko, E. V. (2025). Osobennosti vyrazhenija taksisa v slozhnopodchinennyh predlozhenijah s odnositel'nyh pridatochnym v sovremennom francuzskom jazyke [Peculiarities of expressing taxis in complex sentences with relative clauses in modern French]. *Lingvistika i obrazovanie*, 5(3), 34-42. DOI: 10.31862/2782-5170-2025-5-3-34-42
- Godizova, Z. I., & Gabisova, D. V. (2019). Prichastija kak jelement zavisimogo taksisa v osetinskom jazyke v sopostavlenii s russkim [Participles as an element of dependent taxis in Ossetian in comparison with Russian]. *Izvestija SOIGSI*, 31(70), 102-112. DOI: 10.46698/VNC.2019.70.31.008
- Grichin, S. V., & Ulyanova, O. V. (2022). Modelirovanie jevidencial'nosti v nauchnom diskurse [Modeling evidentiality in scientific discourse]. *Kognitivnye issledovanija jazyka*, 3(50), 185-187.
- Hrakovskij, V. S. (2003). Kategorija taksisa (obshhaja harakteristika) [The category of taxis (general characteristics)]. *Voprosy jazykoznaniya*, 2, 32-54.
- Ivanova-Zhdanova, E. Ju., & Mathanova, I. P. (2024). Taksis v vyskazyvanijah s glagolami dvizhenija v russkom jazyke: ne-standardnye situacii odnovremennosti [Taxis in utterances with motion verbs in Russian: non-standard situations of simultaneity]. *Rusistika*, 22(3), 465-479. DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-465-479
- Jakobson, R. O. (1972). Shiftery, glagol'nye kategorii i russkij jazyk [Shifters, verbal categories and the Russian language]. In *Principy tipologicheskogo analiza jazykov razlichnogo stroja* (pp. 95-114). Moscow: Nauka.
- Kalabekova, L. T. (2024). Aspektual'no-taksisnye otnoshenija v tipologicheskom osveshhenii (na materiale francuzskogo i russkogo jazykov) [Aspectual-taxis relations in typological perspective (based on French and Russian)]. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem*, 16(1), 57-69. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-1-57-69
- Kozinceva, N. A. (1994). Kategorija jevidencial'nosti (problemy tipologicheskogo analiza) [The category of evidentiality (problems of typological analysis)]. *Voprosy jazykoznaniya*, 3, 92-104.
- Kozlovskij, D. V. (2022). Tipy vzaimodejstvia kategorii «jevidencial'nost'» s drugimi modusnymi kategorijami [Types of interaction of the category "evidentiality" with other modus categories]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika*, 5, 15-26. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-15-26
- Kocková, J. (2019). Nelichnye formy glagola kak sredstva vyrazhenija taksisa v russkom i cheshskom [Non-finite verb forms as means of expressing taxis in Russian and Czech]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanij*, 3(15), 87-110. DOI: 10.30842/alp2306573715387110
- Kunavin, B. V., & Butaeva, M. O. (2025). Konstrukcii zavisimogo taksisa s jelementami semantiki obuslovlennosti v sovremenom russkom jazyke (v pomoshh' uchitelju) [Constructions of dependent taxis with elements of conditionality semantics in modern Russian (a teacher's guide)]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K. L. Hetagurova*, 1, 130-136. DOI: 10.29025/1994-7720-2025-1-130-136
- Makarov, I. M. (2025). Prichastija proshedshego vremeni na -gan kak sredstvo vyrazhenija taksisa (na materiale tatarskogo jazyka) [Past participles in -gan as a means of expressing taxis (based on Tatar language)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 18(2), 460-464. DOI: 10.30853/phil20250073
- Polyansky, S. M. (1991). K ustanovleniju priznakov funkcional'no-semanticheskoi kategorii taksisa [On establishing the features of the functional-semantic category of taxis]. In S. M. Polyansky (Ed.), *Funkcional'nyj analiz znachimyh jazykovykh edinic v paradigmatiche i sintagmatike* (pp. 3-18). Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
- Saidova, F. Z. (2023). Aktualizacija taksisa v russkom i nemeckom jazykah (na materiale otglagol'nyh sushhestvitel'nyh) [Actualization of taxis in Russian and German (based on deverbal nouns)]. *Vestnik universiteta (Rossijsko-Tadzhikskij (Slavjanskij) universitet)*, 1(79), 203-211. DOI: 10.24412/2686-9352-2023-1-203-211
- Velikova, L. N. (2014). Rol' temporal'nogo konnektora v aktualizacii semantiki hronologicheskogo taksisa [The role of the temporal connector in the actualization of the semantics of chronological taxis]. *Novoe v sovremennoj filologii*, XIII, 39-42.

Сведения об авторе:

Архипова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор (Новосибирск, Россия). Сфера научных и профессиональных интересов: теория языка, сопоставительная типология, теоретическая грамматика, функциональная грамматика, германские языки, немецкий язык.

Email: irarch@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0685-335X>

About the author:

Irina Viktorovna Arkhipova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor (Novosibirsk, Russia). Her research and professional interests include language theory, comparative typology, theoretical grammar, functional grammar, Germanic languages, and the German language.

Email: irarch@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0685-335X>

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare that they have no conflict of interest.

* * *

Концептуальные и мотивационные факторы во французском и португальском политическом дискурсе

Л. К. Власова

Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации,
Москва, Россия

Аннотация. В статье исследуется феномен политического дискурса в его тесной связи с национальной политической культурой. Актуальность исследования заключается в необходимости лингвистического осмысления способов репрезентации языковой картины мира через призму глобальных геополитических вызовов. Целью статьи является выявление концептуальных и мотивационных факторов французского и португальского политического дискурса. Исследование проводилось на материале речей политических деятелей Франции и Португалии за период 2022-2025 гг. Лингвополитическая реальность выступает как ключевое пространство формирования общественного сознания и национальной идентичности, являясь при этом ареной борьбы за власть и влияние. Исследование фокусируется на взаимосвязи микроструктур языка политики с макропроцессами уровня национальной политической культуры. Автор предлагает теоретический аппарат для анализа механизма дискурсивной оценки, объединяя прагматику высказывания с его экспрессивной составляющей. Адекватная интерпретация политической риторики невозможна в отрыве от культурных констант и исторических прецедентов, специфичных для конкретной нации. Развивая данный подход, автор анализирует механизмы вербализации концептов «война», «империя», «колониализм» и «свобода». Результатами исследования становится выявление следующих закономерностей французского политического дискурса (Э. Макрон, Э. Филипп), который характеризуется стратегией экстерииоризации (вынесения вовне) колониального опыта, проецируя его на внешнего оппонента для утверждения универсалистского статуса Республики. В то же время португальский политический дискурс (М. Ребелу де Соуза, А. Сантуш Силва, парламентские партии) демонстрирует интровертную стратегию, где интерпретация внешнего конфликта опосредована рефлексией собственной исторической травмы («Колониальная война» и «Революция гвоздик»). В практическом измерении текущей международной повестки прогнозируется сохранение дивергенции внешнеполитических стратегий рассматриваемых стран: в то время как французская сторона, вероятно, продолжит артикулировать необходимость «стратегического поражения» России в ее «имперском качестве», португальский политический дискурс будет фокусироваться вокруг гуманитарных аспектов, последовательно минимизируя прямой эскалационный потенциал собственной риторики.

Ключевые слова: политический дискурс, политическая культура, фигура дискурса, Франция, Португалия, семиотика, метафорическое моделирование

Для цитирования: Власова Л. К. Концептуальные и мотивационные факторы во французском и португальском политическом дискурсе // Филологические науки в МГИМО. 2026. 12(2). С. 23–35. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2026-2-47-23-35>

Research article

Conceptual and Motivational Factors in French and Portuguese Political Discourse

Lidia K. Vlasova

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Moscow

Abstract. The article explores the phenomenon of political discourse in its close connection with the national political culture. The relevance of the study lies in the need for a linguistic conceptualization of the ways of representing the linguistic worldview through the prism of global geopolitical challenges. The aim of the article is to identify the conceptual and motivational factors of French and Portuguese political discourse. The linguistic and political reality serves as a key space for shaping public consciousness and national identity, while also being an arena for the struggle for power and influence. This article presents an in-depth comparative analysis of the political discourse in France and Portugal during the period of geopolitical turbulence from 2022 to 2025. The study focuses on the relationship between the microstructures of political language and the macroprocesses of national political culture formation. Developing this approach, the author analyzes the mechanisms of verbalizing the concepts of “war”, “empire”, “colonialism”, and “freedom”. It is revealed that French political discourse (E. Macron, E. Philippe) is characterized by a strategy of externalizing the colonial experience, projecting it onto an external opponent in order to assert the universalist status of the Republic. At the same time, Portuguese discourse (M. Rebelo de Sousa, A. Santos Silva, and parliamentary parties) demonstrates an introverted strategy, where the interpretation of an external conflict is mediated by the reflection of one’s own historical trauma (“The Colonial War” and “The Carnation Revolution”). Within the practical scope of the contemporary international agenda, a sustained divergence in the foreign policy strategies of the nations analyzed is forecasted: while the French side will likely maintain its articulation of the necessity for Russia’s “strategic defeat” in its “imperial capacity”, Portuguese political discourse will remain centered on humanitarian concerns and the implementation of the right of peoples to self-determination.

Keywords: political discourse, political culture, discourse figure, France, Portugal, semiotics, metaphorical modeling

For citation: Vlasova, L. K. (2026). Conceptual and Motivational Factors in French and Portuguese Political Discourse. *MGIMO Journal of Language Research and Teaching*, 12(2), 23–35. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2026-2-47-23-35> (In Russian).

1. Введение

В современном мире, характеризующемся интенсификацией межгосударственных связей и глобальными информационными потоками, политический дискурс выступает не только как ключевое пространство формирования общественного сознания и национальной идентичности, но и как арена борьбы за власть. Его специфика неразрывно связана с политической культурой нации – исторически сложившейся совокупностью ценностей, установок, символов и моделей поведения, которые определяют отношение граждан к власти и политической системе (Бондаренко, 2009).

Актуальность предпринятого исследования обусловлена необходимостью глубокого лингвистического осмысления того, как национальные языковые картины мира преломляют глобальные геополитические вызовы. Большой интерес в контексте романского языкознания представляет сопоставление реакций стран романского ареала на актуальные события современной международной политики, в частности, на события последних четырех лет на Украине. В настоящей статье проводится сравнительно-сопоставительный анализ освещения событий последних лет, касающихся России, в политических медиадискурсах Франции и Португалии. Несмотря на принадлежность к единому европейскому пространству и культурно-языковое родство, эти государства обладают различными траекториями формирования своей политической идентичности. Франция, чья политическая культура базируется на этатизме, республиканском универсализме и имперской традиции, и Португалия, прошедшая через длительный период авторитаризма («Новое государство»), завершившийся революционным разрывом и травматичной деколонизацией, предлагают уникальный материал для контрастивного анализа.

Настоящее исследование ставило перед собой цель выявить концептуальные и мотивационные факторы политического дискурса на материале его национально-вербальных репрезентаций во Франции и в Португалии.

В качестве единицы анализа выступал политический текст или высказывание, которые рассматривались с точки зрения их обусловленности факторами дискурса. Центральным вопросом была взаимосвязь прагматики и «грамматики» политического дискурса: с одной стороны, каким образом прагматика политического действия влияет на «грамматику» политического дискурса в его коммуникативной динамике и, с другой стороны, каким образом исторически обусловленная «грамматика» политического дискурса (жанровые формы, стилистика, табу и пр.) детерминирует порядок вербального достижения политических целей.

Гипотеза исследования состояла в том, что прагматика коммуникативного целеполагания является определяющим фактором концептуализации политического дискурса, однако выбор конкретных выразительных средств ограничен рамками национальной культуры и исторической памяти. Особый интерес представляют крайние формы такого влияния, которые обычно выражаются в крайних оценках – негативных или позитивных – тех или иных действий или событий. Как правило, такого рода оценки возникают в ситуациях прямой или косвенной полемики с политическим/геополитическим оппонентом.

2. Теоретические основания исследования

В современном многополярном мире особенно актуальным становится изучение лингвокультурной специфики политического дискурса, ярко отражающего происходящие в обществе процессы. Так, согласно исследователям «политический дискурс обычно характеризуется как один из наиболее противоречивых, для которого характерна достаточно сильная институциональная устойчивость и, в то же время, высоко экспрессивная коммуникативная динамика, насыщенная яркой оценочностью» (Погорельская, 2021, с. 41; Белых, 2019, с. 34).

Язык политики является не просто отражением национальной стратегии государства, но и активным инструментом конструирования культурно-политической реальности. М. В. Гаврилова отмечала, что политический дискурс позволяет вскрыть когнитивные механизмы идентификации власти (Гаврилова, 2004, с. 128). В актуальных лингвистических исследованиях, посвященных политическому дискурсу и политической культуре, подчеркивается значимость анализа исторического и лингвокультурного аспектов через призму культурных кодов. Подтверждение этому можно найти в трудах Ю. С. Степанова, в которых он показывал, что для понимания современного значения слова, как вербального репрезентанта концепта, необходимо проследить его историческую эволюцию, его место в языковой картине мира и его связь с культурными архетипами (Степанов, 2004, с. 3-5). Та же мысль высказывается в работах В. И. Карасика и В. В. Красных, где выдвигается тезис о том, что культурные ценности и культурные коды активно используются в политическом дискурсе для апелляции к коллективной памяти и ценностям (Карасик, 2004; Красных, 2002).

Политическая культура формирует глубинную «грамматику политики» («Grammar of Politics» термин Hannah Arendt), создает форму поведения политика, определяя, что является допустимым или недопустимым в политической сфере. В. Е. Чернявская трактует дискурс как «транстекстуальную фигуру, которая создается за счет глубинной содержательно-тематической связности отдельных текстов» и утверждает, что власть дискурса проявляется в его способности ограничивать спектр возможных высказываний, тем самым формируя идеологическую рамку восприятия реальности (Чернявская, 2021, с. 43-44). Дискурс политики реализуется через совокупность «речевых актов» политики, в которых действуют алгоритмы «политической грамматики», определяющие риторическую форму суждения политика, как инструмента достижения политических целей.

Как отмечают исследователи, опирающиеся на труды Х. Арендт, «политическая грамматика действия» – это не просто синтаксис речи, но способ организации взаимодействия между субъектами, который делает их поступки понятными и легитимными внутри сообщества (Ashcroft, 2015, с. 3). Современное развитие этой идеи в рамках «институциональной грамматики» (Frantz, Siddiki, 2021) позволяет рассматривать политические высказывания не только как речевые акты, но и как структурированные системы правил, где «условия активации» («*contextual conditions*») определяют легитимность политического действия.

В контексте нашего исследования политическая грамматика Франции соотносится с концептуальными кодами «РЕСПУБЛИКА», «СУВЕРЕНИТЕТ» и «ИСТОРИЧЕСКОЕ ВЕЛИЧИЕ», в то время как португальская политическая грамматика пронизана кодами «25 АПРЕЛЯ», «СВОБОДА», «ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ». Концепт, как высший смысловой ориентир, подчиняет себе содержательную динамику дискурса, определяя ее направленность, и с этой точки зрения может быть назван смысловым кодификатором, определяющим интерпретационную функцию в дискурсе (Федулова, 2020, с. 6).

Связь «грамматики» (в ее дискурсивном понимании) и концепта в дискурсе раскрывается через понятие «фигуры дискурса». Некоторые исследователи уподобляют дискурс «фигуре речевого акта» (Иванов и др., 2019, с. 10). Коммуникативная прагматика неразрывно связана со смысловой прагматикой знака. Фигуру дискурса можно рассматривать как на микроуровне, так и на макроуровне дискурса.

Грамматика дискурса реализуется через риторику политического текста: через жанровую форму текста и порядок его выразительного развертывания (Князева, 2014).

Грамматические явления являются основой арсенала средств, раскрывающих интенцию дискурса (Казанцева, 2010). Грамматика становится не просто инструментом для описания мира, но и средством для выполнения определенных социальных действий: репрезентации, оценки и, что особенно важно для политики, для легитимации взглядов и действий политика. Коммуникативная апелляция определяет форму речевого сообщения. Характерным образом это проявляет себя в области политического общения, в которой имеет место двойственность адресата (Остин, 1999,

с. 8): с одной стороны, политик обращается к солидарному слушателю (как правило, это массовая аудитория, избиратель), с другой стороны, косвенно или напрямую он обращается к своему политическому оппоненту.

Грамматика политического дискурса представляет собой алгоритм, который систематизирует переход от события к его оценочному осмыслению. Этот алгоритм строится по модели фигуры речевого акта (Остин, 1999, с. 94-107) и состоит из трех этапов, ограниченных концептуальной парадигмой:

1. На первом месте стоит фактическая сторона сообщения. Факт (событие) – объективная основа, предмет политической оценки, который подлежит соответствующему осмыслению и интерпретации в дискурсе. Факт – отправной пункт политического сообщения. Вопрос о первичности – вторичности предмета или оценки не имеет однозначного решения. В политическом дискурсе отбор фактов во многом изначально мотивирован прагматической целью, которую преследует политик (Van Dijk, 2024).

2. На втором месте стоит оценка, которая является прагматической вершиной понимания предметной стороны сообщения (факта) в речевом акте. Оценка, с одной стороны, – результат, итог понимания в семиотике речевого знака. Но с другой стороны, она зависит от концептуальной установки дискурса: в ней открывается концептуальная сторона понимания.

3. На третьем месте стоит жанровая форма сообщения, в которой следует видеть форму дискурсивного (риторического) поведения говорящего. Жанр определяется как совокупность элементов отражения характера деятельности, коренной тип выражения языковой деятельности, отражающий целевое предназначение речи (Алешина, 2016, с. 295). С позиций семиотики жанр можно трактовать как комплексный знак: его план содержания обусловлен конкретной предметной областью (темой), а план выражения реализуется через набор речевых актов внутри специфического дискурса (Карасик, 2024).

Прагматика речевого акта исчерпывается указанными тремя его этапами (аспектами). Впрочем, функционально-коммуникативное «сопряжение» (как «взаимодействие коммуникантов в акте речевой коммуникации», согласно Е. В. Сидорову (Сидоров, 1988, с. 50-53)) трех этапов в условиях политической коммуникации далеко не всегда является однозначным и безусловным. Возникают ситуации противоречия, контраста между одним и другим этапами, прежде всего, между иллокутивным и перлокутивным аспектами политического высказывания, что, собственно, и позволяет с большей ясностью выделять то, что выше было определено как «грамматика» политического дискурса.

Фигура дискурса ближайшим образом проявляет себя в масштабе высказывания, в моменте перехода от темы к реме. Этот переход осуществляется с использованием различных языковых средств. Актуальное членение предложения представляет собой универсальный лингвориторический феномен (Иванов, 2010, с. 22), управляющий вниманием аудитории и структурирующий движение информации. Имея в виду смысловое движение от темы к реме, некоторые исследователи определяют высказывание как выразительную фигуру (Курочкина, 2006).

От высказывания к высказыванию возникает цепочка тематических переходов на основе механизмов тематической когезии, что обеспечивает содержательную когерентность текста (Danes, 2023, с. 108).

Именно на этом уровне эффективным инструментом анализа может быть понятие «фигуры дискурса», форма которой определяет принцип перехода не только от мысли к мысли в рамках текста, но и от мысли одного человека к мысли другого человека в масштабе дискурса. Понятие фигуры становится матрицей того, что выше мы называли «грамматикой» дискурса, в которой следует видеть не только тематику и предмет общения, но также экспрессию и стилистику выстраиваемого говорящим речевого акта.

3. Материал и методы

В практической части исследования проводился комплексный сравнительно-сопоставительный дискурс-анализ французских и португальских политических текстов, сочетающий в себе методы корпусной лингвистики, качественный прагматический анализ и лингвориторический анализ актуального членения предложения. Эмпирической базой послужил корпус политических текстов на французском и португальском языках, охватывающий синхронный срез политической коммуникации за период с 2022 по 2025 гг. Корпус текстов в каждом из языков был структурирован по трем ключевым жанрово-ситуативным срезам: 1) официальные выступления глав государств и правительств; 2) парламентские дебаты и публичные полемические выступления по резонансным вопросам; 3) медиа-обусловленный дискурс, представленный программными интервью и заявлениями политиков ведущим национальным СМИ (общественное телевидение и пресса).

Описанная выше методика анализа основывается на принципе триангуляции данных – использовании трех различных типов политического дискурса (официального, полемического и медийного) для получения всестороннего и надежного представления о политико-коммуникативном ландшафте каждой страны. Такой подход позволяет избежать ряда искажений, которые могли бы возникнуть при анализе текстов только одного жанра. Официальные выступления раскрывают нормативные, идеологически выверенные аспекты дискурса; полемические дебаты демонстрируют «грамматику дискурса» в действии, в условиях прямого столкновения позиций; медийный дискурс показывает, как политические сообщения адаптируются и преломляются под влиянием логики средств массовой информации.

В этом контексте сравнительный анализ политического дискурса Португалии и Франции представляет особый научный интерес, поскольку позволяет на конкретном материале выявить фундаментальные сходства и различия в логике функционирования двух политических культур.

4. Результаты и обсуждение

4.1. Экстериоризация колониального опыта и «риторика величия» французского политического дискурса

Франция обладает уникальной политической культурой, где внешняя политика традиционно рассматривается как сфера реализации национального величия и универсальных ценностей. Анализ корпуса текстов за 2022 – 2025 гг. показывает, что перед лицом украинского кризиса французский дискурс мобилизовал специфические исторические термины и метафоры, переосмыслив их в логике защиты глобального порядка.

Одной из наиболее мощных и частотных фигур во французском дискурсе стало определение действий России как «колониальная война». Дискурсивная функция концепта *«guerre coloniale»* рассматривается в ряде работ (Литвинова, 2009). Этот концепт несет негативную коннотацию во французском политическом сознании и используется как инструмент ситуативной диффамации своих политических конкурентов. Использование связанной с этим терминологии не является случайным, является концептуально мотивированным.

Эдуард Филипп, бывший премьер-министр и лидер партии «Horizons» («Горизонты»), в своих выступлениях кристаллизовал эту фигуру:

«Nous vivons désormais avec une menace dont nous ne devons pas sous-estimer l'importance. Depuis qu'elle a agressé militairement un pays souverain, démocratique et libre, la Russie est devenue une menace. Depuis qu'elle a décidé d'engager une guerre qui n'est au fond rien d'autre qu'une guerre coloniale, la Russie est devenue une menace. Car ne nous y trompons pas, la logique à l'œuvre chez Poutine, c'est à la fois une ambition impériale et une logique coloniale. Redonner à la Russie l'espace

qu'il lui faut pour prétendument se protéger à l'ouest. Reprendre le contrôle économique, politique, militaire sur un peuple qui a eu l'impudence de préférer la démocratie occidentale et l'Europe politique à la Russie éternelle» («Мы живем теперь с угрозой, значение которой мы не должны недооценивать. С тех пор как она [Россия] совершила военную агрессию против суверенной, демократической и свободной страны, **Россия стала угрозой**. С тех пор как она решила начать войну, которая, по сути, является не чем иным, как колониальной войной, **Россия стала угрозой**. Ибо, не будем заблуждаться, логика, действующая у Путина, – это одновременно **имперская амбиция** и **колониальная логика**. Вернуть России пространство, которое ей якобы необходимо для защиты на западе. Восстановить экономический, политический и военный контроль над народом, который имел наглость предпочесть западную демократию и политическую Европу вечной России». – Здесь и далее по тексту перевод примеров с французского и португальского выполнен автором – Л. В.)¹.

Отрезок выступления Э. Филиппа нагружен резкими критическими оценочными предикатами в адрес России («*Russie est devenue une menace*», «*ambition impériale*», «*logique coloniale*»). Элементы, несущие соответствующую аксиологическую коннотативную нагрузку, подчеркнуты. Это вполне отвечает «дискурсивной грамматике» политического общения: политик выступает перед собранием членов своей партии.

Впрочем, «политическая грамматика» выступления определяется не только формой общения, но и концептуально. Для французского уха термин «колониальная война» нагружен тяжелыми коннотациями (Алжир, Индокитай). Однако французская элита использует этот термин не для самобичевания, а для экстерииоризации «зла». Называя войну России «колониальной», Франция имплицитно утверждает, что сама она этот этап уже преодолела и теперь выступает гарантом постколониального мира. Это позволяет премьер-министру Франции и его союзникам апеллировать к странам Глобального Юга, представляя Россию как «последнего европейского колонизатора». Фигура сообщения в дискурсе определяется, с одной стороны, концептуально и, с другой стороны, принятой формой общения. Фигура дискурса получает терминологическое и выразительное закрепление.

Эммануэль Макрон на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2023 года закрепил эту фигуру, назвав агрессию «*néocoloniale et [d']impérialiste*» («неоколониальной и империалистической»)². Это пример того, как политическая грамматика Франции трансформирует исторический опыт (собственное имперское прошлое) в инструмент внешней политики: «мы знаем, что такое колониализм, мы его осудили, и поэтому мы имеем право судить вас».

Анализ официальных заявлений президента Франции демонстрирует использование высокого регистра, насыщенного юридической и моральной терминологией:

*La Russie devra payer le prix... son **obstination guerrière**... les frappes visent de fait la population civile à l'aube de l'hiver* (Россия должна будет заплатить цену... её **воинственное упрямство**... удары фактически нацелены на гражданское население в преддверии зимы)³.

Здесь фигура строится на противопоставлении: «цивилизованный мир» (Франция, Украина) и «варварство» (удары по гражданским, упрямство). Использование термина «*obstination*» в сочетании с «*guerrière*» подчеркивает иррациональность действий оппонента, выводя их за рамки легитимной политики.

¹ La Russie est une menace. 2025. AFP. 16.03. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4njdU9gx58M> (accessed: 16.01.2026).

² Macron E. 2023. Speech at the Munich Security Conference. *Munich Security Conference*. 17.02. URL: <https://securityconference.org/en/publications/books/selected-key-speeches-volume-i/2020-2024/speech-emmanuel-macron-2023/> (accessed: 13.01.2026).

³ Macron E. 2025. La France condamne les frappes russes contre les infrastructures critiques ukrainiennes. *Agence Anadolu*. 12.10. URL: <https://www.aa.com.tr/fr/monde/macron-la-france-condamne-les-frappes-russes-contre-les-infrastructures-critiques-ukrainiennes/3715198> (accessed: 20.01.2026).

4.2. Интроспекция португальского политического дискурса: травма и «Революция гвоздик»

Если французский дискурс устремлен вовне, проецируя свои ценности на мир, то португальский политический дискурс демонстрирует глубокую интроспекцию. Политическая культура Португалии, сформированная опытом 48-летней диктатуры и 13-летней Колониальной войны, создает уникальную оптику восприятия украинского кризиса. Внешняя война интерпретируется здесь через призму внутренней исторической памяти.

В португальском политическом лексиконе термин «Guerra Colonial» («Колониальная война») относится к конкретному историческому периоду (1961-1974), когда режим Салазара и Каэтану пытался силой удержать заморские территории (Анголу, Мозамбик, Гвинею-Бисау). Этот опыт является травматическим ядром национальной идентичности.

Когда португальские политики говорят о конфликте на Украине, они активируют этот код, но с вектором эмпатии. Президент Марселу Ребелу де Соуза, выступая на торжествах по случаю 50-летия 25 апреля («Революция гвоздик»), провел прямую параллель:

Ter milhares e milhares homens, anos sem fim, a cumprir missões decididas por outros, missões que não tinham futuro político. (Иметь тысячи и тысячи людей, годами выполняющих миссии, определенные другими, миссии, у которых не было политического будущего)⁴.

В отличие от Франции, где «колониальная война» – это обвинение варвара, в Португалии – это напоминание о трагедии, которая разрушает и колонизируемого, и колонизатора.

Революция гвоздик является главным учредительным мифом современной Португалии. В португальском политическом дискурсе поддержка Украины часто легитимируется через отождествление украинского сопротивления с борьбой прогрессивной португальской общности против диктатуры.

25 апреля 2023 г. на торжественной церемонии встречи президента Федеративной Республики Бразилия Лулы да Силвы председатель Ассамблеи Португальской Республики Аугушту Сантуш Силва сформулировал эту мысль с предельной ясностью:

O cravo vermelho que hoje celebra a nossa liberdade simboliza também a liberdade por que se batem, hoje, os ucranianos (Красная гвоздика, которая сегодня знаменует нашу **свободу**, символизирует также свободу, за которую сражаются сегодня украинцы)⁵.

Здесь происходит семиотический перенос: символ португальской революции (гвоздика) становится символом украинского сопротивления. Это мощнейшая легитимация: отказать в поддержке Украине – значит предать идеалы 25 апреля.

В официальном письме президента Португалии президенту Украины по случаю 34-й годовщины независимости Украины (24 августа 2025 г.) Марселу Р. де Соуза демонстрирует переход от простого выражения сочувствия к глубокой деконструкции враждебных дискурсивных стратегий:

...agora como nunca, convém ao invasor que violou essa independência, fazer de conta de que não houve invasão. E de que é possível avançar para acordo de paz sem cessar-fogo e usar o acordo de paz para negociar parcelas do território ucraniano que ocupou e continua a tentar ocupar. ... Agora como

⁴ Marcelo descreve Portugal como plataforma entre culturas e povos. 2023. *RTP Notícias*. 25.05. URL: https://www.rtp.pt/noticias/politica/o-25-de-abril-esta-vivo-marcelo-descreve-portugal-como-plataforma-entre-culturas-e-povos_e1481680 (accessed: 05.01.2026).

⁵ Intervenção do Presidente da Assembleia da República na Sessão Solene de Boas-Vindas ao Presidente da República Federativa do Brasil, Luiz Inácio Lula da Silva. 2023. *Assembleia da República*. 25.05. URL: <https://www.parlamento.pt/sites/PARXVL/Intervencoes/Paginas/Intervencoes/Intervencao-PAR-Sessao-Solene-Boas-Vindas-Presidente-Brasil-Lula-da-Silva.aspx>. (accessed: 15.01.2026).

nunca, surgem e surgirão pretensos medianeiros que, ainda há meses, eram entusiásticos apoiantes da Ucrânia e confundem, ostensivamente, paz digna, duradoura e respeitadora dos valores e princípios do Direito Internacional com o que convém a quem invadiu, ocupou e ocupa e tudo fez para ganhar tempo e apagar memória. (...сейчас, как никогда, агрессору, нарушившему эту независимость, выгодно делать вид, будто никакого вторжения не было. И будто можно продвигаться к мирному соглашению без прекращения огня, используя это соглашение как инструмент для торга за части украинской территории, которые он оккупировал и продолжает пытаться захватить. ...сейчас, как никогда, появляются и будут появляться мнимые посредники, которые еще несколько месяцев назад были горячими сторонниками Украины. Они открыто подменяют понятие достойного, прочного мира, основанного на принципах международного права, тем, что удобно оккупанту, стремящемуся выиграть время и стереть память о содеянном)⁶.

В августе 2025 года, на фоне усталости международного сообщества от конфликта и появления различных планов «мирного урегулирования», президент Португалии использует поздравительное письмо не только как дипломатический жест, но и как платформу для жесткой критики позиции России и ее скрытых сторонников. Центральным элементом выступления становится отрицание формулы «мир без прекращения огня» (*«acordo de paz sem cessar-fogo»*), где вербализуется когнитивная ловушка, которая, по мнению М. Р. Де Соузы, расставляет Россия. Понятие «мир» в российском дискурсе деконструируется как антоним безопасности и суверенитета.

Португалия представляет собой уникальный кейс в Западной Европе благодаря позиции «Коммунистической партии Португалии» (*«Partido Comunista Português»*). В то время как «Левый блок» (*«Bloco de Esquerda»*) осудил вторжение (хоть и критикуя НАТО), Коммунистическая партия Португалии отказалась использовать термин *«invasão»* («вторжение») в своих официальных документах, предпочитая формулировки «военная операция» или «конфликт»^{7, 8}.

Эта позиция привела к острой полемике. Лидер правой партии «Chega» Андре Вентура использовал это для атаки, называя отсутствие депутатов «Коммунистической партии Португалии» на выступлении Зеленского в парламенте «позором» и «оскорблением 25 апреля»⁹. Таким образом, украинский вопрос стал катализатором внутренней борьбы за право интерпретировать национальные ценности. Парадоксально, но крайне правый политик (Вентура) защищает ценности «25 апреля» (свободу) от коммунистов, которые исторически были частью сопротивления диктатуре. Это свидетельствует о тектоническом сдвиге в португальской политической семантике.

⁶ Presidente da República assinala Dia Nacional da Ucrânia // Presidência da República Portuguesa. 2025. RTP Notícias. 24.08. URL: <https://www.presidencia.pt/atualidade/toda-a-actualidade/2025/08/presidente-da-republica-assinala-dia-nacional-da-ucrania/> (accessed: 01.02.2026).

⁷ O PCP age como se não tivesse caído o muro de Berlim. Não condenar claramente a Rússia vai levar a dissidências, mesmo que silenciosas. 2022. Visão. 1.03. URL: <https://visao.pt/atualidade/mundo/guerra-na-ucrania/2022-03-01-o-pcp-age-como-se-nao-tivesse-caido-o-muro-de-berlim-nao-condenar-claramente-a-russia-vai-levar-a-dissidencias-mesmo-que-silenciosas/> (accessed: 22.01.2026).

⁸ Ucrânia // Partido Comunista Português. 2022. PCP. URL: <https://www.pcp.pt/ucrania> (accessed: 22.01.2026).

⁹ André Ventura diz que Portugal deve ser sensível ao pedido de ajuda de Zelensky e critica «indignidade» da não presença do PCP. 2022. CNN Portugal. 21.05. URL: <https://cnnportugal.iol.pt/volodymyr-zelensky/chega/andre-ventura-diz-que-portugal-deve-ser-sensivel-ao-pedido-de-ajuda-de-zelensky-e-critica-indignidade-da-nao-presenca-do-pcp/20220421/62619d9f0cf2ea4f0a45febd> (accessed: 22.01.2026).

4.3. Сопоставление механизмов смыслопорождения во французском и португальском политическом дискурсе

Для наглядности представим основные различия в таблице, систематизирующей данные анализа (табл. 1):

Таблица 1.

Сопоставление политических текстов на французском и португальском языках согласно параметрам сравнения

Параметр сравнения	Франция (выступления Э. Макрона, Э. Филиппа)	Португалия (М. Ребелу де Соуза, А. Кошта, А. Сантуш Силва)
Реальное событие (предмет оценки)	Специальная военная операция России на Украине.	Специальная военная операция России на Украине.
Принципиальная оценка, (ключевой оценочный предикат) выполняющая концептуализирующую функцию	«Guerre coloniale» как аналитическая категория.	«Guerra colonial» как экзистенциальная травма.
Концептуальное основание оценки, определяющее вектор политической трактовки события, культурный код понимания	Проецируется опыт вовне. Дистанцирование от собственного колониализма. Франция выступает в роли судьи.	Идентификация проходит через собственный опыт. Эмпатия к жертве на основе общей травмы. Португалия как понимающий друг.
Негативная оценка России (образ врага)	Нарушитель международного права и порядка. Угроза цивилизации.	Угроза свободе и независимости.
Стиль и тон выражения	Рациональный, юридический, возвышенный. Использование «государственного логоса».	Эмоциональный, аффективный, персонализированный. Акцент на моральной сопричастности.
Прагматическая цель	Укрепить лидерство Франции в ЕС и НАТО, легитимировать поставки оружия как защиту ценностей.	Мобилизовать общественную солидарность, подтвердить приверженность европейскому пути.

Сопоставление двух национальных дискурсов позволяет выявить глубинные различия в механизмах смыслопорождения. Несмотря на то, что и Франция, и Португалия находятся по одну сторону баррикад (поддержка Украины, НАТО, ЕС), их путь к этой позиции лингвистически когнитивно различен. При общем векторе отрицательной аксиологической направленности политической риторики в отношении России, во французском политическом дискурсе применяются более резкие, если не сказать радикальные оценки действий России на Украине, в то время как в португальском дискурсе можно видеть более сдержанную критику этих событий.

5. Заключение

Проведенное исследование подтверждает исходную гипотезу о том, что, хотя политическая прагматика, обусловленная концептуальной установкой дискурса, диктует общую направленность политического выступления (текста, высказывания), его конкретная форма («фигура») детерминирована национальной политической культурой. Во французском культурном коде доминирует «грамматика величия», Франция видит себя в роли глобального арбитра. Португальский культурный код реализует смыслы «грамматики освобождения», Португалия видит себя скорее в роли союзника, руководствующегося понятиями нравственной эмпатии.

Отрицательная оценка – это показатель полемической аргументативной направленности текста, признак несогласия с предполагаемой аргументацией оппонента, который положительно концептуализирует свои действия, свою позицию. Важно понимать условия (нравственные, политические, исторические), которыми мотивирована концептуальная полемическая направленность выражаемой оценки. При общем совпадении самого знака оценки, мотивационные

условия могут не совпадать, что можно видеть при смысловом анализе в высказываниях официальных лиц Франции и Португалии, осуждающих в той или иной форме действия России на Украине.

Дискурс «о другом» всегда отрицательно является дискурсом «о самом себе», мы понимаем другого через собственный опыт. Франция через осуждение России утверждает свою постколониальную чистоту. Португалия через поддержку Украины вновь переживает и валидирует свой переход к демократии.

Применение понятия «фигура дискурса» позволяет вскрыть механику дискурсивной оценки во взаимосвязи концептуально-прагматического и выразительного аспектов.

Можно ожидать, что Франция продолжит настаивать на «стратегическом поражении» России как «империи», в то время как Португалия будет акцентировать внимание на гуманитарных аспектах и праве на самоопределение, избегая, по возможности, прямой военной эскалации в риторике.

В практическом плане результаты работы могут быть использованы в учебном процессе при отработке лексических и стилистических навыков на занятиях по речевой практике и переводу французского и португальского языка.

© Л. К. Власова, 2026

Список литературы

- Алешина Е. Ю. Жанровая градация политического дискурса // Российский гуманитарный журнал. 2016. №3. С. 293–301.
- Белых Е. Н. Прагматическое и концептуальное содержание оценки в политическом дискурсе (на материале турецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Белых. Москва, 2019. 21 с.
- Бондаренко Р. Н. Дискурс политической культуры // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2009. №9 (142). С. 94–96.
- Гаврилова М. В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа // Полис. Политические исследования. 2004. № 3. С. 127–139. DOI: 10.17976/jpps/2004.03.13.
- Иванов Н. В. Актуальное членение предложения в текстовом дискурсе и в языке (по материалам сопоставительного изучения португальских и русских текстов). Москва : ЗАО «Издательство», 2010 г. 277 с.
- Иванов Н. В., Федулова М. Н. Фигура дискурса // Дискурс профессиональной коммуникации. 2019. №1-3. С. 9–25.
- Казанцева Ю. М. Ментальная база перевода религиозных текстов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. № 4 (583). С. 55–70.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Москва : Гнозис, 2004. 389 с.
- Карасик В. И. Лингвокультурные характеристики речевого жанра «пожелание» // Жанры речи. 2024. Т. 19, № 3 (43). С. 225–232. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-225-232>
- Князева Е. Г. Речевая единица и коммуникативная // Язык и текст: структура, дискурс, перевод : Сборник статей по материалам VI Международной научно-практической конференции, Москва, 22 апреля 2015 года. Москва: ООО «Градиент», 2015. С. 73–76.
- Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. Москва : ИТДГК «Гнозис», 2002. С. 213.
- Курочкина Е. В. Пропозициональная фигура выражения в текстовом дискурсе (на материале английского языка) : автореферат дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Курочкина. Воен. ун-т. Москва, 2006. 20 с.
- Литвинова Е. А. Метафорический образ России во французском политическом дискурсе // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. №1. С. 47–49.
- Остин Дж. Избранное / пер. с англ. Л. Б.Макеевой, В. П. Руднева. М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999. 332 с.
- Погорельская О. А. Речевая манипуляция в медиапространстве итальянского политического дискурса : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.05 / Погорельская О. А. Москва, 2021. 26 с.
- Сидоров Е. В. Основы коммуникативной лингвистики : учебное пособие. Москва : ВКИ, 1988. 165 с.
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. С. 3-5.
- Федулова М. Н. Интерпретационная природа дискурса в социокультурном и коммуникативном измерениях (на материале английских и русских текстов судебной риторики) : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.19. Москва, 2020. 44 с.
- Чернявская В. Е. Текст и социальный контекст : социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. Москва : Ленанд, 2021. 208 с.

Ashcroft C. Hannah Arendt, the 'Grammar of Politics,' and the American Revolution. Department of Politics and International Studies. University of Cambridge, 2015. 10 p.

Danes F. Functional Sentence Perspective and the Organization of the Text // F. Danes (Ed.), *Papers in Functional Sentence Perspective*. Prague: Academia, 1974. P. 106-128. DOI: 10.1515/9783111676524.

Frantz C. K., Siddiki S. Institutional Grammar 2.0: A Specification for Encoding and Analyzing Institutional Design // *Public Administration*. 2021. № 99 (2). P. 222-247.

Van Dijk T. A. *Discourse and Ideologies of the Radical Right*. Cambridge : Cambridge University Press, 2024. 94 p.

References

Aleshina, E. Yu. (2016). Zhanrovaya gradatsiya politicheskogo diskursa [Genre gradation of political discourse]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal*, (3), 293-301. (In Russian)

Ashcroft, C. (2015). *Hannah Arendt, the 'Grammar of Politics,' and the American Revolution*. (Unpublished). Department of Politics and International Studies, University of Cambridge.

Austin, Dzh. (1999). *Izbrannoye* [Selected] (L. B. Makeeva & V. P. Rudnev, Trans.). Ideya-Press. (In Russian)

Belykh, E. N. (2019). *Pragmaticheskoye i kontseptual'noye soderzhaniye otsenki v politicheskom diskurse (na materiale turetskogo yazyka)* [Pragmatic and conceptual content of assessment in political discourse (Based on Turkish Language)] [Unpublished PhD dissertation abstract]. Moscow. (In Russian)

Bondarenko, R. N. (2009). Diskurs politicheskoy kul'tury [Discourse of political culture]. *Bulletin of South Ural State University. Series "Social Sciences and the Humanities"*, (9), 94-96. (In Russian)

Chernyavskaya, V. E. (2021). *Tekst i sotsial'nyy kontekst: sotsiolingvisticheskiy i diskursivnyy analiz smyslopороzhdeniya* [Text and social context: Sociolinguistic and discourse analysis of meaning generation]. Lenand. (In Russian)

Danes, F. (1974). Functional sentence perspective and the organization of the text. In F. Danes (Ed.), *Papers in functional sentence perspective* (pp. 106-128). Academia. <https://doi.org/10.1515/9783111676524>

Fedulova, M. N. (2020). *Interpretatsionnaya priroda diskursa v sotsiokul'turnom i kommunikativnom izmereniyakh: na materiale angliyskikh i russkikh tekstov sudebnoy ritoriki* [The interpretative nature of discourse in the sociocultural and communicative dimensions (Based on English and Russian texts of judicial rhetoric)] [Unpublished PhD dissertation abstract]. Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation. (In Russian)

Frantz, C. K., & Siddiki, S. (2021). Institutional grammar 2.0: A specification for encoding and analyzing institutional design. *Public Administration*, 99(2), 222-247.

Gavrilova, M. V. (2004). Politicheskii diskurs kak ob'yekt lingvisticheskogo analiza [Political discourse as an object of linguistic analysis]. *Polis. Political Studies*, (3), 127-139. <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.03.13> (In Russian)

Ivanov, N. V. (2010). *Aktual'noye chleneniye predlozheniya v tekstovom diskurse i v yazyke (po materialam sopostavitel'nogo izucheniya portugal'skikh i russkikh tekstov)* [Current division of a sentence in text discourse and in language (Based on a comparative study of Portuguese and Russian texts)]. ZAO. (In Russian)

Ivanov, N. V., & Fedulova, M. N. (2019). *Figura diskursa* [Figure of discourse]. *Professional Discourse & Communication*, (1-3), 9-25. (In Russian)

Kazantseva, Yu. M. (2010). Mental'naya baza perevoda religioznykh tekstov [Mental basis for the translation of religious texts]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, (4), 55-70. (In Russian)

Karasik, V. I. (2004). *Iazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Linguistic circle: Personality, concepts, discourse]. GNOZIS. (In Russian)

Karasik, V. I. (2024). Lingvokul'turnye kharakteristiki rechevogo zhanra «pozhelanie» [Linguistic and cultural characteristics of the speech genre "wish"]. *Zhany rechi*, 19(3), 225-232. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-225-232> (In Russian)

Kniazeva, E. G. (2014). Rehevaya edinitsa i kommunikativnaya antitsipatsiya [Speech unit and communicative apprehension]. In *Yazyk kak sistemnaya real'nost' v sotsiokul'turnom i kommunikativnom izmereniyakh: Materialy VIII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po aktual'nykh problemam teorii yazyka i kommunikatsii (Moskva, 27 iyunya 2014 g.)* (pp. 609-613). ID Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian)

Krasnykh, V. V. (2002). *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya* [Ethnopsycholinguistics and linguacultural studies]. ITDGK Gnozis. (In Russian)

Kurochkina, E. V. (2006). *Propozitsional'naya figura vyrazheniya v tekstovom diskurse (na materiale angliyskogo yazyka)* [Propositional figure of expression in text discourse (Based on English Language)] [Unpublished PhD dissertation abstract]. Moscow. (In Russian)

Litvinova, E. A. (2009). Metaforicheskiy obraz Rossii vo frantsuzskom politicheskom diskurse [Metaphorical image of Russia in French political discourse]. *Bulletin of VGU. Series 1: Linguistics and Intercultural Communication*, (1), 47-49. (In Russian)

Pogoretskaya, O. A. (2021). *Rehevaya manipulyatsiya v mediaprostranstve ital'yanskogo politicheskogo diskursa* [Speech manipulation in the media space of Italian political discourse] [Unpublished PhD dissertation abstract]. Moscow. (In Russian)

Sidorov, E. V. (1988). *Osnovy kommunikativnoy lingvistiki* [Fundamentals of communicative linguistics]. VKI. (In Russian)

Stepanov, Yu. (2004). *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian culture]. Akademicheskii Proekt. (In Russian)

Van Dijk, T. A. (2024). *Discourse and ideologies of the radical right*. Cambridge University Press.

Сведения об авторе:

Власова Лидия Константиновна – адъюнкт Военного университета им. князя Александра Невского МО РФ (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: механизмы политического манипулирования в языке, речевой знак, взаимосвязь культуры и языка.

E-mail: lidka-super2013@yandex.ru.

ORCID ID: 0009-0008-0896-2606

About the author:

Lidia K. Vlasova is a PhD student, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the RF (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: mechanisms of political manipulation in language, speech sign, relationship between culture and language. E-mail: lidka-super2013@yandex.ru.

ORCID ID: 0009-0008-0896-2606

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare that they have no conflict of interest.

* * *

Японские негативные вердиктивы в свете корпусных данных

С. В. Чиронов

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Аннотация. Настоящая статья представляет собой часть программы исследования языковой концептуализации и средств выражения различных языковых действий в современном японском языке. В литературе изучение такой «грамматики интенций» для японского языка ведётся отрывочно на неоднородных теоретической базе и материале, отсутствует системный подход, сравнимой, например, с русской жанристикой, что усложняет применение в переводе и преподавании. Предметом данной статьи являются речевые действия в рубрике «негативных вердиктивов», покрывающих речевые акты критики, порицания, обвинения и упрёка. На материале корпуса письменных источников японского языка обследован материал цитатных конструкций при таких глаголах, содержащий типичные структуры и формулы речевой критики. Полученные данные позволяют уточнить принципы организации семантического поля этих речевых глаголов в японском языке на основе признаков публичности высказывания, ответственности деятеля и планируемых перлокутивных эффектов. Единство класса подтверждается значительной схожестью структурных типов высказываний, включая и исключительно или почти исключительно свойственные этой группе типы – вопросы-упрёки и «навешивание ярлыков». Детальное обследование материала цитат, сгруппированных по типам их предикатов и структурным типам цитируемых высказываний, показывает высокую представленность в них вопросов, побуждений и других косвенных речевых актов. Круг их использования задан фреймом соответствующего речевого действия, в рамках которого выбор фокусируемого фрагмента (слота) обусловлен прагматическими задачами говорящего. Выявлены конструктивные особенности изученных речевых жанров на различных структурных уровнях, от грамматически-конструктивного до лексического. Ряд из них речевая критика «делит» со смежными речевыми жанрами по принципу единства прагмасемантических компонентов, часть же была подтверждена на материале корпуса как специфически маркирующая обследуемую сферу речевого общения. Обнаруженные закономерности речевого выражения критической речевой интенции подлежат уточнению на более широком материале, а при масштабировании на материале других речевых жанров и их групп должны лечь в основу составления коммуникативно-речеактового словаря японского языка.

Ключевые слова: японский язык, корпусные данные, речевые акты, речевые глаголы, иллокутивные маркеры, цитатные конструкции, речевая критика

Для цитирования: Чиронов С.В. Японские негативные вердиктивы в свете корпусных данных // Филологические науки в МГИМО. 2026. 12(2). С. 36-57. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2026-2-47-36-57>

Japanese Negative Verdictives in the Light of Corpus Data

Sergey V. Chironov

MGIMO University,
Moscow, Russia

Abstract. This paper forms a part of a larger research project in the field of conceptualization and verbal expression of various speech actions (not limited strictly to speech acts) in contemporary Japanese. In particular, to this day the absence of clear basis in linguistic expression of most speech acts has been considered a weakness of Speech Act Theory. One way to bridge this gap is collecting data from available quotation constructions with speech verbs. In contrast with their thematic structure derived from verb surroundings, this method ultimately yields all possible verbalization patterns for given speech actions. The object of the study is quotation constructions headed by a set of speech verbs falling under the category of negative verdictives – Speaker criticizing Addressee (for a reason that is discomforting her and intent on inducing corrective action). The propositional content, as well as syntactic properties of the quotes add specificity to the Speech event parameters in case of each verb, and confirm principal differentiations between speech verbs as mental concepts (idealizations) of those speech events. Such oppositions in this zone include publicity vs. intimacy, responsibility of the actor and preference of emotional vs. rational impact. Significant overlapping between these categories here signals a natural diffuseness of related concepts and the unity of the type of utterings. The latter is also confirmed in cross-cutting types of propositional content ‘questioning to blame’ or ‘calling names’. Means of linguistic expression for critical utterances show a high frequency of indirect speech acts, predominantly questions and directives. The scope of acceptability of such expressions is posited as coinciding with the scripted concept of linguistic criticism, highlighting areas of it relevant to speech situation and Speaker’s intentions. Quoted material also yields numerous formal indicators (of the speech action type) at several structural layers, categorizable as illocutionary markers or tokens. These, along with the abovementioned structural models, call for systematic description and codification with a view to a complete dictionary of communication grammar of Japanese (and more languages).

Keywords: Japanese language, corpus data, speech acts, speech verbs, illocutionary devices, quotation constructions, complaints

For citation: Chironov S. V. Yaponskie negativnye verdiktivy v svete korpusnykh dannykh [Japanese negative verdictives in the light of corpus data]. *MGIMO Journal of Language Research and Teaching*, 12(2), 36-57. 2026. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2026-2-47-36-57> (In Russian).

1. Введение

Исследование речевых глаголов (РГ) имеет принципиальное значение с точки зрения как уточнения концептуализации речевой деятельности носителями конкретного языка или их множества, так и выявления выразительных средств в нём (них) для достижения определённых коммуникативных целей, без чего, в свою очередь, невозможно ни верно интерпретировать речевое поведение, ни научиться ему, ни тем более научить. Пример блестящего решения первой задачи – книга-путеводитель А. Вежбицкой по РГ английского языка (Wierzbicka, 1987), вкупе с другими её работами показывающая возможности применения этих сведений в рассуждениях касательно

особенностей культур и ментальностей. Второе предполагает более тщательный анализ ситуаций употребления РГ, для чего незаменимым на сегодняшний день подспорьем служат корпусные данные (хотя роль экспертной интроспекции в последующей оценке данных, разумеется, сохраняется и здесь). Последнему посвящена настоящая статья, входящая в обширную программу исследования речевой деятельности носителей, и в частности – иллокутивных инструментов (illocutionary devices, то есть средств выражения коммуникативных интенций), японского языка (ЯЯ). В данном случае исследуется небольшая, но насыщенная с точки зрения напряжения между говорящим (Г) и адресатом (А) группа РГ, содержащих сему «критики», или «неодобрения» – негативной оценки Г, направленной на (действия или атрибуты) А.

В классификации Дж. Остина (Austin, 1975) такие речевые действия (РД) попадали в разряд вердиктивов как преследующие цель фиксации оценки. У Дж. Сёрля (Searle, 1976) они включаются в разряд ассертивов или экспрессивов в зависимости от примата выражения фактов или отношения Г к А, что не позволяет отразить отличие их перлокутивных эффектов от прочих членов этих классов. Особенности речевой критики как РА описываются с точки зрения механизмов языковой вежливости как в плане реализации интенций Г через различные коммуникативные стратегии, так и их балансировки с целью сокращения ущерба социальному «лицу» А (Olshtain, Weinbach, 1993; Trosborg, 1994; 臼田, 2024). В японской лингвистике проблема параллелей между содержательным планом высказывания и его формальной стороной изучается как в концептуальном плане (山岡, 2008), так и на примере отдельных типов речевых действий, в том числе в сопоставительном аспекте, см. работы на сравнительном материале с русским (プロコピエヴ, 2017), китайским (李, 2016), тайским (Ямаути и др., 2022) языком, нередко также в преломлении преподавания японского языка и наблюдения за речевыми ошибками обучающихся (鈴木, 2024; 初鹿野他, 1996; 山内他, 2022). В русистике упомянутая в начале этого параграфа двуединая задача решалась в рамках исследования речевых жанров, обнаруживающих как универсальные, так и этноспецифические черты, в том числе на путях моделирования отдельных речевых поступков (Бушуева, 2023, 1-2), а также часто применительно к онлайн-коммуникации (Иссерс, 2023; Юськаева, 2023).

В настоящем исследовании впервые для всей группы японских негативных вердиктивов ставится цель выяснить (посредством изучения языкового окружения соответствующих РГ на корпусном материале) закономерности лингвистической концептуализации соответствующих речевых действий и проследить средства их реализации в речи.

2. Материал и методы

Для определения круга исследуемых РГ применялись данные двуязычного словаря¹, откуда была извлечена первичная выборка японских РГ, соответствующих группам *reprimand*, *blame* и *accuse* у А. Вежбицкой (*reprimand*, *reproof*, *reproach*, *scold*; *blame*, *challenge*, *criticize*, *condemn*, *denounce*, *curse*; *accuse*, *charge*, *challenge*), при этом *defy*, *dare* и *admonish* были удалены на этом этапе как выходящие за рамки выбранного типа, нацеленного на критику А за *something bad* на её же семантическом метаязыке. По той же причине – приоритет экспрессии над фактурой – вне нашего поля зрения остаётся обширное поле высказываний из категории «языка ненависти», равно как и высмеивающие высказывания). Первым несоответствием, выявившимся на этом уровне, были локальные лакуны. Например, отсутствие лексических эквивалентов для *blame*₂ по А. Вежбицкой (контрфактивного – винить кого-то в том, что он не совершал), для которого применяется объяснительный перевод *X no sei ni suru*, ср. рус. *винить КОГО В ЧЁМ* (при наличии эмоционально окрашенного *nuregimi o kiseru* = *возводить напраслину*). Кроме того, приводимые в наиболее полных и авторитетных словарях наборы эквивалентов представляют собой классический казус

¹ Iwasaki T., Kawamura J. New English-Japanese Dictionary. Tokyo, Kenkyusha. 65th edition. 1979, 2204 p.

циклических определений, где фактически в переводе «тасуется» одна и та же весьма компактная подборка глаголов: так, togameru и shikaru встретились в переводе 8 английских РГ, hinan-suru – 7, a semeru и kogoto o iu – 5. Не лучше ситуация была и при перекрёстной проверке русско-японских соответствий по словарю², где, в частности, решительно отсутствовали следы постулируемого разделения Порицания и Упрёка по признаку нарушения общей нормы vs. частного соглашения коммуникантов (Иванов и др., 2003, 728). Помимо этого, обращение к более свежим данным онлайн-переводческих систем³ дало дополнительные эквиваленты: ситуативно тяготеющей к критической импликации обозначению критики РГ shiteki-suru (это свойство в более слабой степени свойственно англ. point out и ещё меньше рус. *указать на* (недостатки и т.п.), а также tataku в значении, развившемся из глагола физического воздействия, см. один из вариантов перевода с параллельной историей развития thrash, ср. ткж. рус. *побить* (убедительно победить).

Последующий основной блок работы представлял собой выявление в наиболее объёмном из доступных на сегодня японоязычном корпусе⁴ контекстов, показывающих связь между содержанием высказываний и их формой (все примеры ниже взяты из этого источника и снабжены моим переводом, остаются доступны и поэтому не атрибутируются). Полное описание РГ предполагает в первую очередь уточнение их полной актантной структуры, но на этом этапе решено было ограничиться цитатными конструкциями, обработка которых облегчается порядком слов в японском предложении: подчинённый материал в нём предшествует вершине, а рема по возможности сдвигается вправо, то есть рематически выделенное содержание цитаты будет непосредственно предшествовать глаголу. При этом в механически формируемых массивах приходится вручную снимать синтаксическую омонимию с прочими случаями, тоже вводимыми маркером to (условные придаточные, наречия образа действия и обстоятельства цели), напр., 女性教員だけタバコを吸うと文句を言われる = *только если женщина-преподаватель курит, то ей делают замечание*. С ограниченным кругом РГ синоиероглифического происхождения доступны также материал изъяснительных придаточных при их номинализациях, вводимый оборотами to iu и to no (в цитатах по тексту такие случаи помечены звёздочкой). Три РГ, значение которых не ограничивается критическим контекстом, пришлось отсеять ввиду преобладания в них «посторонних» примеров – морализаторских «предупреждений» с chuui-suru = *обращать внимание / делать замечание*, см. полисемию рус. *замечание*, отражаемую и в таксономии речевых жанров (Шилихина, 2025), (полемиических) констатаций с shiteki-suru = *указывать*, а также (не обращённых на А) получающих самую различную экспрессивную нагрузку с звуко-символическим tsubuyaku = *ворчать, бормотать*, см. 「ごめんね」とつぶやいた = *Ой, прости, - пробормотал он* (отдельные примеры с ними фигурируют в основном в качестве иллюстраций как раз сходства между разными группами РГ).

3. Результаты и обсуждение

Получаемые из предшествующего (примыкающего непосредственно слева) контекста поисковым фрагментам корпусные данные прежде всего наглядно показывают общую дистрибуцию типов тех типов высказываний, которые воспринимаются (концептуализуются) носителями японского как критика – иначе говоря, негативные вердиктивы, см. таблицу 1. Тип определяется преимущественно по свойствам предиката цитируемой пропозиции Р (за исключением относительно редких и сложных случаев, которые следует признать трансформами). Таким образом, помимо времени порицаемого осознанного действия А (если именно указание на

² 東郷正信等 (編者) 研究社露和辞典 (Того М. и др. (ред.) Русско-японский словарь. Токио, Кэнкюся) 1988. 2764 с.

³ Reverso Context. URL: <https://context.reverso.net/translation/> (accessed: 20.01.2026) и Weblio英和和英辞典weblio URL: <https://ejje.weblio.jp/> (accessed: 17.02.2026)

⁴ BCCWJ: Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese-Kotonoha, Режим доступа: https://shonagon.ninjal.ac.jp/search_result (дата обращения: 01.02.2026)

него воспринимается как критика) релевантны признаки оценочности, объективности оценки, а также эмоциональной эмфазы. В случае «квалификации» предикат содержит классификатор, соотносящий критикуемое с внешней системой определений (а описываемое недоступно эмпирически). Указывает на «порицаемое свойство» оценочный предикат (часто прилагательное), где субъективная оценка включает личные ощущения или переживания Г. Особенностью (и закономерной) рассматриваемого массива является частотность таких высказываний, которые ниже условно названы «навешиванием ярлыков»: это краткие, хлёсткие выражения, апеллирующие больше к образному мышлению и эмоциям, чем к разуму. Отдельно выделены случаи с вершиной в коннекторе причинности – «каузация», а также прочие «сентенции» Г о мире, мало или вообще не связанные с действиями А (но попадающие в данное поле в силу своей полемической заряженности, позволяющей «критиковать» кого-то за мнение, отличное от мнения Г). По конечному предикату рубрифицируются относительно немногочисленные случаи комбинаций нескольких типов, см. пример квалификации, сопровождающейся указанием на негативный результат действий в прошлом: 共産主義指導者等を「数千人におよぶ死者を出すことになった犯罪的な隠匿」と糾弾 = осуждает коммунистических лидеров за «преступное сокрытие информации, повлекшее за собой тысячи смертей».

Таблица 1.

Содержание цитат при речевых глаголах (количество вхождений в корпусе)

		действие Г	действие А в прошлом	действие А в настоящем	действие в будущем	положение дел	квалификация	порицаемое свойство	навешивание ярлыков	Каузация	сентенция
HIHAN	критиковать		14/11/6	32/26/11	5/17/6	11/23/16	8/18/21	34/50/16	17/20/20	5/4/1	0/6/3
HINAN	осуждать		19/3/1	15/7		4/7	0/6	10/10	17/8	10	
KYUUDAN	клеймить		2	2			5	1	4	1	
SEMERU	корить		11	15/1		5		8		2	
TOGAMERU	упрекать		1	4				4			
SHIKARU	бранить		8	53	10/1	6		29/1	5		
SHISSEKI	=//=		2	4/1		1		4/1			1
SHITTA	=//=			10		1			1		1
NAJIRU	пилить		2	2		1	3	1	2		
TATAKU	шпынять		1				1	1	2		
KENASU	поносить	1				2		1	4		
OTOSHIMERU	третировать						2	1	1		
BUJOKU	оскорблять						1		3		
NONOSHIRU	ругать		2	3	1	3	6	3	27	2	
BATOO	клясть		1	4			4	2	6		
FUMAN	жаловаться	2	5/5	15/5		14/6	0/2	11/5	2/1	3	
MONKU	=//=	1	4/1	22/1		18/4	7	16/3			2
FUHEI	бурчать			1/2		8/2					2
KOGOTO	ворчать			2							
KOKUHATSU	изобличать		7	4		3		1	1	1	
BAKURO	вскрывать			1							
MIKKOKU	доносить		2	3		1					

*формулы N/M/L означают число вхождений соответственно с to, to iu и to no

Так как описание семантики отдельных РГ в левой колонке уже предпринималось в толковых и двуязычных словарях, в том числе и доступных сегодня через онлайн-ресурсы-агрегаторы, в таблице приводится лишь самый условный, иллюстративный перевод. Также из соображений экономии места устранены глагольные компоненты в лексемах синоиероглифического происхождения hihan/ hinan/ kyuudan-suru, monku/ fuman/ kogoto/ fuhei о iu; такая же запись используется в пометах при примерах ниже.

1. Изначально исходя из словарных дефиниций в РГ исследуемой группы можно выделить несколько областей. Так, описываемые РГ *hinan-suru*, *hihan-suru*, *kyuudan-suru*, *kokuhatsu-suru* и *tekihatsu-suru* РД предполагают осуществление в публичном поле (даже когда это делается негласно, как с *mikkoku-suru*), тогда как *shikaru*, *semeru*, *togameru* и особенно *najiru*, наоборот, содержат приватный, даже интимный компонент, не устранимый и тогда, когда РД имеет место на публике. Однако, если собственно вердиктивами считать предикаты, по Остину, фиксирующие юридический статус объекта, изменяемый в результате РД, то мы обнаруживаем, что именно для аналогов РГ класса, составляемого в английском *accuse*, *condemn*, *charge*, *denounce*, *impeach*, *indite*, по крайней мере компактной группы в ЯЯ не обнаруживается. *Condemn2* (ср. рус. *осудить*) по А. Вежбицкой (в судебном смысле) составляет ещё одну лакуну в японском материале, где во всяком случае, с синтаксических позиций ситуативный аналог *iwatasu* имеет своим объектом наказание, которое «передаётся» обвиняемому; из этой ситуации очевидным образом убран всякий критический, то есть, изначально вердиктивный компонент («лакуна» означает, что содержание цитаты оформляется РГ общего действия, а не РА-специфичным). Роль ближайшего аналога *condemn1* – *kyuudan-suru* (где сохраняется подчёркиваемый у Вежбицкой компонент негативной оценки самого деятеля, см. рус. *клеимить*) в общественном дискурсе в целом весьма незначительна, как видно из скудных цифр общего количества вхождений. Приходящийся аналогом *denounce* (ср. рус. *изобличать*) *tekihatsu-suru* вообще не встречается в корпусе в цитатных конструкциях, в аккузативных же концентрируется в двух типах контекстов – внутренние следственные процессы (объекты включают 脱税 = *уклонение от налогов* (2), 違法薬物 = *наркотрафик*, 怠業者 = *халтурищики*) либо довольно маргинальные идейные баталии (プロレタリア階級の中の異分子 = *чужеродные элементы в пролетарском классе*, 内部の敵 = *внутренний враг*, 大財閥 = *крупные дзайбацу*). Не находится специального эквивалента и для *deplore*, передаваемого сочетанием универсальных РГ с речевыми формулами типа 遺憾である = *прискорбно*, 残念だ = *достойно сожаления* (притом что *deplore1*, не выделяемый Вежбицкой, получает отдельный эквивалент в разряде эмотивов – *pageku*). Переводы *challenge* в свою очередь оказываются распылены между ситуативными эквивалентами, включая РГ реактивного класса (РА Отказ). *Insult* и его аналоги в силу структуры значения (фокус на перлокутивном эффекте) неестественны в цитатных конструкциях.

При всех различиях в способах упорядочения институциональных и общих (неинституциональных) речевых актов (РА) общим, сквозным остаётся параметр «некого права на критику», без соблюдения которого РА будет неуспешным. Осмысление же его разнится от РА к РА. Если в «идеальных» вердиктивах право на «вердикт» дано Г юридической системой, в подгруппе «публичных» РГ фундированность высказывания обеспечивается общими принципами равных прав на выражение своего мнения в общественной дискуссии, то в более «приземлённых» РГ право порицать возникает из любого, пусть даже неформального преимущества в возрасте, осведомлённости, моральной чистоте и правоте. Так, не вдаваясь в детальный анализ тематической структуры каждого глагола (что выходит далеко за пределы задач этой статьи), можно даже при беглом наблюдении, например, за реализацией актантных позиций между близкими глаголами критики убедиться в разнице между *hinan*: 課長による非難 (суровая критика, граничащая с выволочкой, от начотдела) и *hihan*: 占領軍/ 大衆/ マスコミ/ 学者による批判 (рациональная, аргументированная критика со стороны разнообразных Г от некого учёного до СМИ, оккупационных войск и просто людских масс).

Как видно из предъявленных данных, центральным РГ, и демонстрирующим подавляющее большинство вхождений, и универсальным с точки зрения возможности выражения различных аспектов критикуемой реальности, выступает *hihan-suru*. Для критики совершаемых или уже совершённых действий А и называемого свойства служат практически все РГ, кроме близкой к *insult* группы (*kenasu*, *otoshimeru*, *bujoku*), где цель РД отклоняется от выправления Р, не устраивающего Г, к тому, чтобы теперь *feel something bad* уже А. Напротив, по приемлемости «объективной» квалификации, «навешиванию ярлыков» и введению пропозиций, напрямую не связанных с деятельностью А, наблюдается отчётливые (но не скоррелированные) оп-

позиции между подмножествами по признакам, косвенно выводимым из преобладающих типов объектов критики для отдельных глаголов. Это опора на общепринятую рациональность («+» для *hihan-suru*, *batoosuru*, *nonoshiru*, «-» для *fuman o iu*, *semeru*, *togameru*), ориентация на практический результат (как в *semeru*, *togameru*, *monku*, но не *fuman* или *fuhei*) или на риторический резонанс (как *hihan-suru*, *hihan-suru*, *nonoshiru*). Показательны и диспропорции в распределении (паттернов распределения) типов цитируемого материала между РГ. Так, контрастны ориентация на субстантивность критики в максимальной доле называния порицаемого свойства в *hihan-suru* и подавляющее преобладание экспрессивной, риторической интенции в *nonoshiru*, при заметной фокусировке на синхронном действии А в *shikaru*, *semeru* и *togameru*. Логична и всецело фактологическая направленность *bakuro-suru* и *mikkoku-suru*, в фокусе чьей семной структуры – сообщение о действиях, неприглядность которых очевидна (составляет пресуппозицию) и не требует оценки.

Как ключевой семантический параметр распределения типов пропозиционального содержания между РГ выступает ответственность А (критикуемого) – критерий, тесно переплетающийся с аспектом перлокутивной направленности высказывания. По этому признаку даже с учётом возможности реинтерпретации положения дел как результата порицаемых действий отчётливо выделяется «выброс» в зоне *fuman*, *monku* и *fuhei*, где для Г первична цель не обвинить деятеля, а устранить не устраивающую его ситуацию. Здесь, таким образом, следует разграничивать представления Г об объективной ответственности А за возникновение неудовлетворительного Р (что отражается в определениях специальных исследований (Olshtain, Weinbach, 1993; Trosborg, 1994) и о субъективной обязанности А предпринять действия для устранения Р в последней «тройке». Также, говоря о перлокутивных эффектах, нужно учитывать и способ воздействия на А: здесь возможность дискуссии или осознанного признания неправоты так же противопоставлены в *hihan-suru* напору односторонних, «глухих» упрёков в *semeru*, как и в случае английских *criticize* и *attack* (Wierzbicka, 1987, p. 156), тем паче – манипулятивному унижению в *kenasu*.

2. Ещё один важный аспект собранных данных – различия в пропозициональном содержании критических высказываний между конкретными РГ. Даже внутри выделенных выше основных типов разброс довольно значителен. Конечно, при этом сама задаваемая концептуализуемым в РГ стереотипом коммуникативная ситуация определяет примерный набор прежде всего тех «прегрешений» А, которые называет Г. С *kokuhatsu-suru*/ *mikkoku-suru*/ *kyuudan-suru* это должны быть серьёзные нарушения, см. соответственно 性的暴行をした = *применил сексуализированное насилие*, 依怙贖罪をしている = *(незаконно) покровительствовал*/ 反逆を企てている = *замышляет госизмену* / 悪魔を信じる者 = *верят в сатану*, для *semeru*, *shisseki-suru* эта серьёзность будет менее зловещей и более обыденной (夫を殺した = *убила мужа*/ いじめをしている = *травят*), тогда как для *hihan-suru* пойдёт уже и просто житейски неприемлемое: 約束だけして一向に実行に移らない = *только и делает, что обещает, но никак не исполнит*. «Специализация» рационалистского *hihan-suru* – интеллектуальные промахи вроде 予測を間違った = *ошибся в прогнозе* или 見解を鵜呑みにしている = *принимает на веру чужие мнения*.

Прямое называние порицаемого свойства выявляет разницу не только в направленности, но и в пороге допустимого недостатка для критики. Так, превалирующие в *hihan-suru* такие «тонкие», отвлечённые дефекты, как おかしい = *странно* (3), 拙速だ = *топорно* (3), 意味がない = *бессмысленно* (2), 問題が多い/ある = *есть (многочисленные) проблемы*, выглядели бы не более чем пустыми придирками в случаях, где ожидается конструктивная конкретика, как с *fuman* (暗い = *темно*, 冷たい = *неприветливые*) и *monku* (高い = *дорогое* (2), 重い = *тяжёлое* (2), 負担が大きい = *обременительно*). Не говоря уже о контексте *kokuhatsu-suru*, где требуется не менее чем その働き方が人間的でない = *условия работы нечеловеческие*.

В зоне «навешивания ярлыков» значительно отстоит от прочих РГ максимально творческое наполнение негативных оценок при *hihan-suru*, выражаемых каламбурами, афоризмами и гиперболами: 国際的ゴロツキ = *лежебока международного уровня*, 石油泥棒 = *нефтяной вор*, 弱体内閣 = *кабинет слабаков*, см. также: 今回は特殊部隊が脚光を浴びるだろう。スポーツの大会ではなく、軍隊五輪だ = *На сей раз в центре внимания окажутся бойцы спецназа. Это уже*

не спортивные состязания, это Олимпиада военных. Такой креатив, рассчитанный на широкую публичную поддержку продвигаемого тезиса, решительно не вяжется не только с куда более камерными shikaru (怠け(もの) = бездельник (2), バカ(もの) = дурак (2)), najiru (礼儀知らず = полное незнание этикета, 不倫以上の裏切り = предательство хуже супружеской измены), но и с kyuidan-suru, где силу осуждению придаёт не изобретательность, а моральный перевес: 妄説 = дикие фантазии, 国家の恥 = срам для страны. Предельно бесхитростны, наконец, пусть и разнообразные ярлыки-обзывательства в nonoshiru: 犬 = собака (2), 悪魔 = дьявол (2), 変態 = извращенец, くそば = зараза и др.

Наименее рационализировано пропозициональное содержание в nonoshiru, где помимо разнообразных довольно разбросанных (и как будто рандомных) психологических реакций, в том числе в косвенных РА угроз и проч., встречаются даже обещания отдать собеседника дьяволу, пожелания ему мук. Следующим звеном в такой цепочке будет уже porou = проклинать, описывающий РА Проклятье с фокусом на негативное событие, которое должно произойти с А (негативный «близнец» РА Пожелание). Примечательна тактика Г в случае fuhei o iu, где на А «навешивается» ответственность за вещи, которые исправить он не в силах (на метаязыке А. Вежицкой это звучало бы примерно как: I want you to feel bad about it), в чём состоит отличие от родственного экспрессива-жалобы: 人生は単調で空しく凡庸だ = жизнь монотонна и банальна. Ср. неприятие субъектом цитаты рациональности содержания критики в нарочно выхолащиваемом пересказе (monku*): ああでもないこうでもない = то не так, это не так (см. об этой разнице также в (Юськаева, 2003)).

Выделенные различия распределения пропозиционального содержания и типов содержащих его предложений в целом отражают представления о концептуализации речевых жанров жалобы, упрёка, критики, обвинения, оскорбления, для более объёмной картины которых, конечно, нужны наблюдения за наполнением всех актантных слотов РГ. Здесь же они покрывают лишь относительно ограниченную часть материала, значительная масса которого свободно «переливается» между содержанием оформленных изученными РГ цитат. Прослеживается повторяемость и конкретных лексических единиц, и структурных особенностей, о которых ещё пойдёт речь ниже, см. предикаты okashii = ненормальный или osoi - поздно, появляющиеся во многих РГ (hihan, semeru, shiteki и hinan, shitta, monku) и другие похожие случаи. Такая гомогенность – следствие единства отобранной группы (как и для речевых жанров или метажанров (Шилихина, 2025)), преодолевающего заданное у А. Вежицкой разделение по актантной структуре.

3. Центральным блоком доступных данных – структурные модели оформления негативных вердиктивов. Довольно неожиданным может показаться их чрезвычайное разнообразие в цитируемом при РГ материале, далеко отстоящее от того, что можно было бы ожидать от ассертивов в сёрлевской трактовке. Отчасти это объясняется избранным подходом к подбору цитируемого материала, в который, даже по самым поверхностным наблюдениям, значительно более широкий круг структурных моделей попадает за счёт включения цитатных оборотов при номинализациях в силу большей степени косвенности в передаче содержания цитаты в таком случае, см. рус. аналоги из рода погрёки в том духе/ плане/ смысле, что, мол, зачем нам это надо и т.п. Кроме того, следует помнить и об общей пониженной «аутентичности» японской цитаты, где главенствует принцип точной передачи интенции, а не конкретного выражения (鎌田, 2000), при, напротив, предпочтительности именно цитатной конструкции сложным (много)актантным построениям по типу русских систематических номинализаций, как в укор за многочисленные опоздания. Тем не менее тенденция налицо и заслуживает самого пристального внимания.

Прежде всего следует остановиться на типах предложений, соответствующих представлению о косвенном РА – то есть, не совпадающих по своему грамматическому оформлению (в первую очередь – наклонению) с коммуникативной установкой. В нашем случае таких основных крупных групп две, из которых первая – вопросы. Вопросы, пожалуй, чаще всего приводят как пример КРА для случая уточнения предварительного условия осуществления директивного РА, что считывается как конвенциональный сигнал о директивной интенции (convention of usage (Searle, 1975, 75)). В массиве данных мы сталкиваемся с определённым набором вопросов, одинаково не пре-

следующих цель получить от А информацию, а трактуемых как способ выразить утверждение о (его) действиях (Чиронов, 2015). В их числе различные вопросы-упреки, помещаемые в составе рубрик «указание на действие А», «квалификация», «указание на порицаемое свойство».

А) Прежде всего это общий вопрос – запрос подтверждения «ты что, делаешь/сделал Р?», см. 「大人けのくせに子供のお金を盗むの？」 = *что ж ты, здоровый лоб, а у ребёнка деньги крадешь?* (hinan*). Сюда же попадает известное высказывание Ettu Bruti? (shikaru; в транскрипции источника). Эффектно звучит вопрос про будущее действие «ты что, собираешься сделать Р?»: *また、オレか* = *что, снова мне?* (fuman).

Экспликация недопустимости действия, осуществление которого уточняется, более отчётливо позиционирует высказывание как упрек, а не как, скажем, переспрос: *ヘトヘトなのに、今度はもっと速く走れというのか* = *ты хочешь, чтобы я бежал ещё быстрее? хотя я уже вон на ногах еле стою?* (fuman), подобные случаи особенно часты с monku.

Обратный случай представляет общий вопрос-скепсис – «делается ли не-Р (должное)?»: *首相は沖縄問題を考えているのか* = *задумывается ли премьер о проблемах Окинавы?* (hihan). Под вопрос может ставиться осознание А (или 3-го лица) сути или последствий его действий: *改革阻止に回っていることに気付いているのか* = *осознаёт ли он, что тем самым поддерживает противников реформ?* (hihan); или же его способность сделать желательное не-Р: *自分の事も自分で決められないのか* = *ты что, не можешь сам решить за себя?* (hihan*), ср. *湯を沸かすことができないのか* = *ты что, чайник не в состоянии вскипятить?* (shikaru).

К общим вопросам относятся морализаторские, включая уточнение разрешённости или права сделать: ...*資格があるか* = *ты (вообще) вправе ли...?* (semeru), «разве можно делать Р», см. *判断をまかせてよいのか* = *можно ли ему доверить решать* (hihan*) Все эти подтипы на поверхности представляют попытку разобраться в предварительных условиях осуществления РА Критики, сигнализируя её «издалека».

Б) Конкретные вопросы-упреки начинают с самого очевидного, не требующего ответа в смысле предоставления информации, но отчёта и ответа на обвинения, «что это ты делаешь?»: *何をやっているのか* = *чем ты занят?* (hihan), 「何をしているんだ」 = *ты чё творишь?* (togameru), *なにすんだよおー* = *да чё ты делаешь, а!?* (fuman), см. более изощрённое *絵図帳面ばかりを振り廻して威張っておる*. *何たる了見か* = *ходит и эдак важно размахивает своим блокнотом. Да что он о себе возомнил!* (hinan*). То же применимо к критике положения вещей, особенно с fuman, monku и fuhei.

В) Отдельная частотная группа – вопросы о мотивации А, «зачем ты делаешь / сделал Р?». Степень искреннего желания Г разобраться в скрытых механизмах событий демонстрирует максимально широкое применение такого типа высказываний практически со всем РГ: *なんでそんなことするんだ?* = *зачем такое делать?* (togameru), *どうして何もしなかったのか* = *почему же вы ничего не предприняли?* (semeru), *なんで昨日のうちに言わなかったのよ!* = *чё ж ты вчера сразу не сказала!?* (monku). Усиливает эмоциональный нажим на А вопрос-дуплет: *なんで今まで黙っていたの, なんで隠してた?* = *что же ты молчал? почему всё скрыл?* (semeru; весьма странно звучало бы с hihan), ср. с рационалистическим напором аргумента (обоснование не-Р): *そんな国でなぜワールドカップを開くのか* = *зачем же в такой стране проводить кубок мира?* (hihan).

В эту форму легко облакаются трансформы с указанием на порицаемое свойство: *なに甘えたこと言ってるのよ* = *ну и к чему эти наивности?* (shisseki), *なんでこの時期にやるのか* = *зачем же в такое время это делать?* (fuman).

Ещё более радикальный вариант – использовать tsumori, активизирующее в ряде контекстов контрфактивную презумпцию (Martin, 1975, 738), тем самым ещё до предполагаемого ответа уличая А в неправоте, см. к комбинации с указанием на порицаемое свойство: *何のつもりでナリスさまにつまらぬことを申し上げた* = *зачем же было говорить такую ерунду госпоже Нарис* (shikaru).

Обратный вопрос: «почему не делается (должное) не-Р?»: *どうして妹と一緒に自分も乳母車に乗せてくれないのか* = *почему меня не возят в коляске с сестрёнкой!* (fuman), см. об этом типе вопросов-упреков с актуализатором по (楊, 2023).

Часть подобных риторических вопросов может быть истолкована как Отказ: 何でまた疲れることの相手しなくちゃいけないの? = *почему я должен заниматься тем, что меня утомляет?* (fuman)

Элементы модальности, добавляемые в такой вопрос, снижают давление на А, получающего частичное извинение: どうして被害を最小限に食い止める勇気を持たなかったのか = *почему же никому не хватило смелости сократить ущерб* (hihan*)

Напротив, общий вопрос, обращённый к причинам порицаемого (без)действия, закономерно вызывает ощущение более (пожалуй, излишне) глубокой проработки мотивов упрекаемого, что соответствует коммуникативной стратегии Г, описываемой русским РГ *пилить*, см. в характерном контексте для pajiru: *それが姉を助けるより恐しいのか* = *что, это было страшнее, чем спасти сестру?*

Наконец, предельную эскалацию имплицитного в вопросе непонимания мотивов А представляет собой модель «делать Р это что вообще такое?»: *領土を他国にくれてやるとは何事か* = *отдавать другим странам свою территорию – это вообще как?* (fuman*).

Г) В вопросе-догадке («а не происходит ли Р») видна довольно тонкая грань между «искренней» догадкой и «наигранной», представляемой с целью склонить А следовать динамике рассуждения, тогда как сам Г глубоко убеждён в своей правоте (последнюю трактовку притом всё же мощно поддерживает рубрификатор-РГ – критика куда хуже вяжется с догадкой, чем с её «розыгрышем»), см. *無視してきたのではないか* = *не вы ли игнорировали события всё это время?* (hihan*), *警察は身内であれば黙許容認で大甘の処理をしているのでは* = *ну полиция, поди, не будет жёстко наказывать своих, а?* (hihan*).

Частотна эта модель в категории указания на причинно-следственную связь: *ソ連に遅れを取ったのはアメリカの教育制度に問題があるからではないか* = *не потому ли возникло отставание от СССР, что на вооружение была взята американская модель в образовании?* (hihan*).

Не по формальным признакам, но по интонации и контексту от вопросов-догадок как формы упрека отстоят вопросы - «неприятные открытия», где миративное значение (характерное для ситуации открытия, обнаружения) сближает вопрос с восклицанием: *これお前、貪りじゃないか* = *что-то ты берёшь больше, чем можешь съесть, нет?* (shitta), *またストカ* = *опять забастовка (что ли)?* (nonoshiru).

Тактика, по которой Г наглядно показывает буквально в реальном времени свой доступ к (порицаемым) данным, заманчива благодаря эксплуатации принципа искренности: *にんにく入ってるやん*. = *ой, так тут чеснок, нет?* (monku).

Среди аналогичных вопросов как запросов подтверждения особняком стоят вопросы без презумпции ответа как уже известного А – скорее, его приглашают убедиться в предлагаемом выводе или оценке: *苦勞が水の泡じゃないか?* = *значит, весь труд коту под хвост?* или *駄目じゃないか!* = *так же нельзя, разве нет?* (shikaru). Эта модель «растяжима» для случаев, когда от А требуется согласиться с обобщением, недоступным из синхронных эмпирических данных: *一向に匡救の術を聞かないではないか* = *никто ни разу не спросил о методах вспомоществования в кризис* (batoo-suru).

Д) Запрос подтверждения в так называемом tag question стандартно сближается с предположительным высказыванием, для которого он служит одной из конвенциональных оболочек. В этом (хотя бы формальном, на уровне возможных сценариев диалоговой динамики) допущении дальнейших рассуждений состоит функция речевой вежливости, позволяющая использовать такую модель и в указании на положение дел, квалификацию, порицаемое свойство: *日本は本当に新しいものはつくれないのではないか* = *В Японии же и правда неспособны уже создать что-либо новое, верно?* (hihan*), *矛盾しているのではないか* = *нет ли здесь противоречия?* (hihan*), см. даже в ситуации с навешиванием ярлыков: *バカじゃないの!?* = *ну не дурак?* (shikaru).

Е) вопросы-рассуждения как правило о будущих событиях уходят в зону вопросов-стений, «разве возможно (желательное) Р»: *果して「法の正義と公正」が期待出来るのか* = *где уж тут ожидать законности и справедливости* (hihan*), см. усложнённую модель «сможешь ли

ты сам сделать (то, что заставляешь)» 赤面せずに 無垢な娘に 聞かせられるか = *а ты бы сам смог не краснея рассказать о таком дочери?* (hihan). Здесь близки к общим вопросам конкретные с наречием степени в фокусе: どれだけの意味があるか = *насколько это имеет смысл?* (hihan*).

Наиболее «щадающая» формула вопроса-критики предполагает лишь обозначение проблемной области, «а как же/ а что насчёт...» (где всё плохо): それに比較して公務員は = *а как для сравнения выглядят госслужащие?* (hihan*)

С характеристиками положения вещей общим рассуждением оборачивается то, что в отношении действий воспринималось бы как упрёк: なぜ世界が地図のようでないのか = *почему же мир не похож на географическую карту!* (fuman).

Выбор между конкретной формулой вопроса, конечно, несёт для Г определённую смысловую нагрузку. Так, усомниться в самом осуществлении Р на поверхности ещё даёт А возможности пересмотреть своё поведение (сказав, например, что его неправильно поняли) и тем самым оказывает меньше давления, чем вопрос о причинах действий (оба примера с monku): 「あんたはイナカをバカにしているの？」 = *ты считаешь, значит, всех провинциалов дураками?* и 「どうしてルノワールにしないのか」 = *а почему бы было не остановиться на Ренуаре?* Эта тактика перекликается с наблюдениями о роли вопросов для ослабления упрёков в русском (Иванов и др., 2003, 729).

При всём многообразии обнаруженных моделей вопроса возможности их использования в критических контекстах всё же далеко не безграничны. Они обслуживают чёткий набор коммуникативных тактик, которые могут быть сформулированы как указание на неожиданность (собственно, невероятность) Р для Г, отказ согласиться (во всяком случае, без уточнений) с внутренней логикой А (касательно его информированности, мотиваций и целей), необходимость донастройки общего когнитивного фона (из-за пробелов в понимании на стороне А). Как и в других типах коммуникативных ситуаций (экскурсия, доклад) вопрос остаётся мощным средством привлечения внимания А, «силового» вовлечения его в дискуссию (уже поскольку на аксиоматическом уровне предопределяет единственный предпочитаемый сценарий взаимодействия как ответ), поэтому применение его, едва ли приемлемое в перманентном режиме, должно считаться сигналом напряжённости между коммуникантами, свидетельствуя о мощной воле Г добиться желаемого эффекта.

4. Второй тип косвенного РА представляют фигурирующие в цитатном материале побудительные предложения. С точки зрения разметки диалогического обмена представляют это довольно курьёзный случай, где Упрёк/Жалоба становится синтаксически, а следовательно – и категориально выше директива, тогда как перлокутивным эффектом всё равно, конечно же, следует считать воздействие на А с тем, чтобы побудить его к тем или иным поступкам. Впрочем, в репрезентации (Olshtain, Weinberg, 1993), например, это противоречие снимается за счёт применения к Жалобам «сквозной» шкалы обострения конфликтности от (косвенных) вопросов и констатаций к директивным высказываниям, которые занимают центральное место перед Предупреждением и Угрозой. С необходимой тут поправкой на различия в объёмах дефиниций РД между носителями разных языков можно предположить, что к такому нетривиальному решению, как поставить директив под оператор вердиктива, авторов (субъектов цитирования) в примерах корпуса сподвигает ощущение относительно слабой иллокутивной силы высказывания как директива: アタマ使って、それ以上の策を考えろ！ = *головой подумал бы и предложил что-то более путное* (shisseki; указание на порицаемый признак), то есть, логика, в чём-то обратная построениям авторов упомянутой работы.

В случае seteru сказывается также и сино- и омонимия этого РГ, что (оставаясь тем же фонетическим словом для носителей) в записи другим иероглифом (攻, а не 責) означает *нападать* (ср. у А. Вежицкой про attack). Точку семантического перехода между двумя значениями можно нащупать в русском *наседать*.

См. также Запрет с shikaru: 庭を乱すな = *не надо устраивать бардак в саду*, batoo-suru ふざけるな = *не дури*, Требование с fuman もつとよこせ = *дай ещё, Команду с hihan* もう一歩だ* = *ну, ещё шаг!*

Наибольший процент таких КРА-директивов (9 из всего 14) приходится на shitta: 戦え = *сражайтесь!* или 眠るな眠るな! = *не спать, не спать!* Здесь в ещё большей степени можно диагностировать ту разновидность упрёка (в осуществляемом Р), которая минимально отстоит от призыва к исполнению не-Р, см. рус. *распекать*. Не случайно в 4 случаях видим основосложение этого РГ с gekirei = подстёгивать, см. с цитатным материалом もっと、やる気を起こせ = *покажи, на что ты способен!*

Множеством директивов раскрываются и речевые ходы, описываемые monku – от инструкций (静かに = *тихонько!*) до вербализаций мотиватора в бенефактивности действия для Г: やめてくれ = *перестань, будь другом*.

Лишь с shikaru встречаются директивные иллокутивные формулы (в основном Запреты) – междометия и идиоматизированные директивы こら/コラ = *так/эй! / я что сказал!* (4 вхождений), しッ = *цыц*, いい加減にして! = *кому сказано,恥を知れ* = *постыдился бы*. Сюда же можно отнести и полемическую формулу 話が違う! = *речь вообще не о том! / это здесь вообще при чём?!*

К непосредственно директивным высказываниям примыкает широкий круг суждений с модальными показателями долженствования, которые сами конвенционально воспринимаются как КРА для директивов, но считаются прямым выражением критики тоже не могут (кроме, пожалуй, выражений упущенной возможности). См. 問題を取り違えてはいけない = *не надо подменять проблему*, 忘れてはならない = *нельзя забывать*, 大臣にすべきでない = *ему не следует давать министерское кресло*, 人権を侵害する理由にはならない = *это не причина нарушать права человека* (hihan).

В приименных цитатных конструкциях они ещё более разнообразны, см. 適切でない = *неподходяще*, 適当でない = *неадекватно*, 禁じ手ではないか = *это же запрещённый приём*, 許せない = *недопустимо*, しなければだめだ = *без этого никак* (hihan*). Ср. также и эллиптический вариант: もっと速く出られるようにならないと = *вообще если мы не сможем выдвигаться оперативнее, то...* (fuman). Промежуточное положение между директивами и модальными суждениями занимает ряд переходных форм, воспринимаемых как иллокутивные формулы директива, такие как po de wa nai: 隠すんじゃないねえよ = *нечего там прятать* (fuman)

Вторично косвенным (как вариант директива) может быть признан и вопрос-рекомендация по модели «почему бы тебе не сделать (не-Р)»: 旦那に聞いたら = *почему бы вам у мужа своего не спросить [я недоволен тем, что вы не знаете и/или у меня спрашиваете]* (fuman), ボヤボヤしてないで真面目に働かないか = *а не хочешь поработать посерьёзнее, вместо чтоб прохлаждаться?* (monku).

Редки примеры КРА-комиссиров (всегда в комбинации с директивом), см. фактическую Угрозу, рубрифицируемую автором как претензию: 何もしない失敗は許さない = *я не допущу, чтобы всё провалилось из-за (твоего) бездействия* (semeru). Среди условий такого транскатегориального сближения – сильно дерационализированные контексты, где сам Г достаточно смутно ориентируется в средствах достижения цели, выражая своё некомфортное состояние. Таковы частотные случаи с nonoshiru: 悪魔にくれてやる = *ох я ж тебя чертям отдам*, あんな奴、縁を切ってくださいなら、わたくしも二度と来ませんから = *если ты с этим типом не порвёшь, то меня здесь ты больше не увидишь*. Наоборот, Обещание применяется как тактика мотивации с shitta: 作れ、作れ、作っただけ売ってやる = *ты делай, делай, а продать сделанное – моё дело*.

Признания в собственных затруднениях описаны в литературе как fishing – тактика, направленная на «выживание» у А ответа за его действия, их вызвавшие (Pomerantz, 1980): 無用な結果を見せつけられて、あきれた = *я расстроилась, когда у меня нашли бессмысленные результаты* (monku). Разумеется, успешность такой тактики достигается на эмоциональном, а не рациональном уровне – отсюда ноль примеров с hihan, kyudan.

Малочисленны примеры КРА Упрёка как указания на собственное действие Г (не компенсированное должным образом А); это может быть подано и как запрос подтверждения (во всяком случае, в рамках коммуникативного скрипта – точно реакции): 一気にグイッと引くって言ったろう = *я ж тебе говорил, надо резко потянуть* (shikaru). Внешне этот тип как будто подходит

под «нижние», косвенные стратегии критики у (Olshtain, Weinbach, 1993) и (Trosborg, 1994), но реальный ущерб «лицу» А определяется силой импликации, см. пример с предельно жёстким *kenasu*: 「まずい夜の料理にもがまんしている」などとけなされてまで、夫に服従していなければならない自分に我慢ならなかった = *было невозможно терпеть и подчиняться мужу, когда он аж смешивал меня с грязью, заявляя, что, мол, терпит мою отвратительную страпню по вечерам*. Из подобных примеров видно, что само указание на себя как относительно периферийный участок ситуации речевой критики оправданно тогда, когда оно прозвучит достаточно веско (для чего прегрешение А должно быть существенным); в противном случае серьёзный «наезд» рискует превратиться в смехотворный каприз.

К КРА можно назвать и весь комплекс высказываний о собственных наблюдениях, которые в речеактовой разметке текста пришлось бы снабдить двойной маркировкой – как признание (о своих наблюдениях) и указание на негативно воспринимаемое когнитивное состояние Г: *努力すらうかがえない* = *не просматривается даже усилий* (*hihan*). Внешне понижающие конфликтность высказывания до уровня «намёков» (Trosborg, 1994), они способны конвенционализироваться и переходить в разряд маркеров обратного порядка. В этом смысле вообще роль когнитивных, и в первую очередь эвиденциальных операторов в переходе от констатирующего высказывания к критическому, безусловно, заслуживает отдельного исследования с учётом аспекта языковой вежливости, см. *表面に出すことを避けていたようだ* = *похоже, они избегали огласки этого дела* (*hihan*).

К КРА можно отнести констатации последствий порицаемого Р, см. с более универсальными показателями: *差別化につながる* = *это приведёт к сегментации рынка* (фактическое следствие), *介入を正当化することになる* = *это будет означать оправдание интервенции* (квалификация следствия, *hihan**), также с характерным показателем негативно оцениваемого результата: *大カルテルは資本主義の在り方の典型で、人や国家社会をも支配しかねない* = *крупные картели типичны для капитализма, они могут контролировать и отдельных лиц, и даже целые страны и сообщества* (*hihan*).

КРА для описываемой зоны являются и экспрессивы, на которые особенно «плодовиты» *fuman* и *monku*, с их изначальным синкретизмом между критикой (недовольство действиями А) и жалобой-1 (недовольство действиями третьих лиц, объективным состоянием дел): *こんな仕事は望んでいないのに* = *я ж не такую работу хотел!* См. также эллиптические варианты: *最初から全文で説明させてくれていれば...* = *если б вы мне изначально дали всё объяснить в письменном виде*, *初から社長自身でやればよかったのに* = *этим изначально следовало заниматься гендиректору!* Чистые экспрессивы в этой субкатегории выражены междометиями: *畜生!* = *о, чёрт!* (*nonoshiru*).

Обращает на себя внимание различная степень приемлемости косвенных РА: так, с *semeru*, *togameru*, *shikaru* вопросы-упрёки типа «почему», «что ты делаешь» встречаются прямо в глагольной конструкции, тогда как с *hihan/hinan-suru* подавляющее большинство случаев относятся к «расширительной» цитате при номинализате. Побудительные цитаты чаще встречаются с *shikaru* и производным *shitta*, что показывает близость РД, описываемого этим РГ, к директивному «ядру».

Наиболее свободная трактовка содержания, рубрифицируемого носителями ЯЯ как критика / претензия, в целом свойственна *shikaru*, сравнимое с тем кругом действий, которое допускает рус. *попрекать*. Попрекать, как известно, можно и (а) последствиями критикуемой ситуации, и (б) общепринятыми соображениями в подтверждение своих убеждений, и (в) чужим примером (см. тот же приём для усиления Порицания в русском (Иванов и др., 2003, 495)), и (г) лучшей альтернативой: (а) *ここで臆すれば命を失うことになる* = *страусь сейчас – распрощаешься с жизнью*, (б) *会社は仕事をする場所だ!* = *в компании нужно работать!* (в) *よその主婦は、もっと家の中をシッカリ守っている* = *другие домохозяйки о своём доме заботятся как следует*, (г) *美味しく食べられるのに* = *и ведь можно же было вкусно покушать*.

5. Теперь стоит остановиться на доминирующих структурных моделях (или в более широком смысле структурных элементах), представленных преимущественно или исключительно в рассматриваемом типе высказываний. Сразу следует оговориться, что не все из них однозначно

допустимо трактовать как чёткий маркер (а не сигнал принадлежности, token) негативных вердиктивов, ведь в любом речевом взаимодействии допустима онлайнное переистолкование сказанного в координатах его релевантности в контексте. Так, вряд ли имеет смысл специально фиксировать окказиональные структуры типа использования конструкции РА Рассуждение в цитатном материале при РГ «изобличения» - понятно, что это в известной степени речевая игра, которую Г использует в соответствии с текущей коммуникативной тактикой, в данном случае, скажем, - поддержать ощущение синхронного развёртывания своих соображений: **最初から知ってたんだな** = *так ты, значит, всё знал с самого начала* (kokuhatsu). Максимальную объяснительную ценность представляют, конечно, те случаи, которые встречаются с неединичным РГ и фиксируются в разных типах цитат. Последовательное обследование однотипного материала позволяет упорядочить и дополнить весьма прозорливые наблюдения в (李, 2016) о представленности конструкций с операторами отрицания, ограничения (наряду с риторическими вопросами и деонтической модальностью, см. выше).

(а) Данные корпуса подтверждают тезис (李, 2016) о распространении среди констативных высказываний в материале цитаты претензий к степени свойства или (интенсивности / количества) действия. При этом имеются и случаи, когда критикуется собственно «перегиб», но не реже имеет место своеобразный сдвиг фокуса с прямого указания на порицаемое действие (свойство) на его чрезмерную степень – стандартным средством выражения для чего становится формант -sugi- (см. о той же тенденции в русском Порицании). Благодаря этому, с одной стороны, возникает иллюзия относительной толерантности на стороне Г: см. **自然を破壊しすぎだ** = *слишком много экологического вреда было причинено* [$\neq$ было бы чуть меньше, мы бы не возражали] (hihan*; ср. рус. *ты что, вообще, что ли [хотя до некоторого меньшего предела я бы не стал возмущаться]*?). Притом, однако, как бы невзначай подчёркивается значительная степень нарушения и его нежелательности. В указании на наличный факт порицаемого действия («длящееся нарушение») эффектен аспектуальный показатель -te iru: **裁量の余地を与えすぎている** = *слишком обширный простор для суждения*, **飛躍しすぎている** = *это слишком далёкий логический скачок* (hihan*). Той же цели служат лексические средства: **過大な利益がファミリー企業にストックをされている** = *излишние прибыли накапливаются в семейных компаниях* (hihan*), **企業経営をあまりに財務寄りに変えた** = *менеджмент стал чересчур ориентирован на финансовую эффективность* (hihan*).

Выход за рамки принятой нормы передаётся внедрением выделительной частицы made: **不動産賃借権のような場合にまで適用されるべきでない** = *применение этого принципа не следует притягивать к случаю аренды недвижимости* (hihan*). Эта тактика срабатывает и в КРА-вопросе: **そこまで考えなかったのか** = *неужели вы до такой степени ни о чём не задумывались* (shikaru).

Недостаток количества выражают предикаты kakeru: **社会的意識に欠けている** = *не хватает общественной сознательности* (hihan*), **juubun de nai: 努力が十分でなかった** = *не было приложено достаточных усилий* (shiteki), компоненты иероглифического слова: **地域の歴史や文化を軽視するものである** = *недостаточно внимания к региональной истории* (hihan*), а также ограничительные концовки и частицы, из которых ярко выраженную оценочность имеют ni suginai: **不登校は、現象の一部にすぎない** = *непосещение школы – лишь часть проблемы* (hihan) и особенно bakari: **ゴルフばかりしている** = *один гольф на уме* (monku), тогда как dake приобретает оценочность лишь в ряде конструкций, см. **人間社会を自然に投影しただけだ** = *он лишь проецирует на природу особенности общества* (hihan).

Недовольство количеством в фокусе РА подчас определяет саму возможность использования косвенного РА, например, **もつとよこせ** = *ещё положи-то [меня не устраивает, что так мало]*, где без наречия рубрикация в fuman была бы неприемлема. Ср. с КРА-вопросом: **なぜもつと早く言わなかったの** = *что ж ты раньше-то не сказала* (shikaru) (претензия в том, что недостаточно рано). Ср. также передающий элемент недовольства количеством адвербиал степени too sukoshi фактически в любой просьбе и вопросе: **もう少し改善できないか** = *а нельзя ещё немножко улучшить условия?* (fuman). Недовольство сигнализирует и полярное ограничительное

наречие *tan-ni*: 単に市場の利益や経済的側面のみで語ることはできない = *это невозможно объяснить одной только рыночной прибылью и экономическими мотивами* (*shiteki*).

(б) Всяческие обвинения в адрес А логически подкрепляется суперлативом. Усиливается негативно оцениваемое отрицание: 「これから勉強しても間に合いっこない」 = *даже если возьмёшься за ум сейчас, всё равно ни в жизнь тебе не успеть* (*monku*).

Усилению, гиперболизации подвергаются указания на порицаемое свойство, а особенно – навешиваемые ярлыки: 第一級の異端者 = *перворазрядный еретик*, 軽率の至り = *верх легкомыслия* (*hinan**), 会話の基本中の基本ができていない = *не владеет основами основ разговорного общения* (*fuman*).

Своего рода прагматической гиперболой служит приравнивающая конструкция *P ni hitoshii* = всё равно что Р, см. 他国の文化を愚弄している現代の「ジム卿」に等しい = *всё равно что современный лорд Джим, высмеивающий культуру других стран* (*hinan**).

(в) С многими РГ встречаются обозначения попытки действия, в критическом контексте эксплуатируемые ради вводимой ими инференции неудачи, а то и обречённости порицаемых действий: 防衛力増強を合理化しようとしている = *пытаются рационализировать раздутые расходы на оборону* (*hihan**).

Сходный нюанс – неверное, обречённое планирование на стороне деятеля передают единицы, обозначающие несогласие Г с логикой действий: どうして約束をしておきながら電話もくさらないのか = *что ж ты обещал, а не позвонил* (*monku*).

(г) Эллиптические модели включают отличную от назывной (изолированного имени) односоставную структуру с одиноким подлежащим, см. この呆けどもが! = *ох уж эти идиоты!* (*batoosuru*). Вариации этой модели включают опущение показателя рематического именительного падежа, а также внедрение «презрительного» суффикса, см. оба в примере с тем же РГ: この枯れかけた棒ぎれめ = *палка засохшая (вот ты кто)*.

Своего рода антипод этой модели – одиночное подлежащее, называющее действие, чья характеристика потом затруднена или напротив чересчур очевидна: そうはいっても、膨大な額の『儲け』が少数の金持ちの手に集中するのは... = (*fuman*). Усиленный вариант этого построения снабжён оценочно окрашенным *pante*: 犯罪者の釈明を本にするだなんて = *но чтобы книгу делать из показаний преступника!..* (*hinan**).

Частичный эллипсис в группе сказуемого, которое лишается финальной частицы, производит эффект одновременно и сильно раздражённого, и достаточно щадящего А высказывания, см. с *hinan**: 小説家の癖に二股かけて = *ты ж писатель, а чё ж ты изменяешь, а?* Ср. ещё более радикальную версию с *bakari*: 「男は仕事の成功ばかりにこだわって」 = *для мужика работа это прямо вот успех и всё тут* (*monku*).

Наиболее распространено опущение одной из частей сложного предложения, см. с *fuman*: ぼくもいるのに... = *я ж на месте,館長の足元にも及ばないというのに* = *хотя директрисе он в подмётки не годится*, с *monku*: 部屋が狭いのに = *хотя комнатка тесненькая*. Помимо указания на фактологическое обоснование недовольства, в этой же конструкции используются и описания воображаемых миров: 業者に頼む金があればいいのに = *другое дело, будь у нас у кого одолжить из партнёров* (*fuman*). Также случаи эллипсиса включают описанные выше экспрессивы для случая *fuman*, приближающиеся к РА Жалоба1 (рассказ о своих негативных переживаниях). Напротив, однозначно на неправильное поведение деятеля (но не только А, а также и самого Г, в прошлом) указывает эллиптическое выражение упущенной возможности: 市長が慎重な行動を取れば = *если б мэр вёл себя осмотрительнее* (*hihan**).

(д) Конструктивные особенности не чужды и уже разобранным типам КРА вопросов. Так, ситуацию с навешиванием ярлыков в гнезде *hihan* отличает особое, более «вкрадчивое» построение вопроса за счёт выделителя: 「エリート教育」になってはいないか = *а не имеем ли мы случайно дело с тем, что называется «отдельным образованием для своих (для элит)»?», ср. также с *shiteki*: 看過させはしないだろうか = *не будет ли это часом проигнорировано?**

Маркером вопроса, не имеющего целью получение информации («Предъявы»), либо же комбинующего запрос информации с критикой действий (А), служит (невопросительная) эмфатическая концовка по *da*, см. особенно содержание цитат с *semeru*: どうしてわからんのだ = *да откуда тебе знать-то?*

Эффект усиливается за счёт введения финальной частицы *yo*, более однозначно указывающей на оценочную (а не информационную) ориентацию вопроса: レジの下に置いてある段ボールを見、「なんだよう、これえ」 = *увидела коробки под кассой – и сразу в претензию: это чё такое, а?* (*fuman*)

Ещё более узко очерчивается зона вопросов-КРА, маркируемых аккузативным *pani* (о), ср. весьма близкий по структуре русский вопрос-претензию «что/чего/чѐ+Р», как в переводе: なにを愚図愚図しているのか = *что ты (там) копаешься-то?* Примечательно, что такой градус эмоционального давления на А выдерживается лишь в случае *semeru*, *nonoshiru*, но не *hihan*, *hinan* – речевых ситуациях, где требуются рациональные аргументы.

Специфической моделью вопроса-упрёка следует признать -*P-te doo suru?* См. そんな弱気でどうする = *да куда тебе, слабаку такому?*

Скептические КРА-вопросы типа «зачем делать» снабжаются специфическим коннектором *kurai nara*: 子どもを捨ててわが身の無事を願うくらいなら生きてなんになるのか = *Если ты аж ребёнка готов бросить ради собственной безопасности, какой смысл жить?* (*shikaru*).

(е) Кругу императивов, рубрифицируемым как критика, также свойственны некоторые структурные особенности, указывающие на сопротивление А и негативную оценку Г его поведения. Примечательна концентрация таких примеров с *fuman*, выступающим рубрикой для микса директива и критики в модальности, приближающейся к *defu* у А. Вежбицкой: 朝食の用意くらいしていけ = *ну ты хоть завтрак-то нам приготовь; たまには、もっと高級な店へ連れてってよ* = *ты б меня что ли для разнообразия разок сводил в чуть более приличное место; おまえも女ながら家事くらいしろよな* = *раз уж ты такой весь из себя слабый пол, так занялась бы домашними делами хоть, что ли; さっさとしろよ* = *так, поживее давай*.

(ж) Некоторые свои маркеры негативные вердиктивы «делают» со смежными типами высказываний, как, например, *ni kagitte*, *shi ya shinai*: ニクツたらしいったらありやしない = *как же (он) бесит* (*tsubuyaku*). Подобного эмфаза характерна также и для жалоб как экспрессивов, не связанных к критике чужих действий. Ср. также с другими оценочными предикатами, передающими недовольство ситуацией, в т.ч. с суффиксами фасилитативов -*gata*-*niku*-. 賛成しがたい = *трудно согласиться*, 認めがたい条件 = *такие условия сложно принять* (*hihan*), 売りにくい価格 = *по такой цене продать будет непросто*; 改革にはほど遠い = *на реформу это пока не сильно похоже* (*hihan**). В некритических контекстах тоже присутствует, хотя и иначе функционирует *natte inai*: 監督がなっていない = *это не режиссура* (*shisseki*).

Материал различных ярусов, вскрывающий когнитивную «предысторию» утверждений Г, будет разделяться с близкими типами высказываний в той мере, в какой обоим релевантна соответствующая сема, см. случай *nakanaka* с его «следом» неожиданности и несоответствия ожиданиям: なかなかスムーズに受けてくれない = *всё чем-то недоволен* (*hihan*), см. также описанные выше случаи с *ikkooni* = *ни разу / никак (не)*. Соответственно, собрав по возможности обширные контексты с каждой такой единицей, можно будет и подсчитать степень её полярности, т.е. тяготения к определённом контексту, и определить прагматический вклад в общий смысл высказывания.

Zo встречается в различных полемических контекстах, где главная цель Г – показать не неудовольствие, а неправоту А, см. с *najiru*: 前に言ったことばと全然違っているぞ = *так вы же совсем не то говорили раньше*.

Эмоционально окрашенный противительный союз *noni* в финальной позиции эллиптической конструкции встречается помимо негативных вердиктивов лишь в цитатах с общеизъявительными РГ и экспрессивами типа *odoroku*, *tomadou*, *ki ni kakaru*, *kuyamu*, *nikumigoto o iu*, типичным образом с *shisseki*: あれほど注意したのに = *а ведь так внимательно всё делал*; 教えたのに = *я же тебе всё объяснил*.

Концовка для высказывания о неожиданном *to wa omoenai* может использоваться и с похвалой, а не только с критикой, как *ナチュラルとは思えない。あの粉はケミカル・パウダーだろ* = *не похоже на натуральное, я подозреваю, что это какой-то химический порошок* (*monku*), но уже *to wa ienai*, во всяком случае, судя по материалам корпуса, однозначно «монополизованы» критическими высказываниями: *公正な手続とはいえない* = *справедливой такую процедуру никак не назовёшь* (*hihan*)*. Аналогично ведут себя как исключительные маркеры критики *to shika omoenai*, *iwazaru o enai* и близкие формулы со значением вынужденности когнитивного или речевого действия, контрастируя с формальными эквивалентами в русском, где «вынужден сказать / заметить» остаётся нейтральной фигурой речи: *誇大的かつ妄想的であるといわざるをえない* = *приходится признать, что мы имеем дело с болезненной мегаломанией* (*shiteki*); *米国が敵視政策を解消して政策転換を行うのか疑わざるを得ない* = *крайне сомнительно, что США пересмотрят свой враждебный курс* (*hinan*). Ещё одна сходная конструкция – *iwarete mo shikata ga nai*: *根拠が記載されていなければ、やはりそれだけ信用性が弱いといわれても致し方ない*. (*hinan*).

Ясность в подобные случаи позволяет внести проверка наличия в корпусе вхождений с иной коммуникативной направленностью. Например, из конструкций, отмеченных выше, лишь в цитатах с «первичными» РГ вопрошания (*kiku*, *tazuneru*) сочетаются концовки «рассерженного вопроса» *shiteiru n da*, что позволяет относить их к однозначным маркерам данной группы. Из РА-специфичных РГ лишь с разобранными *hinan-suru* и *shikaru* встречается оценочный предикат *-rashiku nai*, фиксирующий несовпадение описываемого с эталонным представлением Г (что лишь в нетривиальном контексте не получило бы отрицательной оценки), упомянутая конструкция *ni hitoshii* = *всё равно что*. Не претендуя на обобщения в рамках всей языковой системы, для избранного способа отбора и обработки данных приведённые закономерности служат подтверждением валидности сделанных выводов.

(з) Из морфологических маркеров критического высказывания встретился (*shi*) + (*y*)*agar*-, см. с *batoosuru*: *思いあがっているよ* = *(что) ты (там себе) думаешь*. Сложность обработки таких, а также принадлежащих к следующему типу данных состоит в том, что их функционал несегментен, то есть независимо от типа высказывания внедрение соответствующей единицы будет давать как элемент интерпретации фрагмента метку «Критика».

(и) Использованный формат исследования не позволяет «засечь» все лексические маркеры, которые могут быть рассыпаны по материалу цитат, значительно отстоящему от поискового фрагмента и потому отсекаемого в корпусных выдачах. Из тех, что таки «нашлись», стоит отметить, например, *mane*: *ばかなまねをするな、と罵倒* = *ты эти дурацкие шутки брось, - бранился он; なんの真似だ* = *что это за дела?* - *сказал он с претензией* (косвенный вопрос-упрёк); *なぜ父の病気を世間に公表するような真似をしたのかという非難の声* = *критика, к чему была эта выходка – рассказать всем о болезни отца*.

Так же ведут себя *renchuu* = *типы, компашка*, *aitsu* = *тип, субъект*, и ещё многие оценочно маркированные единицы. Целые классы подобных единиц составляют критические наречия типа *yatarani*, *muuamini* (Чиронов, 2021), которые обнаруживают дистантные коллокации с рассматриваемой группой глаголов уже при отходе от строго цитатной конструкции – например, к пересказывательной (где элемент косвенной цитаты ещё сохраняется в отстранении автора пересказа от оценочности): *むやみに外来語を使う人びとを激しく非難した* = *резко раскритиковал использующих иностранные слова где надо и где не надо*. Данные нынешнего исследования позволяют дополнить эту группу не указанной в ней ранее единицей *iikagen(-ni)*, маркирующей резко критическое отношение Г к А вне зависимости от типа высказывания, так сказать, поверх линейной структуры, см. пример, где формально адвербиал модифицирует волитивную конструкцию: *先輩のフォローをむなしく「期待する」なかで「いい加減に縁を切りたい」という不満がつのっていくのである*. = *пока напрасно ждал отклика старшего товарища, закивало возмущение: мол, да я с тобой просто порву отношения, к чёртовой матери!* К критическим контекстам будут тяготеть и другие наречия с семей обманутых ожиданий, в частности, наречия степени: *これでは基地の実態は表せないではないか* = *реальная же ситуация на базах у вас не отражена* (*hihan*)*.

Также лексическим маркером критического высказывания является глагол *komaru*, эксплицирующий запретительные контексты, см. с *monku*: 困るじゃないか。それじゃ私の出番がなくなる = *Меня это не устраивает, ведь тогда мой номер исключается; такая игра, в которой я выйду, будет проиграна*. В принципе практически вся оценочная лексика практически автоматически подпадает в категорию маркеров РА Критика: 国への甘えや依存体質を生む温床 = *рассадник для патерналистской психологии* (hihan*). Задача выявления и систематизации таких выразительных средств усложняется их действием на отрезках текста, превышающих микроуровень, на котором ведётся анализ в этой статье. Скорее речь идёт о менее формально выявляемых методах (перлокутивного) воздействия на А, «распылённых» на протяжении всех продолжительных высказываний, к которым относятся литературные, публицистические и ораторские речевые произведения (李, 2016).

4. Заключение

Значительные несовпадения в языковой концептуализации и структурах для описания речевой практики в зоне негативных вердиктивов для случая японского языка можно свести к двум мощным факторам. Первый – особенности общественно-языковой реальности в Японии, включающие отставание развития общественной дискуссии от либеральных западных образцов. Здесь языковая картина представляет своего рода «запаздывающий показатель», так как часто далеко не сразу язык способен угнаться за изменениями в обществе, продолжая структурировать действительность по конвенциональным лекалам. Помноженное на специфический патернализм (что сказывается в любви к жалобам, но неготовности к ответственному обсуждению), а также морализаторский перфекционизм (малейший огрех считается с публичной «сцены» и становится делом соответствующих инстанций), оно становится ещё более устойчивым, вязким. При всей видимой силе такого рода аргументов они относятся к епархии социолингвистики с её специальными методами и должны разрабатываться отдельно.

Второй фактор – сугубо структурный и состоит в тенденции к перераспределению информационного содержания в порождаемым на данном языке текстам вообще в пользу иллюстративных фрагментов относительно категоризирующих, называющих. В силу этого вместо исчерпывающей таксономии рубрификация нередко производится либо по укрупнённым, внутренне менее однородным классам, либо по дополнительным, иногда второстепенным критериям, нацеленным на синергетический эффект. Именно под этим углом можно рассматривать наибольший теоретический вызов обследованного материала, какой, несомненно, являет собой чрезвычайное разнообразие типов высказываний, рубрифицируемых носителями языка в негативные вердиктивы. Конечно, здесь нельзя полностью сбрасывать со счетов естественное терминологическое напряжение между классификацией РА как ментальных конструкторов, получающих чёткие дефиниции в голове исследователя, и спонтанной категоризацией их в практике использования языка. Но даже с учётом более рассеянной, «облачной» природы бытовых категорий обозначенный факт требует ответа, который, думается, может быть тоже дан в двух плоскостях.

Первая предполагает существенную «перетряску» представлений о внутренней иерархии РА, включая деление их последовательности в речи на уровни макро- и микро-РА. Вторые тогда выступают в подчинённой роли первым, чьё превосходство, в свою очередь, обосновывается фокусировкой перлокутивных эффектов. Именно степень соотношения (приоретизации в сознании Г) взаимосвязанных, но дискретных эффектов каждого из набора компонентов РА тогда будет объяснять наиболее неожиданные случаи, когда не упрёк делается ради и как часть побуждения, а побуждение и, как итог, реальное выполнение действия уступает по своей ценности для Г возможности «пнуть», «оттоптаться» на А, доказать свою правоту и т.п. – коммуникативные цели, не так уж оторванные от окружающего нас речевого существования. Указанные эмпирически доступные разночтения, разумеется, в конечном счёте ставят вопрос о сборе достаточных данных об иерархической упорядоченности РА в сознании носителей ЯЯ, что, видимо, невозможно было бы не учитывать и в уточнении речеактовых таксономий в универсальном плане.

Ещё один подход предполагает поставить по главу угла всю совокупность возможных пропозиций, помещающихся в рамки коммуникативного фрейма «упрёк» / «критика», и сумму вовлечённых в их отражение речевых действий. Их схематичное исчисление будет включать как раз:

- порицаемое / желательное действие (обратны)
- логическая причина совершить то и другое
- внутренняя мотивация деятеля совершить то и другое
- негативные последствия порицаемого действия
- положительные результаты желательного действия
- (неочевидная всем коммуникантам) каузальная связь между всем выше
- моральная, юридическая квалификация
- переживания Г из-за порицаемого / желательного действия
- воля Г добиться реализации желательного
- предыстория попыток Г добиться этого (и реакций А)

Нетрудно убедиться, что все эти компоненты фрейма в точности воспроизводят общий набор высказываний, которые в примерах из корпуса подводятся (в рамках цитатных конструкций) под категорию негативного вердиктива (см. интерпретацию сходного набора (микро)РА на англо-русском материале (Gallagher, 2014)). Вопрос выбора конкретного элемента, по всей видимости, самым прямым образом связан с выделенностью его в сознании Г в силу как контекстного окружения (например, большей осведомлённости об определённом фрагменте общего набора фактов из перечисленных), так и с коммуникативной тактикой и на локальном уровне (оценка более или менее сильных аргументов для воздействия), и на глобальном уровне (установки на гармоничность или конфликтность общения, степень взаимопонимания и прочее). Расчёт на способность А уловить подстраиваемый Г перлокутивный эффект и определяет возможность представить лишь часть, обладающую достаточной релевантностью для достижения той цели. Ширину диапазона таких кандидатов демонстрирует курьёзный пример, где для выражения упрёка Г ограничивается вообще фатическим (то есть, контактоустанавливающим) выражением – остальное, видимо, А (и с ним цитирующий автор) улавливает сам: 「あのなあ」 = *эй, милейший!* (с monk; сравни, однако, красноречивые покашливания, «выстрелы глазами» и прочие ещё более лаконичные способы, выудить которые возможно, надо думать, и из японского корпуса тоже, соответствующим образом перенастроив поисковый режим). С другой стороны, названное требование релевантности при этом ставит надёжный заслон на «волнительную» возможность неконтролируемого разрастания «вольных интерпретаций» РД: в косвенные РА (в терминологии абзаца выше) могут попасть лишь те, что сходят в фрейм рубрифицирующего РГ, то есть набор их кончен и исчислим.

Основной вывод из наблюдений за формальными особенностями негативных вердиктивов – в их факультативности. Как и многое в сфере языковой прагматики, использование шаблонов не обязательно, это не грамматическая форма, без которой высказывание становится аномальным, считывающий имплицатуры механизм срывает и без неё, но требует большей нагрузки. Напротив, прибегнув к описанным моделям и шаблонам, Г повышает узнаваемость своей интенции и (проверенный длительным конвенциональным употреблением) эмоциональный нажим на А (ср. используемое в (Иванов и др., 2003) понятие «усиления» или «усилителей» высказываний в определённых речевых жанрах). Существуют и данные о предпочтительности для успешной коммуникации гибкого комбинирования нескольких тактик, без взаимной поддержки рискующих оставить интенцию неузнанной (初鹿野他, 1996). В этом смысле обнаружение, упорядочение, изучение и преподавание всех таких средств необходимы для эффективной коммуникации и преподавания языка. Продолжение исследования всех типов перечисленных единиц для различных типов РД, таким образом, должно существенно продвинуть вперёд выкладки относительно функционального (коммуникативного) потенциала синтаксических конструкций (山岡, 2001), проследив тенденции употребления (а, следовательно, и предсказания) тех или иных типов высказываний. Задача-минимум на этом направлении – уточнение прагматических потенциалов тех конструктивных и иных риторических средств, что показали себя относительно частотными

в изученной зоне, но не принадлежащими ей одной (например, выражений аспектуальности *-te inai*, *(shi)gachi* и других); также – подключение доступного в корпусе материала о мультимодальных средствах выражения иллокутивных интенций, включая, но не ограничиваясь невербальными – вздохами, нахмуренностью, закатыванием глаз, в духе подходов (Jucker, 2024), см. также (白田, 2024). Задача-максимум включала бы расширение рамки рассматриваемого материала за счёт обширных доступных коллекций цитат в первую очередь в интернет-среде, где в исследуемой области, да и не только, активно развиваются новые (Лутовинова, 2021; 2022), порой вызывающие споры и конфликты, речевые практики.

© С.В. Чиронов, 2026

Список литературы

- Бушуева Л. А. Колкость как речевой поступок // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. №4. Т. 23. С. 32-335. DOI: 10.18500/1817-7115-2023-23-4-329-334
- Бушуева Л. А. Модель поступка «оскорбление» сквозь призму семантических ролей // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 2. С. 40-46. DOI: 10.17308/lic/1680-5755/2023/2/40-46
- Иванов Л. Ю., Сковородников А. П., Ширяев Е. Н. и др. (ред.) Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. Москва: Флинта: Наука, 2003. 840 с. ISBN: 5-89349-389-3, 5-02-002766-9
- Иссерс О. С. Речевой жанр отзыва потребителя и его трансформация в цифровую эпоху (на материале отзывов о докторах) // Жанры речи. 2023. №. 4 (40). С. 375-385. DOI: 10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-375-385
- Лутовинова О. В. Жанровые характеристики хейтинга // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 9 (162). С. 96-103. EDN: VSBFR
- Лутовинова О. В. Шейминг как речевой жанр // Жанры речи. 2022. №3 (35). С. 212-219. DOI: 10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-212-219
- Чиронов С. В. Наречие в японской речи как выразитель модусных значений. МГИМО-Университет, 2021. 478 с. ISBN: 978-5-9228-2466-8
- Чиронов С. В. Прагматические модели вопроса: данные японского языка // Филологические науки в МГИМО. 2015. №1. С. 80-103. EDN: VCVAIN
- Шилихина К. М. Речевой жанр «замечание» на шкале «вежливости-антивежливости» // Жанры речи. 2025. №. 3 (47). С. 265-272. DOI: 10.18500/2311-0740-2025-20-3-47-265-272
- Юскаева Э. И. Жанр жалобы в сетевых сообществах поддержки // Russian Linguistic Bulletin. 2023. №. 11 (47). С. 34. DOI: 10.18454/RULB.2023.47.34
- Austin J. L. How to do things with words. Harvard University Press, 1975. 186 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198245537.001.0001>
- Gallagher B. The speech act set of direct complaints in American and Russian cultures // Вестник РУДН, серия Лингвистика. 2014. № 4. С. 167-177. EDN: TFLGUD
- Jucker A. H. Speech acts: discursive, multimodal, diachronic. Cambridge University Press, 2024. 76 p. ISBN: 9781009421492
- Martin S. E. A reference grammar of Japanese. New Haven & London: Yale University Press, 1975. 1198 p. ISBN: 0-8048-1550-X
- Olshstein E., Weinbach L. Interlanguage Features of the Speech Act of Complaining // G. Kasper & S. Blum-Kulka (eds.), Interlanguage Pragmatics New York, Oxford: Oxford University Press, 1993. pp. 108-122.
- Pomerantz A. Telling My Side: "Limited Access" as a "Fishing" Device // Sociological Inquiry, 1980. 50. Pp. 186-98. DOI: 10.1111/j.1475-682X.1980.tb00020.x
- Searle J. R. A classification of illocutionary acts // Language in society, 1976, vol 5. pp. 170-194. <https://doi.org/10.1017/S0047404500006837>
- Searle J. R. Indirect speech acts // Syntax and Semantics, vol. 3; In book Speech Acts, Cole P., Morgan J. L. (eds.). New York – San Francisco – London: Academic Press, 1975. Pp. 59-82
- Trosborg A. Interlanguage Pragmatics: Requests, Complaints, and Apologies. Berlin: Mouton de Gruyter, 1994. 581 p. <http://dx.doi.org/10.1515/9783110885286>
- Wierzbicka A. English Speech Act Verbs: A Semantic Dictionary. Sydney: Academic Press, 1987. 397 p. ISBN: 0123128102
- 白田泰如. 日常会話における「嫌なこと」の語りにおける笑い話の導入手続き // 人工知能学会研究会資料 言語・音声理解と対話処理研究会 100 回 (2024/02). [Усуда Я. Использование юмора для вставок в выражение негативного отношения в повседневном общении// Материалы научной конференции Общества искусственного интеллекта: Исследовательская группа по пониманию языка и речи и обработке диалога, № 100. Японское общество искусственного интеллекта, 2024. с. 95-100.] (На яп. яз.)
- 梅木璃子, 山内優佳. 日本人大学生の第一言語及び第二言語による不平表現の比較—opt out と不平ストラテジーの使用に着目して— // 日本教科教育学会誌. [Умэки Р., Ямаути Ю. Сравнение выражений жалоб на первом и втором языках у японских студентов университетов: с акцентом на использование стратегии «отказа от участия» и стратегий подачи жалоб. // Вестник Японского общества исследований учебных программ. 2024. № 47(2). С. 13-22.] (На яп. яз.)

- 鎌田修『日本語の引用』ひつじ書房 [Камата О. Цитата в японском языке. Токио, Хицудзи сёбо, 2000. 199 с.] (На яп. яз.)
- 鈴木浩輔. 「不平」 場面における中級日本人英語学習者の相互行為-学習者による「前置き」の使用に着目して-//日本教科教育学会誌. [Судзуки К. Взаимодействие учащихся среднего уровня владения английским языком в речевой ситуации Жалобы: акцент на использовании «преамбул» учащимися // Вестник Японского общества исследований учебных программ] 2024. Т. 46. №. 4. С. 51-65.] (На яп. яз.)
- 初鹿野阿れ・熊取谷哲夫・藤森弘子「不満表明ストラテジーの使用傾向-日本語 母語話者と日本語学習者の比較-」『日本語教育』[Хадзино А., Куматория Т., Фудзимото Х. Тенденции использования стратегий жалобы – в сравнении носителей и обучающихся японскому языку // Нихонго кёйку. 1996. №88. С. 128-139.] (На яп. яз.)
- プロコピエヴァ, Мария. 日本語とロシア語における不満表明ストラテジー: 親疎・上下・役割関係を中心にして //日本語・日本文化研究. [Прокопьева М. Стратегии критики в японском и русском языках: социальная и вертикальная дистанция, ролевые стереотипы // Нихонго-нихонбунка кэнкю. 2017. №27. С. 150-159.] (На яп. яз.)
- 山内優佳, 深澤清治, 鬼田崇作, 梅木璃子. 不平表現方略の順序構造: 日本人とタイ人英語学習者を対象にした比較研究. 広島外国語教育研究, [Ямаути Ю., Фуказав С., Кида С., Умэки Р. Последовательная структура стратегий выражения жалоб: сравнительное исследование изучающих английский язык японского и тайского происхождения // Хиросима кокуго кёйку кэнкю. 2022. № 25, С. 77-90.] (На яп. яз.)
- 山岡政紀『日本語の述語と文機能』くろしお出版 [Ямаока М. Предикат в японском языке и функция предложения. Токио, Курошио] 2001, 289 с.] (На яп. яз.)
- 山岡政紀『発話機能論』くろしお出版 [Ямаока М. Функционально-иллокутивная теория. Токио, Курошио. 2008, 198 с.] (На яп. яз.)
- 楊凱榮. 疑問を表さない日本語の「疑問詞+ 動詞基本形+ の」 専修大学 国際コミュニケーション研究 第2号 [Ян Кайжун. Японская структура «вопросительное слово + базовая форма глагола + по» в невопросительной функции // Исследования международной коммуникации в Университете Сэнсю. 2023. №2. С. 58-70.] (На яп. яз.)
- 李奇楠 「批判」の発話について. [Ли Цинань. О критических высказываниях // Ninth International Conference on Practical Linguistics of Japanese, at San Francisco State University, USA 2016.6 [Электронный ресурс]. URL: <https://fh.pku.edu.cn/docs/2018-11/20181120001131026761.pdf> (дата обращения 27. 03. 2026)] (На яп. яз.)

References

- Austin, J. L. (1975) How to Do Things with Words. Harvard University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198245537.001.0001>
- Bushueva, L. A. (2023) Kolkost' kak rechevoy postupok [Retort as a Speech Action]. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, No 4, Vol. 23, 32-335. DOI: 10.18500/1817-7115-2023-23-4-329-334
- Bushueva, L. A. (2023) Model' postupka «oskorbleniye» skvoz' prizmu semanticheskikh roley [Model of the Act "Insult" through the Prism of Semantic Roles]. *Proceedings of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, No 2, 40-46. DOI: 10.17308/lic/1680-5755/2023/2/40-46
- Chironov, S. V. (2021) *Narechie v yaponskoy rechi kak vyrazitel' modusnykh znacheniy* [Adverbs in Japanese speech expressing modal meanings]. Moscow, MGIMO-Universitet. ISBN: 978-5-9228-2466-8
- Chironov, S. V. (2015) Pragmaticheskie modeli voprosa: dannye yaponskogo yazyka [Pragmatic models of Questions: data of Japanese]. *Filologicheskie nauki v MGIMO*, 1 (1), 80-103. EDN: VCVAIH
- Gallagher, B. (2014) The Speech Act Set of Direct Complaints in American and Russian Cultures. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 167-177. EDN: TFLGUD
- Jucker, A. H. (2024) *Speech Acts: Discursive, Multimodal, Diachronic*. Cambridge University Press. ISBN: 9781009421492
- Ivanov, L. I., Skovorodnikov, A. P. et al. (eds.) (2003) *Kul'tura russkoy rechi: Ehntsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Culture of Russian Speech: Encyclopedic Dictionary and Reference Book]. Moscow, Flinta. ISBN: 5-89349-389-3, 5-02-002766-9
- Issers, O. S. (2023) Rechevoy zhanr otzyva potrebitelya i ego transformatsiya v tsifrovuyu epokhu (na materiale otzyvov o doktorakh) [The speech genre of consumer feedback and its transformation in the digital age (based on reviews of doctors)]. *Speech Genres*, 4 (40), 375-385. DOI: 10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-375-385
- Lutovinova, O. V. (2021) Zhanrovyye kharakteristiki kheytinga [Genre characteristics of hating]. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 9 (162), 96-103.
- Lutovinova, O. V. (2022) Sheyming kak rechevoy zhanr [Shaming as a Speech Genre]. *Speech genres*, 3 (35), 212-219. DOI: 10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-212-219
- Martin, S. E. (1975) *A Reference Grammar of Japanese*. New Haven & London: Yale University Press. ISBN: 0-8048-1 550-X
- Olshain, E. & Weinbach, L. (1993) Interlanguage Features of the Speech Act of Complaining. In G. Kasper & S. Blum-Kulka (Eds.), *Interlanguage Pragmatics*. New York, Oxford: Oxford University Press.
- Pomerantz, A. (1980) Telling My Side: "Limited Access" as a "Fishing" Device. *Sociological Inquiry*, 5, 186-98. DOI: 10.1111/j.1475-682X.1980.tb00020.x
- Searle, J. R. (1976) A Classification of Illocutionary Acts. *Language in society*, 5, 170-194. <https://doi.org/10.1017/S0047404500006837>
- Searle, J. R. (1975) Indirect Speech Acts. In *Syntax and Semantics*, vol. 3, 59-82.
- Shilikhina, K. M. (2025) Rechevoy zhanr "zamechanie" na shkale "vezhlivosti-antivezhlivosti" [The Speech Genre "Remark" on the Scale of "Politeness-Anti-politeness"]. *Speech genres*, 3 (47), 265-272. DOI: 10.18500/2311-0740-2025-20-3-47-265-272
- Trosborg, A. (1994) *Interlanguage Pragmatics: Requests, Complaints, and Apologies*. Berlin: Mouton de Gruyter. <http://dx.doi.org/10.1515/9783110885286>

- Wierzbicka, A. (1987) *English Speech Act Verbs: A Semantic Dictionary*. Academic Press. ISBN: 0123128102
- Yus'kaeva, E. I. (2023) *Zhanr zhaloby v setevykh soobshchestvakh podderzhki* [The Genre of Complaints in Online Support Communities]. *Russian Linguistic Bulletin*, 11 (47), 34. DOI: 10.18454/RULB.2023.47.34
- 白田泰如. 日常会話における「嫌なこと」の語りにおける笑い話の導入手続き // 人工知能学会研究会資料 言語・音声理解と対話処理研究会 100 回 (2024/02). [Usuda, Y. (2024) Using Humor to Insert Negative Attitudes in Everyday Communication. *Proceedings of the Scientific Conference of the Japanese Society of Artificial Intelligence: Research Group on Language and Speech Understanding and Dialogue Processing*, 100, 95-100.] (In Japanese)
- 梅木璃子, 山内優佳. 日本人大学生の第一言語及び第二言語による不平表現の比較-opt out と不平ストラテジーの使用に着目して- // 日本教科教育学会誌. [Umeki, R. & Yamauchi, Y. (2024) Comparison of First- and Second-Language Complaint Expressions among Japanese University Students: With Emphasis on the Use of Opt-out Complaint Strategies. *Bulletin of the Japan Society for Curriculum Research*, 47 (2), 13-22.] (In Japanese)
- 鎌田修 『日本語の引用』 ひつじ書房 [Kamata, O. (2000) *Quotations in Japanese*. Hitsuji shobo] (In Japanese)
- 鈴木浩輔. 「不平」場面における中級日本人英語学習者の相互行為-学習者による「前置き」の使用に着目して- // 日本教科教育学会誌. [Suzuki, K. (2024) Interaction of Intermediate English Learners in Complaints: Emphasis on the Use of "Preambles" by Learners. *Bulletin of the Japan Society for Curriculum Research*, 46 (4), 51-65.] (In Japanese)
- 初鹿野阿れ・熊取谷哲夫・藤森弘子 「不満表明ストラテジーの使用傾向-日本語 母語話者と日本語学習者の比較-」 『日本語教育』 88 [Hajino, A., Kumatoriya, T. & Fujimoto, H. (1996) Trends in Complaint Usage – Comparing Japanese Native Speakers and Learners of Japanese. *Nihongo Kyoiku*, 88, 128-139.] (In Japanese)
- プロコピエヴァ, マリア. 日本語とロシア語における不満表明ストラテジー: 親疎・上下・役割関係を中心にして // 日本語・日本文化研究. [Prokopjeva, M. (2017) Complaints Strategies in Japanese and Russian – Horizontal Distance, Hierarchy and Role Types. *Nihongo Nihonbunka Kenkyu*, 27, 150-159.] (In Japanese)
- 山内優佳, 深澤清治, 鬼田崇作, 梅木璃子. 不平表現方略の順序構造: 日本人とタイ人英語学習者を対象にした比較研究. 広島外国語教育研究, [Yamauchi, Y., Fukazawa, S., Kida, S. & Umeki, R. (2022) Sequential Structure of Complaint Expression Strategies: A Comparative Study of Japanese and Thai English Learners. *Hiroshima kokugo kyoiku kenkyu*, 25, 77-90.] (In Japanese)
- 山岡政紀 『日本語の述語と文機能』 くろしお出版 [Yamaoka, M. (2001) *Japanese Predicates and Sentence Function*. Kuroshio.] (In Japanese)
- 山岡政紀 『発話機能論』 くろしお出版 [Yamaoka, M. (2008) *Functional Illocutionary Theory*. Kuroshio.] (In Japanese)
- 楊凱榮. 疑問を表さない日本語の「疑問詞+ 動詞基本形+ の」 専修大学 国際コミュニケーション研究 第2号 [Yan Kairong (2023). The Japanese Construction 'Interrogative Word + Verb Base Form + No' in Non-Interrogative Function. *International Communication Studies*, 2, 58-70.] (In Japanese)
- 李奇楠 「批判」の発話について. [Li Qinan (2016). On verbal criticisms. *Ninth International Conference on Practical Linguistics of Japanese*. San Francisco State University, USA, 6 (URL: <https://fh.pku.edu.cn/docs/2018-11/20181120001131026761.pdf>, accessed on March 27, 2026)] (In Japanese)

Сведения об авторе:

Чиронов Сергей Владимирович – к.ф.н., доцент, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных интересов – лингвистическая прагматика, теория дискурса, когнитивная лингвистика, проблемы лексической семантики. E-mail: s.chironov@inno.mgimo.ru
ORCID ID 0000-0003-4960-3294

About the author:

Sergey Vladimirovich Chironov is PhD in Linguistics, Assistant Professor, Head of the Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian linguistics, MGIMO. Research in linguistical pragmatics, discourse and semantics. E-mail: s.chironov@inno.mgimo.ru
ORCID ID 0000-0003-4960-3294

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare that they have no conflict of interest.

* * *

Enhancing Cognitive Competence through Microlearning: a Pedagogical Model

K. V. Melnikova

Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia

Abstract. The study presents a pedagogical model for developing cognitive competence in contemporary students enrolled in higher education programmes through the use of microlearning technology. The relevance of the study is determined by the influence of factors characteristic of the digital information age, which contribute to a decline in learners' attention span and their ability to engage effectively in cognitive activity. Cognitive competence is understood as an integrative construct comprising personal (general and subject-specific intellectual qualities), motivational (interest in learning activity and the aspiration for self-development), cognitive (object-related and metacognitive knowledge), and activity-based components (a set of essential skills). The activity-based component, which plays a leading role, is represented by four groups of skills: intellectual, informational, organisational-regulatory, and metacognitive. The implementation of the model requires three pedagogical conditions: activating the potential of modern digital technologies, integrating neurodidactic research results into microlearning, and facilitating students' independent learning activity. Microlearning is regarded as the key instructional tool for developing cognitive competence, as it represents a contemporary educational approach grounded in current neurodidactic research. Within the learning process, microlearning makes it possible to overcome pedagogical difficulties by fostering the development of voluntary attention, concentration, retention of new information, and awareness in learning. The level of cognitive competence development was assessed according to criteria corresponding to its components: emotional-volitional, motivational, knowledge-based, and procedural. The assessment results made it possible to distinguish the following levels of competence development: intuitive-elementary, reproductive-basic, situational-variable, and creative-productive. The proposed pedagogical model can be integrated into foreign language curricula for different groups of learners.

Keywords: cognitive competence, pedagogical model, microlearning, attention management, digital technologies, neurodidactics, foreign languages

For citation: Melnikova, K. V. (2026). Enhancing Cognitive Competence through Microlearning: A Pedagogical Model. *MGIMO Journal of Language Research and Teaching*, 12(2), 58–68. 2026. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2026-2-47-58-68> (In Russian)

Педагогическая модель развития познавательной компетенции с применением микрообучения

К. В. Мельникова

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

Аннотация. В исследовании представлена педагогическая модель развития познавательной компетенции у современных студентов высшей школы с применением технологии микрообучения. Актуальность исследования обусловлена влиянием факторов информационно-цифровой эпохи, которые приводят к снижению концентрации внимания и способности обучающихся к эффективной познавательной деятельности. Познавательная компетенция рассматривается как интегративное образование, включающее личностный (общие и предметные интеллектуальные качества), мотивационный (интерес к учебно-познавательной деятельности и стремление к саморазвитию), когнитивный (объектные и метакогнитивные знания) и деятельностный компоненты (совокупность необходимых умений). Деятельностный компонент, выступающий ведущим, представлен четырьмя группами умений: интеллектуальными, информационными, организационно-регулятивными и метакогнитивными. Разработка модели осуществлялась с опорой на системный, деятельностный, личностно-ориентированный и компетентностный подходы. В качестве методологических оснований были определены общенаучные принципы (целесообразности, системности, планирования), принципы обучения иностранному языку (коммуникативности, взаимосвязанного обучения), принципы андрагогики (гибкости, индивидуализации, осознанности, развития образовательных потребностей, совместной деятельности), а также принципы микрообучения (минимизации, порционности, фокусности, регулярности). Реализация модели предполагает соблюдение трёх педагогических условий: активизацию потенциала современных цифровых технологий, интеграцию результатов нейродидактических исследований в микрообучение и фасилитацию самостоятельной учебной деятельности обучающихся. Оценка уровня сформированности познавательной компетенции осуществлялась по критериям, соотнесённым с её компонентами: эмоционально-волевому, мотивационному, знаниевому и процессуальному. Выделены уровни сформированности компетенции: интуитивно-элементарный, репродуктивно-базовый, ситуативно-вариативный и креативно-продуктивный. Предложенная педагогическая модель может быть внедрена в учебные программы дисциплины «Иностранный язык» при работе с различными категориями обучающихся.

Ключевые слова: познавательная компетенция, педагогическая модель, микрообучение, управление вниманием, нейродидактика, иностранные языки

Для цитирования: Мельникова К. В. Педагогическая модель развития познавательной компетенции с применением микрообучения // Филологические науки в МГИМО. 2026. 12(2). С. 58–68. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2026-2-47-58-68>

1. Introduction

The problem of developing cognitive competence in contemporary students is becoming increasingly relevant in the context of the widespread digitalisation and technologisation of modern society and education. The importance of this issue is emphasised in the key regulatory and strategic documents of the Russian Federation that define the vector of further development of education in Russia. In particular, the state programme of the Russian Federation “Development of Education” highlights the need to improve the effectiveness and quality of education in accordance with contemporary challenges and realities, which implies the introduction of new pedagogical approaches.

The federal programme “Priority 2030” identifies the training of competitive professionals capable of engaging in research and innovation as one of the key objectives of higher education institutions. Achieving this goal requires well-developed competences in learning and cognitive activity, as well as the ability to work effectively with information in a digital environment. These requirements are also reflected in the Federal State Educational Standards of Higher Education, which include among the universal competences the ability for systemic and critical thinking, information search, analysis and synthesis, as well as self-organisation and self-development. Another important foundation is the concept of lifelong learning, established in the Federal Law “On Education in the Russian Federation” No. 273-FZ and the Concept for the Development of Adult Continuing Education (2021). These initiatives emphasise the need to create conditions for continuous professional and personal development, which requires specialists to possess well-developed skills for effective learning and cognitive activity. At the international level, UNESCO¹ and the Council of Europe² have also emphasised the importance of innovative educational approaches that enhance learner engagement, knowledge retention, and skill acquisition.

Drawing on the work of contemporary researchers such as Belozertsev³, Zeer (Zeer, 2011), Sergeev and Blinov (Sergeev & Blinov, 2007) and Zimnyaya (Zimnyaya, 2009), cognitive competence in this study is defined as a complex personal and activity-based construct that encompasses the personal qualities, motivations, knowledge, skills, and experience necessary for effective learning and cognitive activity within the information-digital environment. In the context of this research, the term «information-digital environment» refers to two key characteristics of the modern social and educational context. The digital component relates to the use of digital technologies and resources, while the informational component reflects the abundance of information and the vast, often uncontrolled volumes of data that individuals – and students in particular – encounter on a daily basis. Such an environment inevitably affects the brain’s cognitive processes and, consequently, alters patterns of interaction with information, influencing attention and the retention of new knowledge.

The relevance of the problem of developing cognitive competence among contemporary students is also supported by recent research. An illustrative example is a study conducted by King’s College London in 2024⁴. The results indicate that 49% of respondents reported a decrease in their attention span, the majority of whom belonged to the 18–34 age group. Furthermore, 84% of respondents stated that they experience difficulties with concentration to varying degrees, with half of them attributing these difficulties to significant information overload.

¹ International Commission on Education for the Twenty first Century. Education for the twenty first century: Issues and prospects. UNESCO, 1998. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000114766> (accessed 26.02.2026).

² Redecker, C. European framework for the digital competence of educators: DigCompEdu. Publications Office of the European Union, 2017. <https://doi.org/10.2760/159770>. URL: https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC107466/pdf_digcomedu_a4_final.pdf (accessed 26.02.2026).

³ Belozertsev, E. P., Goneev, A. D., Pashkov, A. G. et al. Pedagogika professional'nogo obrazovaniya [Pedagogy of Professional Education] / ed. by V. A. Slavenin. Moscow: Akademiya, 2004. 368 p.

⁴ Do we have your attention? How people focus and live in the modern information environment. King’s College London. The Policy Institute. The Centre for Attention Studies, Feb. 2022. URL: <https://www.kcl.ac.uk/policy-institute/assets/how-people-focus-and-live-in-the-modern-information-environment.pdf> (accessed 01.03.2026).

In addition, Kiryushina notes a general decline in the learning capacity of modern students (Kiryushina, 2022). As Caldwell emphasises, these challenges are further exacerbated by the constant influx of information, which makes it increasingly difficult to distinguish between relevant and irrelevant content. This situation highlights the need to develop strategies that help limit the volume of incoming information and identify its most significant elements, particularly in the context of the learning process (Caldwell, 2023).

To further examine the relevance of the problem under consideration, we conducted our own survey among students during the autumn semesters of 2023–2024. The study involved students enrolled in higher education programmes, with a total of 46 respondents participating in the survey.

The analysis of the responses showed that more than half of the participants (approximately 55–60%) possess only a superficial understanding of attention management skills, primarily associating them with self-control, memorisation of material, and the ability to concentrate. A considerable number of students reported frequent experiences of boredom and distraction, as well as difficulties maintaining concentration. At the same time, about 40% of respondents believe that they are able to sustain attention for extended periods (60–120 minutes). However, pedagogical observation suggests a different picture: around 60% of students acknowledge experiencing concentration difficulties, the need for frequent breaks, and a tendency toward procrastination.

Among the main distracting factors, respondents identified noise, conversations, fatigue, lack of interest, and the influence of digital media, all of which may reduce the ability to maintain sustained attention.

At the same time, the majority of students (79%) expressed a desire to learn how to manage their attention more effectively, linking this skill to reduced procrastination, increased productivity, and more efficient completion of learning tasks. Approximately 21% of respondents, however, tend to associate attention management primarily with the teacher's role, perceiving the instructor as an external regulator of the learning process.

A positive finding is that a substantial proportion of students demonstrate elements of learning awareness. They emphasise the importance of personal responsibility, intrinsic motivation, and a clear understanding of learning goals. Students also attach particular importance to self-reflection: 89% of respondents consider it an essential component of the learning process, noting its role in analysing the outcomes of their activities, identifying mistakes, and organising their learning more consciously. Overall, the results of this empirical study complement existing research findings and further confirm the relevance of the problem under investigation.

Thus, the data presented above highlight two key points. First, they demonstrate the need to develop cognitive competence in contemporary students in order to ensure effective and sustainable engagement in learning and cognitive activity throughout life in a rapidly changing environment. Second, they indicate the need to improve existing approaches and develop new methods for fostering cognitive competence in students, taking into account the specific features of the information-digital educational environment.

In accordance with this, the following research objectives are formulated:

Research Objective 1: to examine microlearning as a method for developing students' cognitive competence in the context of the information-digital environment.

Research Objective 2: to develop a model for fostering students' cognitive competence through the use of microlearning in the information-digital environment.

2. Material and Methodology

The primary research method used to develop the model of cognitive competence formation was a systematic literature review of regulatory and legal documents, strategic policy papers, and theoretical and empirical studies related to the topic.

To achieve the overall aim and objectives of the study, a systematic review of academic sources was conducted using elements of the PRISMA methodology. The analysis included research on the following topics: methodological approaches to conducting pedagogical research (11 monographs were analysed); the development of competence models in pedagogical studies (21 publications and dissertation studies

were analysed); the development of cognitive competence in learners in higher education (26 research publications and 8 dissertation studies were analysed); and microlearning as a contemporary instructional approach in the information-digital era (abstracts of 119 publications were reviewed in the Scopus database for the period 2019–2026, resulting in a final sample of 16 studies for in-depth analysis).

To examine the theoretical and methodological foundations of pedagogical research, the works of prominent Russian and international scholars were analysed. The studies of Yakovlev and Yakovleva were particularly important for the development of the competence model (Yakovlev, Yakovleva, 2006). The problem of the formation and development of cognitive competence was examined in the works of Sergeev & Blinov (Sergeev, Blinov, 2007), Zimnyaya (Zimnyaya, 2009), Kiryushina⁵, Lavrik (Lavrik, 2018), and Solonina⁶. Microlearning has been addressed in the works of Langreiter & Bolka (Langreiter, Bolka, 2005), Hug (Hug, 2007), Kohnke (Kohnke, 2023), and others.

3. Results

3.1. Scientific approaches and principles

The conduct of any pedagogical study begins with the identification of key research approaches to the problem under investigation. In the present study, the following approaches were selected as the primary methodological foundations: the systemic, activity-based, learner-centred, and competence-based approaches.

The systemic approach was chosen because it views pedagogical phenomena as integrated systems consisting of interrelated elements. Within this study, the model for developing cognitive competence is considered as a pedagogical system characterised by a specific goal, structure, components, and internal relationships, which makes it possible to identify its system-forming factors and the logic underlying its functioning (Yakovlev, Yakovleva, 2006, p. 122).

The activity-based approach is of particular importance for pedagogical research, as it is grounded in the idea that competences are formed through learners' active engagement in various forms of activity. In this study, the development of cognitive competence is understood as a collaborative process involving both instructors and students, implemented through microlearning and a range of methodological tools (Yakovlev, Yakovleva, 2006, p. 74).

The learner-centred approach makes it possible to take into account learners' individual characteristics, educational needs, and motivation⁷. Its application is especially important in the context of adult learners enrolled in higher education programmes. Finally, the competence-based approach enables the study to define the structure and content of cognitive competence and to align it with contemporary requirements of higher education.

A set of principles underlying the development of the model was also identified. At the general methodological level, these include the principles of purposefulness, systematicity, and planning. At the subject-specific level, the principles of communicativeness (Zimnyaya, 1991, p. 22) and integrated language learning⁸ were taken into account. The principles of andragogy relevant to the study include flexibility and individualisation, awareness and the development of learners' educational needs, as well as collaborative learning (Biryukova, 2008). The principles of microlearning — minimisation, segmentation, focus, and regularity — are directly related to microlearning as the primary instructional method of the proposed model. The importance of regular, focused microlearning practices is supported by both theoretical and empirical studies (Hug, 2007).

⁵ Kiryushina, O. V. (2007). *Osnovy diagnostiki spetsial'noy poznavatel'noy kompetentnosti v professional'nom yazykovom obrazovanii* [Foundations of Diagnosing Special Cognitive Competence in Professional Language Education]. Cand. ped. sci. diss. Yekaterinburg. (In Russian)

⁶ Solonina, L. V. (2007). *Razvitie inoyazychnoy uchebnoy kompetentnosti na nachal'nom etape professional'nogo yazykovogo obrazovaniya* [Development of Foreign Language Learning Competence at the Initial Stage of Professional Language Education]. Cand. ped. sci. diss. Yekaterinburg. (In Russian)

⁷ Vishnyakova, S. M. *Professional'noe obrazovanie: Slovar'. Klyuchevye ponyatiya, terminy, aktual'naya leksika* [Professional Education: Dictionary]. Moscow: NMTs, 1999. 538 p. (p. 152)

⁸ Galskova, N. D., Gez, N. I. *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam: Lingvodidaktika i metodika* [Theory of Foreign Language Teaching: Linguodidactics and Methodology]. 6th ed. Moscow: Akademiya, 2009. 336 p. (p. 152)

3.2. Pedagogical Model

Within the framework of the systemic approach, the pedagogical object of this study – cognitive competence – is viewed as an integrated construct that can be understood as a pedagogical system. The study employs pedagogical modelling as an appropriate research tool. Following the classification proposed by Yakovlev, the developed pedagogical model can be attributed to the structural-functional type (Yakovlev, Yakovleva, 2006, pp. 124–126). Its structure comprises three interrelated domains: the content domain, the procedural domain, and the assessment and evaluation domain.

1. The content domain describes the structure of cognitive competence, which is represented by four interrelated elements: the personal, motivational, cognitive, and activity-based components. These components were identified with reference to the studies of Kiryushina (Kiryushina, 2007), Lavrik (Lavrik, 2018), and Solonina (Solonina, 2007).

The personal component reflects the degree to which learners possess qualities that support effective cognitive activity, such as goal orientation, independence, initiative, responsibility, organisation, and active engagement. The motivational component characterises the learner's interest in academic activity, readiness to participate actively in the educational process, and aspiration for self-development. The cognitive component includes both object-related and metacognitive knowledge. The activity-based component reflects the level of development of the skills that form the foundation of cognitive competence.

Based on the classification of learning skills proposed by Kolesnikova and Konstantinova (Kolesnikova, Konstantinova, 2006, pp. 97–100), as well as the classification suggested by Galskova⁹, we identified the following groups of skills: intellectual, informational, and organisational-regulatory. The development of these groups is grounded in metacognitive skills, the formation of which is significantly supported by microlearning. These metacognitive skills include: the ability to identify the focus of attention when performing a learning task; the ability to formulate an intention when selecting a learning object; the ability to concentrate on a key learning object or task; and the ability to maintain concentration for a certain period of time.

2. The procedural domain includes three key elements: (1) pedagogical conditions that support the development of cognitive competence; (2) microlearning and the tools used for its implementation; and (3) the stages of cognitive competence development through microlearning within the framework of the pedagogical experiment.

Three key pedagogical conditions were identified: activating the potential of modern digital technologies, integrating neurodidactic research results into microlearning, and facilitating students' independent learning activity. The effective use of digital technologies enhances the efficiency of the learning process and enables the educational environment to better respond to the demands of the contemporary information-digital context (Titova, 2017). Incorporating principles from neurodidactics¹⁰ supports the development of attention, concentration, and memory through microlearning, as confirmed by theoretical (Hug, 2007; Alias, Abdul Razak, 2023) and empirical studies (Al-Zahrani, 2024; Balasundaram et al., 2024; Chamorro-Atalaya et al., 2024). The facilitation of learning activities (Shakhmatova, 2006) promotes learners' autonomy and supports regular engagement with learning materials while maintaining a high level of motivation.

Microlearning was selected as the primary approach for fostering cognitive competence within the framework of the proposed pedagogical model. The founder of the concept, Theo Hug, describes microlearning as a specific form of learning in which educational programmes are designed and organised at the micro level (Hug, 2007, pp. 16–17). Bugakova defines microlearning as a form of instruction in which learning material is presented in small units, each followed by immediate reinforcement through short learning tasks (Bugakova, 2018, p. 71). Prasittichok and Smithsarakarn view microlearning as an

⁹ Galskova, N. D. *Sovremennaya metodika obucheniya inostrannym yazykam* [Modern Methods of Foreign Language Teaching]. 2nd ed. Moscow: ARKTI, 2003. 192 p. (pp. 93–94)

¹⁰ Kostromina, S. N. *Vvedenie v neurodidaktiku* [Introduction to Neurodidactics]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press, 2019. 180 p.

educational practice based on the use of compact and information-rich learning content that makes it possible to design clear and accessible lessons (Prasittichok, Smithsarakarn, 2024, p. 531). The key concepts of microlearning include focus and needs analysis (Kohnke, 2023, p. 16).

3. The assessment and evaluation domain includes the criteria and indicators used to evaluate the level of cognitive competence, as well as the expected outcomes of implementing the pedagogical model. Assessment is carried out according to four criteria: emotional-volitional, motivational, knowledge-based, and procedural. Four levels of competence development are identified: intuitive-elementary, reproductive-basic, situational-variable, and creative-productive. The expected outcome of the model's implementation is the development of a stable readiness among students to engage effectively in learning and cognitive activities both in classroom settings and in independent study within the information-digital environment.

4. Discussion

The rapid development of digital technologies and artificial intelligence is profoundly transforming the contemporary educational landscape and generating new challenges for both learners and educators. The increasing accessibility of AI tools capable of generating texts, solving complex problems, and instantly providing ready-made answers is reshaping the very nature of learning activities. On the one hand, such technologies expand access to knowledge and open new possibilities for personalised learning. On the other hand, they may reduce students' independent cognitive engagement. Under these conditions, the ability of learners to consciously organise and regulate their own learning processes becomes particularly important.

One of the widely discussed challenges of the digital era is the weakening of memory, attention, and the capacity for deep information processing. In academic and popular discourse, this phenomenon is often associated with the concept of digital dementia¹¹. Continuous interaction with short-form content, habitual switching of attention, and reliance on instant access to information may reduce the ability to sustain concentration, engage in analytical thinking, and retain information meaningfully (Mineva, 2021). Consequently, the development of self-regulation skills, attention management, and conscious engagement in cognitive activity becomes increasingly important.

In this context, particular significance is attached to the development of the so-called learning to learn competence, widely recognised as one of the key meta-competences. In the present study, this ability is examined through the concept of cognitive competence, which includes personal, motivational, cognitive, and activity-based components. Future research may also consider incorporating a meta-digital component into the structure of cognitive competence as a distinct group of skills. As noted by Konkol and Marina, the development of meta-digital competence is essential in the context of the information-digital era, as it fosters the ability to engage consciously and critically with artificial intelligence as an educational tool (Konkol, Marina, 2025).

The development of cognitive competence becomes especially important in the context of adult education. Adult learners typically combine their studies with professional responsibilities, which requires a high degree of autonomy and self-regulation. According to the principles of andragogy (Biryukova, 2008), adult learners tend to be oriented toward practical outcomes and rely on their prior experience. Therefore, the development of cognitive competence becomes an essential condition for successful adult learning and for the implementation of the concept of lifelong learning.

In recent years, increasing attention has been paid to teaching approaches aimed at activating cognitive processes. Among these, microlearning has gained particular prominence. As noted by Langreiter and Bolka, microlearning reflects the growing fragmentation of informational resources and learning processes, particularly in rapidly evolving fields (Langreiter, Bolka, 2005, p. 79). Similarly, Stracqualursi and Agati position microlearning alongside other contemporary educational approaches such as adaptive learning, immersive learning, and gamification (Stracqualursi, Agati, 2024).

¹¹ Hansen, A. Na tsifrovoy igne [Hooked on Screens] / transl. from Swedish by I. N. Petrova. Moscow: RIPOL klassik, 2021. 240 p.

According to Lalitha and Sreeja, microlearning is characterised by brevity, clearly defined learning objectives, multimodal learning content, just-in-time learning, repetition and reinforcement, as well as mobile accessibility (Lalitha, Sreeja, 2024, p. 231). Furthermore, Souza and Amaral note that media resources are frequently used in microlearning practices when working with microcontent (Souza, Amaral, 2014, p. 675). Experimental studies demonstrate that microlearning can be effectively implemented through a wide range of digital technologies: Conde-Caballero and colleagues explored microlearning through TikTok in undergraduate education (Conde-Caballero et al., 2024), while Gorham and colleagues presented a microlearning-based model for developing peer-assessment skills (Gorham et al., 2023).

From a neurodidactic perspective, microlearning also contributes to the development of metacognitive skills related to attention management, concentration, and the self-regulation of learning activities (Lykova, 2025). In this sense, microlearning can be considered not only a way of organising learning content into compact units but also a means of fostering a more conscious and autonomous approach to learning. Overall, the ongoing digital transformation of education highlights the importance of developing cognitive competence among learners, and microlearning appears to be a promising pedagogical tool that aligns with the principles of andragogy and supports the development of the skills necessary for effective learning and lifelong education.

5. Conclusions

The present study addressed the research objectives outlined at the beginning of the paper. Microlearning was examined and proposed as a key method for developing cognitive competence within the framework of the pedagogical model presented in this study. The proposed model focuses on the development of cognitive competence among students enrolled in higher education programmes. It incorporates microlearning as its central methodological component and aligns with the demands and characteristics of learning in the contemporary information-digital environment. The proposed model contributes to the theoretical understanding of cognitive competence development in the context of digital education and offers practical guidance for integrating microlearning into educational practice. Its implementation may enhance students' ability to organise and regulate their learning activities effectively in the contemporary information-digital environment and support the development of competencies necessary for lifelong learning.

© К. В. Мельникова, 2026

References

- Al-Zahrani, A. M. (2024). Enhancing postgraduate students' learning outcomes through Flipped Mobile-Based Microlearning. *Research in Learning Technology*, 32. <https://doi.org/10.25304/rlt.v32.3110>
- Alias, N. F., Abdul Razak, R. (2023). Exploring the pedagogical aspects of microlearning in educational settings: a systematic literature review. *Malaysian Journal of Learning and Instruction*, 20(2), 267–294. <https://doi.org/10.32890/mjli2023.20.2.3>
- Balasundaram, S., et al. (2024). Microlearning and Learning Performance in Higher Education: A Post-Test Control Group Study. *Journal of Learning for Development*, 11, 1–14. <https://doi.org/10.56059/jl4d.v11i1.752>
- Biryukova, N. A. (2008). Andragogika (nauka ob obuchenii vzroslykh) kak aktual'noe napravlenie sovremennoy obrazovatel'noy praktiki [Andragogy as a Relevant Direction of Modern Educational Practice]. *Vestnik Mari State University*, (2), 52–56. (In Russian)
- Bugakova, T. Yu. (2018). E-learning: Sovremennye trendy obrazovaniya [E-learning: Modern Educational Trends]. *Aktual'nye voprosy obrazovaniya*, (1), 70–73. (In Russian)
- Caldwell, K. (2023). Learning out Loud: A Framework for Learning in an Era of Information Abundance. In S. Mistretta (Ed.), *Reimagining Education – The Role of E-learning, Creativity, and Technology in the Post-pandemic Era*, 1–17. *Intech Open*. <https://doi.org/10.5772/intechopen.1002923>
- Chamorro-Atalaya, O., et al. (2024). Microlearning and Nanolearning in Higher Education: A Bibliometric Review to Identify Thematic Prevalence in the COVID-19 Pandemic and Post-Pandemic Context. *International Journal of Learning, Teaching and Educational Research*, 23(4), 279–297. <https://doi.org/10.26803/ijlter.23.4.15>

- Conde-Caballero, D., et al. (2024). Microlearning through TikTok in Higher Education. An evaluation of uses and potentials. *Education and Information Technologies*, 29, 2365–2385. <https://doi.org/10.1007/s10639-023-11904-4>
- Gorham, T., et al. (2023). Analyzing learner profiles in a microlearning app for training language learning peer feedback skills. *Journal of Computers in Education*, 10, 549–574. <https://doi.org/10.1007/s40692-023-00264-0>
- Hug, T. (2007). Didactics of microlearning: concepts, discourses and examples. Waxmann.
- Kiryushina, O. V. (2022). Ratsional'nye priemy zapominaniya inoyazychnoy leksiki v sisteme profil'noy podgotovki studentov vuza [Rational Techniques for Memorizing Foreign Language Vocabulary in University Education]. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki*, 7(1), 116–124. <https://doi.org/10.30853/ped20220005> (In Russian)
- Kohnke, L. (2023). Using technology to design ESL/EFL microlearning activities. Springer. <https://doi.org/10.1007/978-981-99-2774-6>
- Kolesnikova, I. L., Konstantinova, S. I. (2006). Formirovanie uchebno-poznavatel'noy kompetentsii na urokakh angliyskogo yazyka v starshey shkole [Formation of Learning and Cognitive Competence in English Lessons in Upper Secondary School]. In M. K. Kolkova (Ed.), *Metodiki obucheniya inostrannym yazykam v sredney shkole* (pp. 97–100). KARO. (In Russian)
- Konkol, M. M., Marina, E. D. (2025). Methodological foundations of the meta-digital competence system: a case study in language education. *The Education and Science Journal*, 27(9), 9–29. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2025-9-9-29>
- Lalitha, T. B., Sreeja, P. S. (2024). Keyword Extraction and Pattern Model Identification on Online Learning Contents for Classification to Enhance Microlearning Concepts and Obtain Personalized eLearning Contents. *International Journal of Engineering Trends and Technology*, 72(3), 230–248. <https://doi.org/10.14445/22315381/IJETT-V72I3P121>
- Langreiter, Ch., Bolka, A. (2005). Snips & Spaces: Managing Microlearning. In T. Hug, M. Lindner, P. A. Bruck (Eds.), *Microlearning: Emerging concepts, practices and technologies after e-learning* (pp. 79–97). Innsbruck University Press.
- Lavrik, E. Yu. (2018). Metodika razvitiya inoyazychnoy uchebno-poznavatel'noy kompetentsii studentov turistskogo profilya [Methods of Developing Students' Foreign Language Learning Competence]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, (7), 96–102. (In Russian)
- Lykova, K. V. (2025). Upravlenie vnimaniem kak sposob povysheniya produktivnosti uchebnoy deyatel'nosti na zanyatii po inostrannomu yazyku [Managing attention to engage productivity in foreign language lessons: Microlearning as a case study]. In *Lingvosfera: mezhdisziplinarnye podkhody v lingvistike i izuchenii inostrannykh yazykov* (pp. 170–178). Ural State Pedagogical University. (In Russian)
- Mineva, S. S. (2021). Distantsionnoe universitetskoe obrazovanie: mezhdru akademicheskoy traditsiei i tsifrovoj dementsiei [Distance University Education: Between the Academic Tradition and Digital Dementia]. *Noosphere Studies*, (1), 99–105. <https://doi.org/10.46724/NOOS.2021.1.99-105> (In Russian)
- Prasittichok, P., Smithsarakarn, P. (2024). The Effects of Microlearning on EFL Students' English Speaking: A Systematic Review and Meta-Analysis. *International Journal of Learning, Teaching and Educational Research*, 23(4), 525–546. <https://doi.org/10.26803/ijlter.23.4.27>
- Sergeev, I. S., Blinov, V. I. (2007). Kak realizovat' kompetentnostnyy podkhod na uroke i vo vneurochnoy deyatel'nosti [How to Implement the Competency-Based Approach in Classroom and Extracurricular Activities]. ARKTI. (In Russian)
- Shakhmatova, O. N. (2006). Pedagogicheskaya fasilitatsiya: osobennosti formirovaniya i razvitiya [Pedagogical facilitation: features of formation and development]. *Nauchnye issledovaniya v obrazovanii*, (3), 118–125. (In Russian)
- Souza, M. I., Amaral, S. F. (2014). Educational Microcontent for Mobile Learning Virtual Environments. *Creative Education*, (5), 672–681.
- Stracqualursi, L., Agati, P. (2024). Twitter users perceptions of AI-based e-learning technologies. *Scientific Reports*, 14(1), article 5927. <https://doi.org/10.1038/s41598-024-56284-y>
- Titova, S. V. (2017). Tsifrovyye tekhnologii v yazykovom obuchenii: teoriya i praktika [Digital technologies in language teaching: Theory and practice]. Editus. (In Russian)
- Yakovlev, E. V., Yakovleva, N. O. (2006). Pedagogicheskaya kontseptsiya: metodologicheskie aspekty postroeniya [Pedagogical Concept: Methodological Aspects of Construction]. VLADOS. (In Russian)
- Zeer, E. F. (2011). Psikhologiya professional'nogo razvitiya [Psychology of Professional Development]. Russian State Vocational Pedagogical University Press. (In Russian)
- Zeer, E. F. (2021). Neydidaktika — innovatsionnyy trend personalizirovannogo obrazovaniya [Neurodidactics as an innovative trend in personalized education]. *Professional'noe obrazovanie i ryok truda*, (4), 30–38. <https://doi.org/10.52944/PORT.2021.47.4.002> (In Russian)
- Zimnyaya, I. A. (1991). Psikhologiya obucheniya inostrannym yazykam v shkole [Psychology of Teaching Foreign Languages at School]. Prosveshchenie. (In Russian)
- Zimnyaya, I. A. (2009). Klyuchevye kompetentsii — novaya paradigma rezul'tata obrazovaniya [Key Competences as a New Paradigm of Educational Outcomes]. *Eksperiment i innovatsii v shkole*, (2), 7–14. (In Russian)

Список литературы

- Бирюкова Н. А. Андрагогика (наука об обучении взрослых) как актуальное направление современной образовательной практики // *Вестник Марийского государственного университета*. 2008. № 2. С. 52–56.
- Бугакова Т. Ю. E-learning: современные тренды образования // *Актуальные вопросы образования*. 2018. № 1. С. 70–73.
- Зеер Э. Ф. Нейродидактика — инновационный тренд персонализированного образования // *Профессиональное образование и рынок труда*. 2021. № 4. С. 30–38. <https://doi.org/10.52944/PORT.2021.47.4.002>

- Зеер Э. Ф. Психология профессионального развития : методология, теория, практика : коллективная монография / под ред. Э. Ф. Зеера. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2011. 159 с.
- Зимняя И. А. Ключевые компетенции — новая парадигма результата образования // *Эксперимент и инновации в школе*. 2009. № 2. С. 7–14.
- Зимняя И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе. Москва : Просвещение, 1991. 221 с.
- Кирюшина О. В. Рациональные приемы запоминания иноязычной лексики в системе профильной подготовки студентов вуза: теоретический и практический аспекты // *Педагогика. Вопросы теории и практики*. 2022. Т. 7. № 1. С. 116–124. DOI: 10.30853/ped20220005
- Колесникова И. Л., Константинова С. И. Формирование учебно-познавательной компетенции на уроках английского языка в старшей школе // *Методики обучения иностранным языкам в средней школе* / отв. ред. М. К. Колкова. Санкт-Петербург : КАРО, 2006. С. 97–100.
- Конколь М. М., Марьина Е. Д. Методологические основания системы метацифровой компетентности (на примере языкового образования) // *Образование и наука*. 2025. Т. 27. № 9. С. 9–29. DOI: 10.17853/1994-5639-2025-9-9-29
- Лаврик Е. Ю. Методика развития иноязычной учебно-познавательной компетенции студентов туристического профиля // *Педагогическое образование в России*. 2018. № 7. С. 96–102.
- Лыкова К. В. Управление вниманием как способ повышения продуктивности учебной деятельности на занятии по иностранному языку (на примере микрообучения) // *Лингвосфера: междисциплинарные подходы в лингвистике и изучении иностранных языков : материалы Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 14–15 ноября 2024 года*. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2025. С. 170–178.
- Минева С. С. Дистанционное университетское образование: между академической традицией и цифровой деменцией // *Ноосферные исследования*. 2021. № 1. С. 99–105. DOI: 10.46724/NOOS.2021.1.99-105
- Сергеев И. С., Блинов В. И. Как реализовать компетентностный подход на уроке и во внеурочной деятельности : практическое пособие. Москва : АРКТИ, 2007. 132 с.
- Титова С. В. Цифровые технологии в языковом обучении: теория и практика. Москва : Эдитус, 2017. 248 с.
- Шахматова О. Н. Педагогическая фасилитация: особенности формирования и развития // *Научные исследования в образовании*. 2006. № 3. С. 118–125.
- Яковлев Е. В., Яковлева Н. О. Педагогическая концепция: методологические аспекты построения. Москва : ВЛАДОС, 2006. 239 с.
- Al-Zahrani A. M. Enhancing postgraduate students' learning outcomes through Flipped Mobile-Based Microlearning // *Research in Learning Technology*. 2024. Vol. 32. DOI: 10.25304/rlt.v32.3110
- Alias N. F., Abdul Razak R. Exploring the pedagogical aspects of microlearning in educational settings: a systematic literature review // *Malaysian Journal of Learning and Instruction*. 2023. Vol. 20, No. 2. P. 267–294. DOI: 10.32890/mjli2023.20.2.3
- Balasundaram S., et al. Microlearning and Learning Performance in Higher Education: A Post-Test Control Group Study // *Journal of Learning for Development*. 2024. Vol. 11. P. 1–14. DOI: 10.56059/jl4d.v11i1.752
- Caldwell K. Learning out Loud: A Framework for Learning in an Era of Information Abundance // *Reimagining Education – The Role of E-learning, Creativity, and Technology in the Post-pandemic Era* / ed. by S. Mistretta. [eBook edition]. *Intech Open*. 2023. P. 1–17. DOI: 10.5772/intechopen.1002923
- Chamorro-Atalaya O., et al. Microlearning and Nanolearning in Higher Education: A Bibliometric Review to Identify Thematic Prevalence in the COVID-19 Pandemic and Post-Pandemic Context // *International Journal of Learning, Teaching and Educational Research*. 2024. Vol. 23, No. 4. P. 279–297. DOI: 10.26803/ijlter.23.4.15
- Conde-Caballero D., et al. Microlearning through TikTok in Higher Education. An evaluation of uses and potentials // *Education and Information Technologies*. 2024. Vol. 29. P. 2365–2385. DOI: 10.1007/s10639-023-11904-4
- Gorham T., et al. Analyzing learner profiles in a microlearning app for training language learning peer feedback skills // *Journal of Computers in Education*. 2023. Vol. 10. P. 549–574. DOI: 10.1007/s40692-023-00264-0
- Hug T. Didactics of microlearning: concepts, discourses and examples. Münster : Waxmann, 2007.
- Kohnke L. Using technology to design ESL/EFL microlearning activities. Singapore : Springer, 2023. DOI: 10.1007/978-981-99-2774-6
- Lalitha T. B., Sreeja P. S. Keyword Extraction and Pattern Model Identification on Online Learning Contents for Classification to Enhance Microlearning Concepts and Obtain Personalized eLearning Contents // *International Journal of Engineering Trends and Technology*. 2024. Vol. 72, No. 3. P. 230–248. DOI: 10.14445/22315381/IJETT-V72I3P121
- Langreiter Ch., Bolka A. Snips & Spaces: Managing Microlearning // *Microlearning: Emerging concepts, practices and technologies after e-learning : proceedings of Microlearning 2005* / eds. T. Hug, M. Lindner, P. A. Bruck. Innsbruck : Innsbruck University Press, 2005. P. 79–97.
- Prasittichok P., Smithsarakarn P. The Effects of Microlearning on EFL Students' English Speaking: A Systematic Review and Meta-Analysis // *International Journal of Learning, Teaching and Educational Research*. 2024. Vol. 23, No. 4. P. 525–546. DOI: 10.26803/ijlter.23.4.27
- Souza M. I., Amaral S. F. Educational Microcontent for Mobile Learning Virtual Environments // *Creative Education*. 2014. No. 5. P. 672–681.
- Stracqualursi L., Agati P. Twitter users perceptions of AI-based e-learning technologies // *Scientific Reports*. 2024. Vol. 14, No. 1. Article 5927. DOI: 10.1038/s41598-024-56284-y

About the Author:

Ksenia V. Melnikova is Postgraduate Researcher, Senior Lecturer, Department of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia). Research interests: foreign language teaching methodology, microlearning. E-mail: ksenia.vl.lykova@gmail.com
ORCID ID: 0009-0003-5540-271X

Сведения об авторе:

Мельникова Ксения Владимировна – соискатель ученой степени кандидата педагогических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). Сфера научных интересов: методика преподавания иностранных языков, микрообучение. E-mail: ksenia.vl.lykova@gmail.com
ORCID ID: 0009-0003-5540-271X

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

* * *

Стратегии передачи связности дискурса в синхронном переводе с русского языка на немецкий

В. Е. Порубилкин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
Москва, Россия

Аннотация. В данной работе проводится анализ передачи прагматических маркеров построения дискурса в синхронном переводе, а также определяются основные переводческие стратегии при передаче связности дискурса и влияния оценочного компонента высказывания на их выбор. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые при анализе реальной деятельности переводчиков-синхронистов задействован прагматический подход, позволяющий выделить основные способы создания и управления дискурсом, а также определить стратегии перевода прагматических (дискурсивных) маркеров создания такой связности. В основе методологии исследования лежит классификация маркеров построения дискурса, которая позволяет говорящему сигнализировать о продолжении темы (группа 1), о возвращении к предыдущей теме (группа 2), а также обозначать структуру дискурса (группа 3). Материалом исследования послужили видеозаписи выступлений участников Петербургского международного экономического форума и Российской энергетической недели в 2018 году, с доступным синхронным переводом. В корпус примеров вошло 38 прагматических маркеров. В результате исследования установлено, что при переводе прагматических маркеров с указанием на продолжение темы или же отсылкой к предыдущей теме дискурса выбранные переводчиком стратегии демонстрируют наибольшую вариативность (дословный перевод, компенсация, опущение с сохранением смысла). Самым сложным когнитивным процессом является возврат к предыдущей теме, так как он нарушает линейность дискурса, соответственно, должен четко обозначаться в переводе. Результаты исследования демонстрируют, что функция прагматического маркера – привлечь внимание, структурировать переход – важнее его лексического наполнения. Оценочный компонент теряется при передаче прагматического значения высказывания и заменяется ближайшим функциональным аналогом языка перевода. Меньше всего стратегий используется при передаче маркеров структуры дискурса (дословный перевод). Их передача является наиболее простым процессом, так как в большинстве случаев они имеют прямой функциональный аналог в языке перевода. Эмпирические данные исследования могут быть использованы в качестве стимульного материала для переводческого эксперимента, а также для разработки упражнений по управлению когнитивной нагрузкой у студентов-синхронистов.

Ключевые слова: синхронный перевод, прагматический маркер, управление дискурсом, дискурсивная информация, связность дискурса, когнитивная нагрузка

Для цитирования: Порубилкин В. Е. Стратегии передачи связности дискурса в синхронном переводе с русского языка на немецкий // Филологические науки в МГИМО. 2026. 12(2). С. 69–83. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2026-2-47-69-83>

Strategies for conveying discourse coherence in simultaneous interpreting from Russian into German

Vladislav E. Porubilkin

MGIMO University,
Moscow, Russia

Abstract. This paper analyses how pragmatic markers are conveyed in simultaneous interpretation, and also identifies the main translation strategies for conveying discourse coherence and the influence of the evaluative component of an utterance on the choice of these strategies. The research makes a novel contribution by applying a pragmatic approach to the analysis of actual simultaneous interpreting practice for the first time. This enables the identification of core mechanisms for constructing and managing discourse, and reveals specific strategies for translating pragmatic (or discursive) markers that contribute to discourse cohesion. The research methodology is based on a classification of discourse-construction markers, which allows the speaker to signal the continuation of a topic (Group 1), a return to a previous topic (Group 2) as well as specify the structure of the discourse (Group 3). The study material comprises video recordings of speeches by participants of the St. Petersburg International Economic Forum and Russian Energy Week in 2018, where simultaneous interpretation was provided. The corpus of examples includes 38 pragmatic markers. The study has revealed that when conveying pragmatic markers indicating a continuation of the topic or referring back to a previous part of the discourse, the strategies chosen by the interpreter demonstrate the highest variability (literal translation, compensation, omission with preservation of meaning). Returning to a previous topic is the most cognitively demanding process, as it disrupts the linearity of the discourse and therefore must be clearly marked in the translation. The results demonstrate that the function of a pragmatic marker — to attract attention and structure the transition — is more important than its lexical content. The evaluative component is lost when conveying the pragmatic meaning of an utterance and is replaced by the closest functional equivalent in the target language. The fewest strategies are used when translating markers of discourse structure (literal translation is predominant). Conveying them is the simplest process, as in most cases they have a direct functional equivalent in the target language. The empirical data from the study can be used as stimulus material for a translation experiment, as well as for developing exercises to manage cognitive load among student interpreters specializing in simultaneous interpretation.

Keywords: simultaneous interpreting, pragmatic marker, discourse management, discursive information, discourse coherence, cognitive load

For citation: Porubilkin V. E. Strategii peredachi svyaznosti diskursa v sinkhronnom perevode s russkogo yazyka na nemetskii [Strategies for conveying discourse coherence in simultaneous interpreting from Russian into German]. *MGIMO Journal of Language Research and Teaching*, 12(2), 69–83. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2026-2-47-69-83> (In Russian).

1. Введение

Актуальность настоящего исследования продиктована несколькими ключевыми факторами. Во-первых, устный перевод как самостоятельный вид переводческой деятельности представляет собой перспективное поле для исследований, особенно в аспекте работы с дискурсивными маркерами, как средством построения дискурса. Ученые проявляют особый интерес к синхронному переводу, где у переводчика задействуются сразу несколько когнитивных процессов: активация исходного языка и языка перевода, подавление интерференции при продуцировании высказывания, реактивация ранее заблокированной информации. Исследователи отмечают, что в данный момент синхронный перевод представляет собой сложность для исследования в силу своей многосоставности, мимолетности и ограниченного доступа к испытуемым при проведении переводческих экспериментов. Несмотря на накопленный объем информации, все еще не существует общепринятой модели синхронного перевода как такового, а переводческие эксперименты проводятся на малых выборках (Конина, Черниговская, 2018). Во-вторых, данная статья является продолжением исследования способов построения дискурса и передачи средств связности (дискурсивных маркеров), использующихся для этого. В проведенном лингвистическом эксперименте (Порубилкин, 2026) нами была рассмотрена взаимосвязь между типом логико-семантической связности и частотой применения конкретной переводческой стратегии на уровне двух сегментов дискурса.

Цель данного исследования – проанализировать передачу маркеров построения дискурса в синхронном переводе с русского языка на немецкий и на основе конкретных примеров определить основные переводческие стратегии для каждой группы прагматических маркеров.

В начале 1990-х гг. выходит ряд работ, посвященных дискурсивным маркерам в речи. Исследователи определяют их как функциональный класс единиц, которые помогают говорящему соотнести высказывание с реальной ситуацией, дать ему оценку и прокомментировать его иллокутивную цель. При этом в научном сообществе нет устоявшегося мнения насчет единого термина для определения «дискурсивного маркера» (Кулешова, 2024, с. 7). Это особо показательно в монографии О. Н. Путиной, где приводится список из 33 терминов, использующихся в современной науке для определения средств связности дискурса (Путина, 2022, с. 41). О. Ф. Сереброва и Д. Шифрин рассматривают *дискурсивные маркеры* как прагматикализованные элементы и определяют их роль в организации и структурировании текста (Сереброва, 2023; Schiffrin, 1987). В работах Е. Ю. Викторовой, К. Л. Киселевой, Д. Пайара, И. М. Кобозевой, Л. М. Захаровой и Е. В. Ерофеевой *дискурсивное слово* определяется как единица, выражающая коммуникативно-прагматическую информацию, не имеющую денотата (Викторова, 2014; 2024; Дискурсивные слова, 1998; Кобозева, Захаров, 2007; Ерофеева 2023). Ряд работ посвящен изучению категории модальности в контексте построения коммуникации. Так, Виноградов В. В. определил *модальные слова* в особую лексико-семантическую группу, не имеющей предметного значения, выделив их из категории вводных слов (Виноградов, 1975). А. В. Аверина и В. М. Глушак указывают на активную роль *модальных частиц* в реализации иллокутивной функции высказывания. В зависимости от исполняемой ими функции модальные частицы в русском и немецком языках могут кодировать общее знание и способны выступать в функции миративов (Аверина, 2020), они также позволяют смягчить высказывание, избегать их категоричности и связанных с этим нежелательных рисков в коммуникации (Глушак, 2007). Прагматическая функция средств связности дискурса отмечается и зарубежными учеными. Так, К. Фишер определяет *дискурсивную частицу* как гипероним для маркеров сегментации, междометий и элементов просодии, отмечая полисемию их использования (Fischer, 2000). Исследователь оперирует понятием *прагматический маркер*, который он понимает как часть дискурса, которая не влияет на внутреннее содержание высказывания, а сигнализирует определенное намерение коммуниканта по отношению к самому высказыванию (Fraser, 1999).

Существуют также и различные подходы к определению места дискурсивных маркеров в системе языка. Так, М. Халлидей выделяет три макрофункции языка: идеационную (информативная), межличностную (экспрессивная) и текстовую (синтаксическая) (Halliday, 1973). Основываясь на работах С. В. Андреевой, где выделяются четыре типа информации: фактуальная, коммуникативная, дискурсивная и эмоционально-чувственная (Андреева, 2005). Е. Ю. Викторова заключает, что первые три типа соотносятся с представленными М. Халлидеем макрофункциями, а дискурсивные маркеры, в свою очередь, участвуют в передаче дискурсивной и коммуникативной информации (Викторова, 2014). На основании этого она выделяет два типа дискурсивных маркеров: дискурсивы-регулятивы (выполняют межличностную функцию и передают регулятивную информацию) и дискурсивы-организаторы (выполняют текстовую функцию и передают дискурсивную информацию).

Похожий подход к построению связности дискурса можно найти у О. И. Иньковой-Манзотти, согласно которой *коннектор* (термин, используемый автором) – языковая единица, функция которой состоит в выражении типа отношений – логико-семантических, иллокутивных, структурных, – существующих между двумя соединенными с ее помощью компонентами, имеющими предикативный характер, выраженными имплицитно или эксплицитно (Инькова-Манзотти, 2001, с. 17). Отнесение той или иной языковой единицы к классу коннекторов осуществляется по функциональному признаку, т. е. способности выражать логико-семантические отношения.

Еще один подход касается напрямую прагматики дискурса. К. Эйджмер, оперируя понятием «прагматический маркер», утверждает, что такие маркеры могут определять иллокутивную силу высказывания или являться сигналом нового речевого хода. Более того, автор отмечает, что прагматический маркер позволяет указывать на изменение в дискурсе (новый речевой акт или высказывание), что является важным металингвистическим параметром наряду с паузами и средствами просодии (Aijmer, 2013, с. 5). Этот же подход используется и другим исследователем Б. Фрейзером, который несколько расширил классы дискурсивных маркеров. В основе прагматического подхода Б. Фрейзера к описанию вспомогательных коммуникативных единиц в языке, представленных в серии работ по прагматике (Fraser 1990; 1996; 1999; 2009a; 2009b), лежит классификация, где он выделяет следующие группы: *базовые прагматические маркеры*, *комментирующие маркеры*, *собственно дискурсивные маркеры* (Fraser, 2009a) и *маркеры управления дискурсом* (Fraser, 1999; 2009b).

Первая группа указывает на иллокутивную силу высказывания и выражается преимущественно глаголом с определенным иллокутивным значением *I promise* (рус. обещаю – здесь и далее перевод с английского и немецкого наш – В. П.), *my complaint is* (рус. хочу пожаловаться). Маркеры второй группы позволяют говорящему дать оценку ситуации. В данную группу входят непосредственно маркеры оценки *fortunately* (рус. «к счастью»), *sadly* (рус. «к несчастью»), верификации *certainly* (рус. «определенно»), *conceivably* (рус. «предположительно»), косвенной информации *reportedly* (рус. «по сообщению»), *allegedly* (рус. «по утверждению») и др. Третья группа маркеров указывает, каким образом два сегмента дискурса связаны друг с другом (на основе противопоставления, добавления новой информации и умозаключения), в то время как четвертая группа позволяет управлять дискурсом в целом, изменяя тему высказывания. В последнюю группу входят маркеры, указывающие на возвращение к предыдущей теме *back to my point, returning to my (previous) point* (рус. «возвращаясь к (предыдущей) теме»); продолжение текущей темы *as I was saying* (рус. «как я уже говорил»), *if I might go on* (рус. «если можно, я продолжу»); отступление от текущей темы *by the way* (рус. «кстати»), *I totally forgot* (рус. «совсем забыл»); введение новой темы *but* (рус. но), *if I might change the topic* (рус. «если позволите, перейду к новой теме»), *let me broach an entirely new topic* (рус. «позвольте начать новую тему»). Данная группа дискурсивных маркеров охватывает ситуацию дискурса в целом, а не на уровне отдельных высказываний (Fraser, 1999).

Стоит отметить, что сам по себе класс прагматических маркеров неоднороден. В широком понимании к нему можно отнести отдельные слова различных частей речи, например, наречия, частицы, союзы и союзные слова, а также словосочетания и целые предложения, что усложняет

классификацию и выделение отдельных семантически-морфологических классов. Объединяет все эти единицы общая для них регулятивная и организующая роль в дискурсе (Викторова, 2014).

В данном исследовании мы полагаемся на дискурсивно-коммуникативную модель перевода (Волкова, 2023), где выделяются четыре основных уровня: уровень текста, дискурса, коммуникации и действительности. На уровне дискурса можно выделить саму цель дискурса, его узловые точки, ценности, тематику (поле), участников (направление), хронотоп и интердискурсивность (полидискурсивность). Рассматривая эту модель, стоит отметить, что для анализа прагматических маркеров управления дискурсом прежде всего важно учитывать цель дискурса (насколько важен данный сегмент для речевой ситуации), тематику (возможное изменение или продолжение текущей темы) и хронотоп (в контексте тематики: направление изменения темы).

Согласно этой модели в основе стратегии перевода лежит следующая система:

- 1) общая установка переводчика;
- 2) макростратегия перевода (уровни дискурса, коммуникации, действительности);
- 3) микростратегия перевода (уровень текста).

Исследуемые нами прагматические маркеры охватывают макростратегии перевода, характерные для исследования перевода в дискурсе и охватывающие весь дискурс.

В данном исследовании нами ставятся следующие задачи:

- 1) отобрать видеозаписи выступлений участников и выделить фрагменты, содержащие прагматические маркеры, транскрибировать оригинальные высказывания и их синхронный перевод;
- 2) распределить выявленные прагматические маркеры по трем группам в соответствии с их функцией (группа 1 – маркеры продолжения темы, группа 2 – маркеры возврата к предыдущей теме, группа 3 – маркеры структуры дискурса);
- 3) для каждого случая передачи прагматического маркера определить использованную переводчиком стратегию, сопоставить частоту и вариативность стратегий для маркеров каждой группы;
- 4) сравнить результаты по трем группам маркеров, обобщить данные о соотношении прагматической функции и лексического наполнения маркеров.

Отталкиваясь от классификации Б. Фрейзера, мы можем заключить, что выделенные им маркеры управления дискурсом подходят для осуществления задач исследования по нескольким причинам:

- 1) они являются текстообразующими элементами, т. е. передают дискурсивную информацию;
- 2) они также являются прагматическими элементами, так как сигнализируют о (потенциальной) смене темы дискурса;
- 3) в большинстве случаев этот класс представляет собой десемантизированные фразы с ярко выраженной коммуникативной целью, что позволяет исследовать стратегии перевода и поиск функциональных аналогов на уровне целого предложения.

2. Материалы и методы исследования

Для достижения цели исследования нами был проведен контент-анализ выступлений участников Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) и Российской энергетической недели (РЭН) в 2018 году. Несмотря на то, что данные форумы проводятся ежегодно, материал для исследования синхронного перевода именно в языковой паре «русский – немецкий» ограничен. Именно в 2018 году на ПМЭФ – 2018 и Российской энергетической недели в ряду крупных деловых миссий были немецкая и швейцарская делегации, для которых было организовано лингвистическое сопровождение с синхронным переводом^{1, 2}. Нами были проанализированы

¹ Итоги Петербургского международного экономического форума – 2018 https://forumspb.com/news/news/itogi-peterburgskogo-mezhdunarodnogo-ekonomicheskogo-foruma-2018/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 16.04.2026)

² Итоги РЭН – 2018 <https://rusenergyweek.com/archive/2018/outcomes-of-rew/> (дата обращения: 16.04.2026)

пленарное заседание³ (далее – ПЗ) ПМЭФ – 2018 и панельная дискуссия «Устойчивая энергетика для меняющегося мира»⁴ (далее – ПД) РЭН – 2018. Материалы конференций с синхронным переводом в формате дополнительного аудиоканала доступны на платформе «ROSCONGRESS». Всего было обработано 5 часов видео- и аудиоматериалов и проанализированы переводы трех ведущих переводчиков-синхронистов в паре «русский-немецкий». Анализ материала осуществлялся на основе двух доступных в рамках исследования аудиоканалов: на русском и немецком языках. Нами исследовалась узкая группа дискурсивных маркеров с указанием на структуру дискурса и сигналом об изменении темы. При отборе маркеров был задействован количественный метод. Примеры отбирались вручную с привлечением метода сплошной выборки на основе функции, характерной для каждой группы маркеров. Всего было отобрано 38 примеров употребления прагматических маркеров создания дискурса. Каждый рассмотренный нами пример содержит таймкод для обеспечения воспроизводимости примеров исследования.

3. Результаты исследования

3.1 Анализ прагматических маркеров продолжения темы

Результаты анализа прагматических маркеров создания дискурса можно представить в следующей таблице.

Таблица 1.

Группы прагматических маркеров и использованные стратегии для их передачи

Группа анализируемых маркеров	Общее количество примеров	Стратегия перевода	Количество примеров с выбранной стратегией
Группа 1. Маркеры продолжения темы	17 примеров	Дословный перевод	3 примера
		Компенсация с сохранением смысла	5 примеров
		Опущение с сохранением смысла	4 примера
		Пропуск	5 примеров
Группа 2. Маркеры возвращения к предыдущей теме	11 примеров	Дословный перевод	5 примеров
		Компенсация с сохранением смысла	4 примера
		Опущение с сохранением смысла	1 пример
		Пропуск	1 пример
Группа 3. Маркеры структуры дискурса	10 примеров	Дословный перевод	8 примеров
		Компенсация с сохранением смысла	0 примеров
		Опущение с сохранением смысла	0 примеров
		Пропуск	2 примера

В первой группе было выделено 17 примеров, пять из которых переводчики решили полностью опустить в переводе без сохранения смысла. Среди основных переводческих приемов можно выделить дословный перевод (3 примера), компенсацию (5 примеров) и опущение с сохранением смысла (4 примера). Оставшиеся 12 примеров представляют собой продукт перевода трех синхронистов и могут быть сгруппированы по использованным ими стратегиям **опущения с сохранением смысла, компенсации с сохранением смысла и дословного перевода**.

Стратегия опущения с сохранением смысла была применена при переводе четырех примеров. Она является самой рискованной, но в синхронном переводе зачастую необходимой для экономии времени и когнитивных ресурсов, когда смысл высказывания не должен пострадать. В примере (1) переводчик опускает всю вводную конструкцию, и *Вы хорошо знаете*, оставляя только союз *und*. В данном контексте апелляция к знаниям аудитории *Вы знаете* является риторическим

³ Петербургский международный экономический форум – 2018. Пленарное заседание https://roscongress.ru/sessions/plenarnoe-zasedanie2018/translation/?utm_referrer=https%3A%2F%2Froscongress.org%2F (дата обращения: 16.04.2026)

⁴ Российская энергетическая неделя- 2018. Устойчивая энергетика для меняющегося мира <https://roscongress.ru/sessions/rew-2018-ustoychivaya-energetika-dlya-menyayushchegosya-mira/translation/#stock> (дата обращения: 16.04.2026)

приемом, а не критически важной информацией. Союз *und* в немецком варианте выполняет минимальную функцию присоединения, что позволяет сохранить темп речи, не теряя логической связи:

(1) *В этом зале много представителей бизнеса, и Вы хорошо знаете, что выход одной из сторон контракта из правового поля [...] всегда означает риски и издержки...* – *In diesem Saal sitzen Vertreter des Business, **und** wenn eine Seite den Vertrag bricht rechtswidrig, das heißt für die Partner Risiken.* (ПЗ: 39:24)

В примере (2) модальная конструкция *и уверен*, выражающая субъективную убежденность говорящего, опущена. Оставлен только союз *und*. В немецком варианте уверенность переносится на глагол *erreichen*. Это классический пример потери оценочного компонента ради сохранения темпоральной связности речи:

(2) *... и уверен: вместе, укрепляя доверие и дух партнерства, мы обязательно добьемся успехов ...* – *...und so erreichen wir das, was für uns Erfolg heißt.* (ПЗ: 51:13)

Пример (3) аналогичен переводу выше. Сильное модальное слово *убежден* редуцируется до союза *und*. Это подтверждает вывод о том, что в синхронном переводе такие маркеры часто воспринимаются не как носители конкретной иллокутивной силы, а как хеджирующие или связующие элементы:

(3) *Убежден, только та страна может быть сильной и успешной, где...* – *Und das Land kann mächtig sein, wo man...* (ПЗ: 46:13)

В последнем примере (4), демонстрирующем применение переводчиком стратегии опущения с сохранением смысла, редуцирована конструкция анонсирования нового тезиса *отмечу, что*. Её функцию в переводе берет на себя контекст и союз *und*. В условиях жесткого лимита времени переводчик жертвует мета-комментарием ради основной фактологической информации *спрос будет расти*:

(4) *При этом отмечу, что в обозримом будущем спрос на нефть будет расти...* – *...und in absehbarer Zukunft wird die Nachfrage nach dem Erdöl wachsen...* (ПД: 12:44)

Стратегия компенсации с сохранением смысла была применена при переводе пяти примеров. Это наиболее творческая стратегия, при которой переводчик меняет форму, но передает функцию исходного высказывания, часто используя устоявшиеся клише в языке перевода. В примере (5) наблюдается интересный случай функциональной замены. Пояснение *имею в виду* заменено на призыв к действию *wir müssen*. Переводчик меняет модус высказывания с констатирующего на побудительный, но в рамках общей темы преодоления неравенства. Это выглядит адекватной компенсацией, так как сохраняет иллокутивную цель оратора – привлечь внимание к затрагиваемой проблеме:

(5) *Имею в виду преодоление неравенства возможностей...* – *Wir müssen die Ungleichheit der Möglichkeiten abbauen...* (ПЗ: 45:04)

В примере (6) вместо дословного перевода сочетания *auf die Tatsache hinweisen* синхронист использует структуру введения аргументации *folgende Tatsachen nennen* (назвать следующие факты). Это эквивалентная замена в рамках функции анонсирования нового важного блока информации:

(6) *Хочу обратить внимание на показательный факт...* – *Ich möchte folgende Tatsachen nennen...* (ПЗ: 37:15)

В примере (7) при переводе выражение высокой степени модальности *считаю важным* заменено на нейтральное *ich meine* (рус. я думаю/полагаю). Таким образом произошло снижение оценочности, но сохранена субъективная модальность. Слово *важным* не было передано, так как оно подразумевается контекстом разговора о развитии:

(7) *Считаю важным продолжение линии качественного обновления...* – *Und ich meine, das ist die qualitative Besserung des Personals.* (ПЗ: 50:01)

При переводе высказывания (8) множественное число сказуемого *убеждены* заменено на единственное число *ich bin sicher*. Это – грамматическая компенсация, делающая высказывание более естественным для немецкой устной речи, где модальность часто персонализируется:

(8) **Убеждены, обеспечить прогресс мировой энергетики [...] ... может только глобальное партнерство.** – *Ich bin mir **sicher**, dass die Zukunft der Energiewirtschaft [...] ...nur die internationale Partnerschaft gewährleisten kann.* (ПД: 11:56)

В примере (9) наблюдается замена клише. Вместо призыва обратить внимание переводчик использует глагол *unterstreichen* (рус. подчеркнуть). При этом сохраняется функция маркирования важного последующего тезиса:

(9) **Я хочу обратить Ваше внимание на то, что...** – *Und ich möchte noch **Folgendes unterstreichen...*** (ПД: 21:00)

Стратегия дословного перевода была применена при переводе трех примеров. Дословный перевод применяется преимущественно тогда, когда структура в русском языке имеет прямой и устоявшийся аналог в немецком языке, либо когда оратор использует глаголы усиления воздействия, которые сложно опустить без потери смысла. Так, в примере (10) в переводном высказывании используется практически полный эквивалент вводного слова. Добавление *nochmal* (еще раз) представляет собой характерное для немецкого устного дискурса усиление, которое органично дополняет речь, не искажая смысл:

(10) **И подчеркну: на основе рыночного, прозрачного механизма...** – *Und ich kann **nochmal betonen** aufgrund der transparenten Mechanismen...* (ПЗ: 49:45)

В переводном высказывании примера (11) переводчик также использует полное соответствие связующего элемента. Апелляция к общему знанию как *Вы знаете* является интернациональным риторическим приемом, имеющим точные аналоги в обоих языках. Переводчику легко его сохранить, так как он не требует синтаксической перестройки:

(11) **Как Вы знаете, немецкие партнеры начали уже строительство в море.** – ***Sie wissen**, dass die deutschen Partner bereits angefangen haben, die Offshore-Konstruktionen aufzubauen.* (ПД: 49:05)

В примере (12) перевод вводного слова выполняется дословно с небольшим добавлением (*noch einmal*). Глагол *bestätigen* является прямым соответствием глагола *подтвердить* в русском языке. В данном случае отказ от опущения может быть продиктован тем, что это ссылка на предыдущего спикера и игнорирование этого факта могло бы нарушить этику или точность полилога:

(12) **Хочу подтвердить, о чем здесь коллеги говорили...** – *Und ich möchte noch **einmal bestätigen** das, was die Kollegen hier erwähnt haben...* (ПД: 01:14:27)

Стратегия опущения применяется к вводным конструкциям, несущим субъективную оценку *убежден, уверен, отмечу* и направлена на экономию усилий синхрониста. Переводчик маркирует их как избыточные для фактологической канвы сообщения, оставляя лишь союзную связь. Дословный перевод применяется там, где срабатывает интерференция или наличие устойчивых соответствий типа как *Вы знаете* – *sie wissen*. Компенсация включается тогда, когда автоматизм невозможен, и переводчик ищет решение в структуре немецкого языка, как в случае с заменой *имею в виду* на *wir müssen*. Оценочный компонент *убежден, считаю важным* при переводе либо исчезает, либо нивелируется до нейтрального *ich meine*. Главной задачей переводчика становится не передача эмоции говорящего, а обеспечение связности и поступательного развития дискурса или продвижения темы.

3.2 Анализ прагматических маркеров возвращения к предыдущей теме

Схожие тенденции можно обнаружить и при передаче маркеров, сигнализирующих о возвращении к предыдущей теме. Всего было зафиксировано 11 маркеров данной группы, один из которых был полностью опущен в переводе. Такие маркеры представляет особый интерес, поскольку они нарушают линейное поступательное движение дискурса (регресс), требуя от переводчика не просто ретрансляции новой информации, а отсылки к уже сказанному. Стратегии переводчиков распределились следующим образом: дословный перевод (5 примеров), компенсация (4 примера), опущение с сохранением смысла (1 пример).

Стратегия дословного перевода используется чаще, чем в рассмотренной выше группе маркеров продвижения темы дискурса. Это может быть связано с тем, что возвращение к теме требует большей определенности и четких маркеров, чтобы слушатель понял отсылку. Так, в примере (13)

перевод представляет собой практически полный структурный и семантический эквивалент. Глагол *zurückgreifen* (рус. «возвращаться, обращаться») является прямым аналогом русского глагола *вернуться*. Добавленная частица *doch* выступает прагматическим усилителем – она сигнализирует о намерении говорящего настоять на своем, несмотря на возможное желание аудитории двигаться дальше. Это редкий случай сохранения усилительного компонента в переводном варианте:

(13) *Я бы хотел вернуться к предыдущему вопросу. – Aber ich möchte doch auf die vorherige Frage zurückgreifen.* (ПД: 01:14:12)

Пример (14) демонстрирует дословный перевод с высокой степенью точности:

(14) *Я говорил и могу еще раз напомнить... – Ich habe das bereits erwähnt und ich kann daran wieder erinnern.* (ПД: 01:41:00)

Частично дословный перевод в комбинации с компрессией представлен в примере (15), в котором опущено слово *окончание*, но сохранена лексическая структура возврата *давайте вернемся* (*zurück zu*). Слово *Frage* (рус. вопрос) в переводе добавлено из контекста, так как это была сессия вопросов и ответов. Таким образом, функция возврата полностью выполнена:

(15) *Давайте все-таки вернемся к окончанию. Еще раз, повторите, пожалуйста, Ваш вопрос... – Ja, aber zurück zu Ihrer Frage. Können Sie das bitte wiederholen?* (ПД: 01:45:52)

В примере (16) совершается дословный перевод ключевой части *хочу еще раз повторить*. Первая часть предложения *В этом смысле я уже много раз говорил* опущена как избыточная, поскольку функция повтора уже имплицитно содержит указание на то, что об этом уже сообщалось ранее:

(16) *В этом смысле я уже много раз говорил, хочу еще раз повторить здесь... – Und ich möchte noch einmal wiederholen...* (ПД: 37:30)

В смысловом выражении высказывание (17) переведено дословно на фоне замены модальной конструкции *хочу повторить* на индикатив *ich wiederhole* (рус. повторяю). В немецком языке использование индикатива в данном контексте звучит более категорично и авторитетно, чем модальный оборот, что полностью соответствует интенции оратора:

(17) *Я уже говорил. Я еще раз хочу повторить... – Ich wiederhole es ein weiteres Mal...* (ПД: 31:10)

В данном примере акцентуация намерения *хочу повторить* заменяется переводчиком на передачу смысла *еще раз*, что видно при сравнении двух рамочных конструкций. Сравните: *ich möchte es noch einmal wiederholen* и *ich wiederhole es ein weiteres Mal*. Усиление достигается путем перестановки двух объектов высказывания в рамочной конструкции, а не добавлением новых языковых единиц.

Как и в первой группе рассмотренных нами прагматических маркеров, при анализе второй группы мы наблюдаем тенденцию на изменение субъектности и снижение оценочного компонента высказывания при передаче модальности, где переводчик использует стратегию компенсации.

При переводе высказываний с использованием стратегии компенсации с сохранением смысла синхронисты активно используют наречия повтора, такие как *mehrfach* (рус. «много раз»), *noch einmal* (рус. «еще раз») и др., и меняют грамматическую структуру, чтобы естественно вписать отсылку к прошлому в контекст. В примере (18) произведена замена личной конструкции *считаю необходимым* на безличную или коллективную *wir müssen* (рус. «нам нужно»). Ключевой маркер возврата *еще раз* сохранен посредством лексического сочетания *noch einmal betonen*. Таким образом произошла потеря субъективной оценки *считаю необходимым*, но сохранена прагматика настоящего повтора:

(18) *Поэтому считаю необходимым об этом сказать еще раз, это принципиально важно для становления сильного гражданского общества... – Und ich meine, wir müssen es noch einmal betonen, für die Entwicklung der Bürgergesellschaft...* (ПЗ: 48:24)

Удачный пример компенсации переводчик демонстрирует в примере (19). Во-первых, он меняет единственное число в оригинальном *говорил* на множественное *wir haben erwähnt* (рус. мы упомянули), что является более типичным для немецкой официальной речи. Во-вторых, синхронист добавляет наречие *mehrfach* (рус. много раз), которого нет в оригинале. Это усиливает функцию маркера: не просто «говорить», а «неоднократно упоминать», что делает возврат к теме более обоснованным:

(19) *Уже говорил сегодня о взаимозависимости современного мира... – Wir haben diese Interdependenz heute mehrfach erwähnt.* (ПЗ: 53:20)

При переводе примера (20) переводчик-синхронист производит замену клише на русском *еще раз повторяю*, которая представляет собой прямую апелляцию к действию повторения, на немецкое *wie gesagt hier* (рус. как было здесь сказано). Немецкий вариант представляет собой функциональный аналог, который, однако, следует рассматривать в данной позиции в устной речи более органичным из-за тенденции к использованию пассивного залога в речи:

(20) *Речь шла, еще раз повторяю, о балансировке рынка, и мы добились этого результата ... – Es ging, wie gesagt hier, um das Gleichgewicht auf dem Markt und wir haben das erreicht...* (ПД: 20:50)

Интересный случай грамматической компенсации демонстрирует пример (21). В нем русское наречие времени *только что*, предназначенное для выражения акцента на действии в недавнем прошлом, передано переводчиком с помощью комбинации времен в немецком: *haben gesprochen* (перфект, завершенное действие) и *sprechen* (презенс, продолжающееся действие). Это создает эффект непрерывности темы, плавно соединяя прошлое («только что говорили») с настоящим («продолжаем обсуждать»):

(21) *Сейчас только что говорили о геополитических факторах... – Wir haben gesprochen und sprechen über die geopolitischen Faktoren...* (ПД: 31:33)

В примере (22), в котором переводчик применяет стратегию опущения, наблюдается отсутствие части высказывания *в этом смысле я уже много раз говорил*. Возможно, это решение обусловлено действием принципа экономии. Информация о том, что это «повтор», уже заложена в сохранившейся части фразы *хочу еще раз повторить*. Упоминание многократности выполнения действия *много раз говорил* приносится в жертву ради темпа речи, так как не является критическим для понимания основной мысли говорящего:

(22) *В этом смысле я уже много раз говорил, хочу еще раз повторить здесь... – Und ich möchte noch einmal wiederholen...* (ПД: 37:30)

При этом дискурсивная информация отображается в переводе при дословной передаче второй конструкции со схожей функцией. Таким образом, переводчик передал сразу два типа информации: дискурсивную и фактологическую, что подтверждает успешность выбранной стратегии.

Широкий арсенал инструментов перевода при передаче сигнала об изменении темы позволяет сделать вывод о том, что стратегия компенсации используется переводчиками для экономии когнитивных усилий и времени на обработку исходного текста и непосредственно продуцирование высказывания. Из примеров мы видим, что при передаче дискурсивной информации переводчик может сузить или расширить субъект высказывания, изменить временную форму или залог. Стратегия опущения является более редкой ввиду специфики дискурсивного значения прагматических маркеров: если при продвижении темы можно отказаться от мета-комментариев ради основной фактологической информации, то при возвращении к теме переводчику необходимо дать четкий сигнал, чтобы не разрушить последовательность сегментов дискурса. Задача переводчика здесь – обеспечить сигнал о возвращении к предыдущей теме.

Исходя из полученных данных можно заметить, что низкая вариативность стратегий во второй группе прагматических маркеров может указывать на перераспределение внимания переводчиками в сторону поиска точного функционального аналога для передачи дискурсивного сообщения высказывания. Стоит также отметить, что владение такими знаниями входит в основные компетенции переводчика-синхрониста. Как отмечают ученые, специалист в области синхронного перевода должен обладать большим запасом «эквивалентных пар лексических единиц, которые связаны между собой знаковой связью, которые позволяют переводить не через анализ и синтез (то есть мышление), а через условные рефлексy, точнее на уровне «стимул-реакция» (Ракова, 2024; Филатова, 2017). Это напрямую касается передачи функциональных (прагматических) элементов в переводе.

Тенденцию к стратегии дословного перевода можно объяснить тем, что нарратив воспринимается участником коммуникации как линейная последовательность. Для отступления от линейного движения дискурса участникам коммуникации требуются дополнительные когнитивные

усилия, что не позволяет экономить ресурсы при переводе, например, каждый раз применяя стратегию опущения при переводе. Помимо наречия *nochmal* (рус. «еще раз») были зафиксированы единичные использования наречия *mehrfach* (рус. много раз) и усилительные частицы *doch*, *aber* (ближайший аналог в рус.: «же»), элемент хеджирования *ja*. Как и в предыдущих примерах мы фиксируем отсутствие привязки к непосредственно семантическому значению данных языковых единиц. В тексте перевода они служат дополнительным элементом связности при передаче дискурсивной информации.

3.3 Анализ прагматических маркеров структуры дискурса

Последней исследованной нами группой прагматических маркеров стали маркеры передачи структуры дискурса. Отметим, что рассматриваемая группа маркеров принципиально отличается от двух предыдущих тем, что представленные здесь единицы, например, *во-первых*, *во-вторых*, *в заключение*, лишены оценочного компонента и выполняют исключительно текстообразующую (дискурсивную) функцию. На основе этого нами было предположено, что передача таких маркеров будет выражаться непосредственно прямым аналогом в языке перевода. Всего в нашем корпусе было зафиксировано 10 маркеров передачи структуры дискурса, 8 из которых были переведены дословно. Два маркера были полностью опущены в переводе. Во всех случаях используется прямой словарный аналог немецких числительных-наречий: *Во-первых, ... – Erstens, ...; Первое, ... – Erstens, ...; Второе, ... – Zweitens, ...; Третье, ... – Drittens, ...; Четвертое, ... – Und viertens, ...; К первой части [вопроса]... – Zu Ihrer ersten Frage...; И в заключении... – Abschließend ...*

Интерес представляет пример (23), где переводчик намеренно расширяет структуру предложения в переводе.

(23) *Это – во-первых, во-вторых, я уже говорил и могу еще раз напомнить, [...] у нас с Со-единенными Штатами, как видите, много проблем... – Das wäre das Erste, und das Zweite, ich habe das bereits erwähnt und ich kann Sie daran wieder erinnern [...] wir haben viele Probleme in den Verhältnissen mit den Vereinigten Staaten...* (ПД: 01:41:00)

Перевод конструкции с русского языка оказался длиннее в тексте перевода, что можно трактовать как попытку использования переводчиком уже отработанной речевой формулы во время ожидания «подсказки» от оратора. Подобный подход к переводу фразы можно охарактеризовать как «столлинг», то есть попытку выиграть время путем замедления подачи переводного материала или повторением тематической информации с целью заполнения слишком затянувшейся паузы (Волкова, 2022; Илюхин 2002). Данный прием относится уже не к тематике дискурса, а к его хронотопу, то есть связан с фактором времени.

В отличие от маркеров продвижения темы, отличающихся высокой степенью вариативности стратегий перевода и маркеров возврата к предыдущей теме, у которых преобладал дословный перевод с компенсацией, в случае с маркерами структурирования дискурса мы видим практически стопроцентное применение дословного перевода.

Также отметим, что в немецком языке существует стройная и непротиворечивая система маркирования структурных элементов дискурса с помощью наречий порядка *erstens*, *zweitens*, *drittens*; *abschließend*; *zusammenfassend* и т.п. Это избавляет переводчика от необходимости поиска большого количества функциональных аналогов, поскольку они уже есть и являются полными эквивалентами.

Прагматические маркеры управления дискурсом представляют собой относительно редкую группу дискурсивных маркеров, что связано с несколькими ключевыми факторами:

- 1) они сигнализируют о наличии конкретной структуры, например, перечисление в аргументации, указание на начало и конец речевой ситуации;
- 2) связывают не два рядом стоящих сегмента дискурса, а последовательность сегментов между собой, например, указывают на отклонение от темы, возвращение к предыдущей теме, продвижение основной темы.

Это позволяет сделать два вывода:

- 1) ввиду узких функций, выполняемыми такими дискурсивными маркерами, их языковой арсенал ограничен: в основном такие маркеры представлены речевыми формулами-клише для выражения той или иной функции;
- 2) конкретизация этих функций приводит к тому, что такие формулы являются десемантизированными языковыми единицами и могут быть заменены ближайшим функциональным аналогом в другом языке.

4. Заключение

Проведенное исследование было направлено на изучение стратегий устного перевода при передаче средств создания дискурса (прагматических маркеров управления дискурсом). В рамках работы решались задачи по систематизации переводческих стратегий и изучению особенностей перевода при различных состояниях тематики дискурса (обозначение его структуры, продвижение темы и возвращение к предыдущей теме).

Проведенный нами комплексный сопоставительный анализ стратегий перевода позволил сделать следующие выводы:

1. При передаче переводчиками-синхронистами стратегии маркеров продвижения темы дискурса (группа 1) наблюдается приоритет функции над формой. В 9 случаях из 12 переводчик отказывается от дословной передачи и использует стратегии опущения с сохранением смысла и компенсации с сохранением смысла. Это может свидетельствовать о том, что в синхронном переводе прагматическая функция маркера – привлечь внимание, структурировать переход – важнее его лексического наполнения.

2. При передаче маркеров, сигнализирующих о возвращении к прошлой теме (группа 2), переводчики применяют меньше стратегий опущений (1 против 5 в группе 1) и больше дословных переводов (5 против 3 в группе 1). Из этого мы можем сделать предварительный вывод, что возврат к теме – когнитивно более сложная операция для слушателя. Если переводчик опустит маркер возврата, слушатель может потерять нить повествования. Поэтому переводчики стараются маркировать регресс максимально четко. Помимо этого, в этой группе маркеров может меняться грамматическое лицо, например, я передается как мы – 3 случая; могут сохраняться (3 случая) или добавляться (1 случай) видовременные формы (сочетание времени Perfekt и Präsens), чтобы сгладить переход и сделать его более естественным для немецкого слушателя.

3. При передаче прагматических маркеров, указывающих на продвижение темы (группа 1) и на возвращение к предыдущей теме (группа 2), переводчики продемонстрировали наибольшую вариативность стратегий: дословный перевод (8 из 27), компенсация (9 из 27) или опущение части фрагмента (5 из 27) с сохранением смысла. Такая вариативность может быть обусловлена передачей преимущественно регулятивной информации. Характерным для двух групп маркеров является то, что при переводе теряется часть оценочного компонента высказывания, например, убеждены больше не сигнализирует о конкретном иллокутивном намерении говорящего, а является динамическим компонентом. Подобная тенденция может говорить о том, что одна и та же языковая функция может передаваться различными аналогами языка перевода без привязки к конкретному семантическому значению.

4. При передаче прагматических маркеров, обозначающих структуру дискурса, переводчики применили только стратегию дословного перевода. Такая стратегия может быть обусловлена существованием конкретного функционального аналога в языке перевода и отсутствием оценочного компонента высказывания, так как функция прагматического маркера сводится только к выделению конкретного фрагмента или же ситуации дискурса в целом. Мы полагаем, что эта группа маркеров вызывает у синхронистов наименьшие когнитивные затруднения. Перевод происходит автоматически, на уровне устоявшихся межъязыковых соответствий, что позволяет экономить когнитивные ресурсы для более сложных участков текста, в которых есть оценка или нарушение линейности дискурса.

Имеющаяся выборка (38 примеров) позволяет сделать лишь предварительные выводы о способах передачи дискурсивной информации в синхронном переводе. Перспективы дальнейших исследований, открываемые данной работой, охватывают несколько направлений. Во-первых, собранные в рамках данного исследования эмпирические материалы могут послужить основой для создания стимульного материала для переводческого эксперимента, цель которого будет заключаться в успешности переводческих стратегий при передаче средств создания дискурса. Во-вторых, перспективным выглядит разработка методических рекомендаций по управлению когнитивной нагрузкой при работе с дискурсивными маркерами создания дискурса, например, упражнения на переключение стратегий, развитие оперативной памяти, создание симуляционных сценариев с условиями, близкими к реальным.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает, что оценочный компонент при передаче связности дискурса имеет вторичный характер и очень часто замещается ближайшим функциональным аналогом в языке перевода. Высокая частотность стратегии компенсации демонстрирует, что при передаче связности дискурса переводчик отталкивается не от семантического значения языковой единицы, а от его функции в конкретном фрагменте дискурса.

© В. Е. Порубилкин, 2026

Список литературы

- Аверина А. В. Модальные частицы в структуре предложения (на материале немецкого и русского языков) // Вопросы современной лингвистики. 2020. № 2. С. 59-67. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-2-59-67
- Андреева С. В. Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи: монография. Саратов: Изд-во Саратовского университета. 2005. 192 с.
- Викторова Е. Ю. Дискурсивные слова: единство в многообразии // Известия Саратовского университета. Серия «Филология. Журналистика». 2014. Т. 14. Выпуск 1. С. 10-15. DOI: 10.18500/1817-7115-2014-14-1-10-15
- Викторова Е. Ю. Хеджинг-стратегия в оценочном научном дискурсе: междисциплинарное исследование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2024. №1. С. 5-17. DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.1.1
- Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике: избранные труды. Москва, 1975. С. 53-87.
- Волкова Т. А. Дискурсивное моделирование перевода: зачем переводчику дискурс // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 3 (66). С. 75-84. DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.009
- Волкова Т. А. Стратегии устного перевода: обзор и переосмысление подходов // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2022. №2 (45). С. 52-61.
- Глушак В. М. Эпистемическая функция частиц в организации речевого поведения // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки», 2009. № 3. С. 32-37.
- Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой, Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998. 446 с.
- Ерофеева Е. В. Значение и функции прагматических маркеров в русской устной речи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература, 2023. № 20 (1). С. 170–182. DOI: 10.21638/spbu09.2023.110
- Илюхин В. М. Стратегии в синхронном переводе: на материале англо-русской и русско-английской комбинаций перевода: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2002. 24 с.
- Инькова-Манзотти О. Ю. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках: сопоставительное исследование: дисс. ... док. филол. наук. Москва, 2001. 453 с.
- Кобозева И. М., Захаров Л. М. Означающее дискурсивных слов русского языка как объект когнитивно ориентированного описания: проблема метаязыка // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. Москва: МГУ, 2007. 466 с.
- Конина А. А., Черниговская Т. В. Синхронный перевод как экстремальный вид когнитивных процессов (обзор экспериментальных исследований) // Вопросы психолингвистики. 2018. №4(38). С. 178-203. DOI: 10.30982/2077-5911-2018-4-178-203
- Кулешова А. В. Проблема параметризации дискурсивных маркеров в трудах зарубежных лингвистов (на примере французского языка) // Вопросы современной лингвистики. 2024. №3. С. 6-15. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-3-6-15
- Порубилкин В. Е. Стратегии передачи связности высказывания в устно-зрительном переводе с немецкого языка на русский // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2026. Том 19. Выпуск 2. С. 669-678. DOI: 10.30853/phil20260088
- Путина О. Н. Дискурсивные маркеры в диалогическом единстве вопрос-ответ: коммуникативно-прагматический подход: монография. Пермь, 2022. 184 с.

- Ракова К. В. Синхронный перевод лексических средств выразительности в современном общественно-политическом дискурсе // *Филологические науки в МГИМО*. 2025. 11(4). С. 126-140. DOI: 10.24833/2410-2423-2025-4-45-126-140
- Сереброва О. Ф. Немецкие дискурсивные маркеры в текстах различных функциональных стилей // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023. Том 16. Выпуск 7. С. 2166-2172. DOI: 10.30853/phil20230355
- Филатова В. В. Проблема внедрения синхронного перевода в переводческую деятельность // *Вестник магистратуры*. 2017. №12-4 (75). С. 34–37.
- Aijmer K. *Understanding Pragmatic Markers: A Variational Pragmatic Approach*. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2013. 186 pp.
- Blakemore D. *Relevance and Linguistic Meaning: The Semantics and Pragmatics of Discourse Markers*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 189 pp.
- Fischer K. *From cognitive semantics to lexical pragmatics: The functional polysemy of discourse particles*. Berlin – N. Y.: Walter de Gruyter. 2000. 383 pp.
- Fraser B. An Account of Discourse Markers // *International Review of Pragmatics*. 2009a. № 1. PP. 292-320. DOI: 10.1163/187731009X12505863431603
- Fraser B. An approach to discourse markers // *Journal of Pragmatics*. 1990. Vol. 14. № 3. PP. 383-398. DOI: 10.1016/0378-2166(90)90096-V
- Fraser B. Pragmatic markers // *Pragmatics*. 1996. Vol. 6. Iss. 2. PP. 167-190. DOI: 10.1075/prag.6.2.03fra
- Fraser B. Topic Orientation Markers // *Journal of Pragmatics*. 2009b. № 41. PP. 892-898. DOI: 10.1016/j.pragma.2008.08.006
- Fraser B. What are discourse markers? // *Journal of Pragmatics*. 1999. № 31. PP. 931-952. DOI: 10.1016/S0378-2166(98)00101-5
- Halliday M. *Explorations in the Functions of Language*. L.: Edward Arnold. 1973. 140 pp.
- Schiffrin D. *Discourse Markers*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 376 pp.

References

- Aijmer, K. (2013). *Understanding pragmatic markers: A variational pragmatic approach*. Edinburgh University Press.
- Andreeva, S. V. (2005). *Konstruktivno-sintaksicheskie edinit'sy ustnoi russkoi rechi: monografiya* [Constructive-syntactic units of Russian oral speech]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. (In Russian)
- Averina, A. V. (2020). Modal'nye chastitsy v strukture predlozheniya (na materiale nemetskogo i russkogo yazykov) [Modal particles in sentence structure (based on German and Russian languages)]. *Voprosy sovremennoi lingvistiki*, (2), 59–67. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2020-2-59-67> (In Russian)
- Blakemore, D. (2004). *Relevance and linguistic meaning: The semantics and pragmatics of discourse markers*. Cambridge University Press.
- Erofeeva, E. V. (2023). Znachenie i funktsii pragmaticheskikh markerov v russkoi ustnoi rechi [The meaning and functions of pragmatic markers in Russian oral speech]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*, 20(1), 170–182. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.110> (In Russian)
- Filatova, V. V. (2017). Problema vnedreniya sinkhronnogo perevoda v perevodcheskuyu deyatel'nost' [The problem of implementing simultaneous interpreting in translation activity]. *Vestnik magistratury*, 12-4(75), 34–37. (In Russian)
- Fischer, K. (2000). *From cognitive semantics to lexical pragmatics: The functional polysemy of discourse particles*. Walter de Gruyter.
- Fraser, B. (1990). An approach to discourse markers. *Journal of Pragmatics*, 14(3), 383–398. <https://doi.org/10.1016/0378-2166%2890%2990096-V>
- Fraser, B. (1996). Pragmatic markers. *Pragmatics*, 6(2), 167–190. <https://doi.org/10.1075/prag.6.2.03fra>
- Fraser, B. (1999). What are discourse markers? *Journal of Pragmatics*, 31, 931–952. <https://doi.org/10.1016/S0378-2166%2898%2900101-5>
- Fraser, B. (2009a). An account of discourse markers. *International Review of Pragmatics*, 1, 292–320. <https://doi.org/10.1163/187731009X12505863431603>
- Fraser, B. (2009b). Topic orientation markers. *Journal of Pragmatics*, 41, 892–898. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2008.08.006>
- Glushak, V. M. (2009). Epistemicheskaya funktsiya chastits v organizatsii rechevogo povedeniya [Epistemic function of particles in the speech behavior realization]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, (3), 32–37. (In Russian)
- Halliday, M. (1973). *Explorations in the functions of language*. Edward Arnold.
- Ilyukhin, V. M. (2002). *Strategii v sinkhronnom perevode: na materiale anglo-russkoi i russko-angliiskoi kombinatsii perevoda* [Strategies in Simultaneous Translation (Based on English-Russian and Russian-English Combinations of Translation)] (Extended abstract of PhD dissertation). Moscow. (In Russian)
- Inkova-Manzotti, O. Yu. (2001). *Konnektory protivopostavleniya vo frantsuzskom i russkom yazykakh: sopostavitel'noe issledovanie* [Opposition connectors in French and Russian (contrastive study)]. (Doctoral dissertation). Moscow. (In Russian)
- Kobozeva, I. M., & Zakharov, L. M. (2007). Oznachayushchee diskursivnykh slov russkogo yazyka kak ob'ekt kognitivno orientirovannogo opisaniya: problema metayazyka [The signifier of Russian discourse words as an object of cognitively oriented description: The problem of metalanguage]. In *Russkii yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'*. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet. (In Russian)
- Konina, A. A., & Chernigovskaya, T. V. (2018). Sinkhronnyi perevod kak ekstremal'nyi vid kognitivnykh protsessov (obzor eksperimental'nykh issledovaniy) [Simultaneous Interpreting as an Extreme Cognitive Activity (Experimental Studies. Review)]. *Voprosy psikholingvistiki*, 4(38), 178–203. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2018-4-178-203> (In Russian)

- Kuleshova, A. V. (2024). Problema parametrizatsii diskursivnykh markerov v trudakh zarubezhnykh lingvistov (na primere frantsuzskogo yazyka) [The problem of parametrization of discursive markers in the works of foreign linguists (using the example of the French language)]. *Voprosy sovremennoi lingvistiki*, (3), 6–15. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-3-6-15> (In Russian)
- Porubilkin, V. E. (2026). Strategii peredachi svyaznosti vyskazyvaniya v ustno-zritel'nom perevode s nemetskogo yazyka na russkii [Strategies for conveying coherence in sight translation from German into Russian]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 19(2), 669–678. <https://doi.org/10.30853/phil20260088> (In Russian)
- Putina, O. N. (2022). *Diskursivnye markery v dialogicheskom edinstve vopros-otvet: kommunikativno-pragmaticheskii podkhod* [Discourse markers in question-answer dialogue unity: A communicative-pragmatic approach]. Perm. (In Russian)
- Rakova, K. V. (2025). Sinkhronnyi perevod leksicheskikh sredstv vyrazitel'nosti v sovremennom obshchestvenno-politicheskom diskurse [Simultaneous Interpretation of Lexical Expressive Means in Modern Social and Political Discourse]. *Filologicheskie nauki v MGIMO*, 11(4), 126–140. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-4-45-126-140> (In Russian)
- Schiffrin, D. (1987). *Discourse markers*. Cambridge University Press.
- Serebrova, O. F. (2023). Nemetskie diskursivnye markery v tekstakh razlichnykh funktsional'nykh stilei [German discourse markers in texts of various functional styles]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 16(7), 2166–2172. <https://doi.org/10.30853/phil20230355> (In Russian)
- Viktorova, E. Yu. (2014). Diskursivnye slova: edinstvo v mnogoobrazii [Discursive words: uniformity in Diversity]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*, 14(1), 10–15. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2014-14-1-10-15> (In Russian)
- Viktorova, E. Yu. (2024). Khedzhing-strategiya v otsenochnom nauchnom diskurse: mezhdistsiplinarnoe issledovanie [Transdisciplinary Study of Hedging Strategy in Evaluative Academic Discourse] *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*, (1), 5–17. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.1> (In Russian)
- Vinogradov, V. V. (1975). O kategorii modal'nosti i modal'nykh slovakh v russkom yazyke [The category of modality and modal words in Russian]. In *Issledovaniya po russkoi grammatike: izbrannye trudy* (pp. 53–87). Moscow. (In Russian)
- Volkova, T. A. (2022). Strategii ustnogo perevoda: obzor i pereosmyslenie podkhodov [Strategies of interpreting: Review on approaches]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, (2), 52–61. (In Russian)
- Volkova, T. A. (2023). Diskursivnoe modelirovanie perevoda: zchem perevodchiku diskurs [Discourse-based translation modeling: why translators need discourse]. *Inostrannyye yazyki v vysshei shkole*, 3(66), 75–84. <https://doi.org/10.37724/RSU.2023.66.3.009> (In Russian)

Сведения об авторе:

Порубилкин Владислав Евгеньевич – аспирант кафедры немецкого языка, преподаватель кафедры английского языка №3 МГИМО МИД России. Сфера научных и профессиональных интересов: устный перевод, синхронный перевод, дискурс-анализ. E-mail: sobolelan@gmail.com
ORCID ID: 0009-0002-4394-9972

About the author:

Vladislav E. Porubilkin is a PhD student in the Department of German Language, Lecturer in the Department of the English Language №3 at MGIMO University (Moscow, Russia). Research and professional interest: translation studies, simultaneous interpreting and discourse analysis. E-mail: sobolelan@gmail.com
ORCID ID: 0009-0002-4394-9972

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare that they have no conflict of interest.

* * *

Лингвокультурная адаптация аббревиатур, псевдоинтернациональных слов и политических метафор англоязычного кинодискурса в русском переводе

Т. А. Фомина,
Е. С. Жданович,
И. Г. Игнатьева,
А. Б. Корницкая

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена особенностям передачи сложных элементов общественно-политической лексики (ОПЛ) при переводе англоязычных кинотекстов на русский язык. Материалом исследования послужили два современных англоязычных политических сериала и их переводные версии на русском языке. С помощью семантического и сравнительно-сопоставительного анализа оригинала и его перевода, контекстуального анализа фрагментов кинодискурса предпринята попытка сделать выводы о соотношении стратегий доместикации и форенизации при переводе ОПЛ. Утверждается, что выбор переводчиком той или иной стратегии обусловлен стремлением достичь в результате перевода коммуникативного эффекта, схожего с прагматическим воздействием, возникающим при просмотре оригинальной версии. Помимо анализа стратегий доместикации, форенизации, а также стратегии «золотой середины» при переводе ОПЛ, приводятся авторские варианты перевода, основанные на сочетании различных адаптационных стратегий и нацеленные на реализацию определенного прагматического эффекта. Кроме того, выявляются и систематизируются подходы к лингвокультурной адаптации переводимых лексических единиц, предлагаются соответствия этих лексических единиц в русском языке, а также выделяется ряд компенсаторных приемов, выбор которых обусловлен особенностями целевой аудитории. Обосновывается необходимость адекватной лингвокультурной адаптации исходного кинотекста, что обеспечивает точность восприятия смыслов фильма целевой аудиторией и сохранение прагматического потенциала оригинала. Результаты исследования показывают, что, ввиду специфических особенностей кинодискурса (временные ограничения звучания реплик и др.), при переводе аббревиатур, политических метафор и псевдоинтернациональной лексики преобладающей стратегией является доместикация. Также отмечается, что при переводе общественно-политической лексики в кинодискурсе часто используются контекстуальные подсказки, визуальный компонент, а также учитываются фоновые знания зрителя. Несмотря на то, что материал исследования ограничен двумя сериалами, предпринята попытка определить универсальные и присущие исключительно кинотексту критерии переводческой адекватности, а также выявить типовые проблемы перевода ОПЛ и предложить наиболее эффективные приемы адаптации ОПЛ при переводе кинотекста.

Ключевые слова: общественно-политическая лексика (ОПЛ), кинодискурс, доместикация, фореинизация, политическая метафора, аббревиатура, псевдоинтернациональные слова

Для цитирования: Фомина Т. А., Жданович Е. С., Игнатьева И. Г., Корницкая А. Б. Лингвокультурная адаптация аббревиатур, псевдоинтернациональных слов и политических метафор англоязычного кинодискурса в русском переводе // Филологические науки в МГИМО. 2026. 12(2). С. 84–99. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2026-2-47-84-99>

Research article

Linguocultural Adaptation of Abbreviations, Pseudo-Internationalisms and Political Metaphors in English-to-Russian Film Discourse Translation

Tatiana A. Fomina
Elena S. Zhdanovich
Irina G. Ignatieva
Anna B. Kornitskaya

MGIMO University,
Moscow, Russia

Abstract. The article explores the linguocultural adaptation of socio-political vocabulary in cinematic discourse, focusing specifically on the translation of abbreviations, pseudo-international words, and political metaphors from English into Russian. The study analyzes the television series “House of Cards” (2013) and “The Diplomat” (2023), examining both the original English versions and their Russian translations. Through semantic and comparative analysis of the original film texts alongside their translations, as well as contextual analysis of selected cinematic discourse fragments, the article seeks to draw conclusions about the balance between domestication and foreignization strategies in the translation of socio-political vocabulary. It is important to note that the translator’s choice of strategy is often influenced by the aim to achieve a communicative effect in the translation that mirrors the pragmatic impact felt by viewers of the original version. In addition to examining domestication and foreignization strategies as well as a «golden mean» strategy in translating socio-political vocabulary, the article presents original translation variants that combine various adaptation strategies to achieve a specific pragmatic effect. Furthermore, it identifies and systematizes approaches to the linguocultural adaptation of translated lexical units, proposing corresponding equivalents in the Russian language and highlighting several compensatory techniques tailored to the characteristics of the target audience. The necessity for adequate linguocultural adaptation of the original film text is underscored, as it ensures that audiences accurately perceive the film’s messages; at the same time, the pragmatic potential of the original work is to be preserved. The findings indicate that due to the unique characteristics of film discourse (such as time limit on delivering dialogues) domestication emerges as the predominant strategy when translating abbreviations, political metaphors, and pseudo-international vocabulary. Additionally, contextual clues, visual elements, and viewers’ background knowledge are frequently employed in translating socio-political vocabulary in cinematic discourse. Although this study is limited to two series, it seeks to define universal and film text-specific criteria for translational adequacy, systematize challenges in translating socio-political vocabulary, and identify the most effective techniques for adapting socio-political vocabulary in film text.

Keywords: socio-political vocabulary, film/cinematic discourse, domestication, foreignization, political metaphor, abbreviation, pseudo-international words

For citation: Fomina T. A., Zhdanovich E. S., Ignatieva I. G., Kornitskaya A. B. Lingvokul'turnaya adaptatsiya abbreviatur, psevdointernatsional'nykh slov i politicheskikh metafor angloyazychnogo kinodiskursa v russkom perevode [Linguocultural adaptation of abbreviations, pseudo-internationalisms and political metaphors in English-to-Russian film discourse translation]. *MGIMO Journal of Language Research and Teaching*, 12(2), 84–99. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2026-2-47-84-99> (In Russian).

1. Введение

Современный кинодискурс является эффективным средством межкультурной коммуникации, так как он не только отражает политическую обстановку в той или иной стране, но и зачастую оказывает определенный прагматический эффект как на зрителя кинопроизведения на языке оригинала, так и на иноязычную аудиторию. Особую трудность для переводчика представляют такие элементы общественно-политической лексики, как аббревиатуры, псевдоинтернациональные слова и политические метафоры, так как при их переводе требуется не только лингвистическая, но и культурная адаптация. В условиях глобализации и усиления международного взаимодействия изучение стратегий их перевода становится особенно актуальным, поскольку точность и адекватность передачи смыслов напрямую влияют на восприятие и интерпретацию политического контекста зрителями иноязычной культуры.

Целью настоящего исследования является выявление и описание особенностей культурной адаптации общественно-политической терминологии в кинотексте при переводе с английского языка на русский.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые предпринята попытка комплексного и системного изучения стратегий лингвокультурной адаптации сложных элементов общественно-политической лексики при переводе кинодискурса с одного языка на другой; выявлены новые тенденции развития переводческих стратегий на стыке общественно-политического дискурса и кинодискурса; исследованы и описаны методы и причины трансформаций лексико-семантических составляющих кинотекста при переводе общественно-политической лексики.

В ходе анализа материала были изучены работы ученых в различных областях лингвистики и смежных наук, таких как общая теория перевода (В. С. Виноградов (Виноградов, 2001), И. В. Войнич¹, В. Н. Комиссаров (Комиссаров, 2002), С. С. Назмутдинова²), исследование кинодискурса (Е. О. Мальцева, И. В. Самарина (Мальцева, Самарина, 2020), И. В. Зыкова, Е. А. Красикова (Зыкова, Красикова, 2024), В. Е. Горшкова (Горшкова, 2006), Р. А. Матасов³, Г. Г. Слышкин (Слышкин, 2004), А. С. Дружинин (Druzhinin, 2022), Т. Шольте, Т. А. Фомина (Druzhinin et al., 2024), А. Н. Зарецкая⁴, А. В. Корячкина⁵), общественно-политический перевод (И. О. Ткачева⁶,

¹ Войнич И. В. Стратегии лингвокультурной адаптации художественного текста при переводе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2010. 19 с.

² Назмутдинова С. С. Гармония как переводческая категория (на материале русского, английского, французского кинодискурса): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008. 21 с.

³ Матасов Р. А. Перевод кино-/видеоматериалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2009. 23 с.

⁴ Зарецкая А. Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2010. 21 с.

⁵ Корячкина А. В. Англоязычный художественный кинодискурс и потенциал его интерпретативно-коммуникативного перевода: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2017. 25 с.

⁶ Ткачева И. О. Политическая лексика в современном русском языке: семантические особенности и проблемы лексикографического представления: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 28 с.

Е. С. Гайломазова, Н. И. Юстина (Гайломазова, Юстина, 2023), Н. Р. Гейко (Гейко, 2018), З. К. Гузиева (Гузиева, 2017), С. М. Негматова (Негматова, 2023)), лингвокультурология (Е. А. Дрожжина (Дрожжина, 2022), В. Б. Кашкин (Кашкин, 2010), В. В. Красных (Красных, 2002)).

Гипотеза исследования состоит в том, что при переводе общественно-политической лексики (ОПЛ) в кинодискурсе доминирующей стратегией является доместикация, ориентированная на ценности принимающей культуры, однако её применение варьируется в зависимости от типа переводимой лексической единицы. При этом экстралингвистические ограничения кинодискурса (темпоритм и др.) могут привести к тому, что в некоторых случаях переводчик вынужден делать выбор в пользу прагматической адекватности вместо точности перевода.

2. Теоретические основы исследования

Нельзя не согласиться со словами В. Н. Комиссарова, что «любое высказывание в процессе коммуникации способно осуществлять на читателя или слушателя определенный коммуникативный эффект, то есть определенное прагматическое действие, которое определяется смыслом высказывания, его языковой формой, представлениями и отношением получателя к внешнему миру» (Комиссаров, 2002, с. 153); при этом неадекватный выбор переводческих средств может препятствовать успешной реализации этого прагматического эффекта.

Принимая во внимание неразрывную связь между культурой и языком, мы считаем необходимым уточнить, что такое лингвокультурная адаптация текста в процессе перевода. По мнению Н. А. Фененко, в настоящее время термин «переводческая адаптация» трактуется по-разному. Во-первых, в более узком понимании адаптация определяется как переводческий приём, при котором неизвестное заменяется известным с целью облегчения понимания. Второе значение адаптации шире и связано прежде всего с «приспособлением текста при помощи определенных процедур к предельно адекватному, вполне соответствующему, совпадающему, тождественному его восприятию читателем иной культуры» (Фененко, 2001, с. 70), то есть речь идёт о соответствии коммуникативного эффекта оригинала и переводного текста.

Именно во втором значении термин «адаптация» в настоящее время используется специалистами (там же, с. 70), а также применяется в практике перевода в самых разнообразных сферах переводческой деятельности (от перевода книг и журналов до видеоигр и кинофильмов). Адаптация текста при переводе всегда происходит под влиянием одновременно двух языков и двух культур. Ряд зарубежных исследователей, подчеркивая роль переводчика в лингвокультурной адаптации, называют его «культурным посредником» (mediating person)⁷ / «двухкультурной личностью» (bicultural)⁸ / «культурным оператором» (cultural operator)⁹.

Важность учета культурных особенностей исходного и переводящего языков и способность переводчика интерпретировать их отмечала, в частности, теоретик перевода К. Норд, указывая на то, что перевод – это не просто замена одних слов другими, а сложный культурно-когнитивный процесс: «[П]ереводчик, как и любой другой реципиент, должен распознать несоответствия, которые содержит исходный текст, и как в процессе понимания, так и при переводе компенсировать их своим опытом перевода и восприятия текстов, а также своими знаниями окружающей действительности» (Nord, 1997, p. 57).

Таким образом, выбор переводческой стратегии обусловлен не только лексическими и структурно-семантическими различиями между языками, но и культурными особенностями двух лингвосообществ, а при переводе общественно-политических текстов еще и предполагает наличие экстралингвистических, фоновых знаний (Вербицкая, Игнатьева, 2008, с. 47). Действительно, как отмечает Н. В. Тимко, «переводчику приходится делать выбор между двумя основными

⁷ Bochner S. The Mediating Person: Bridges between Cultures. 1981. P. 12.

⁸ Vermeer H. J. Towards a General Theory of Translational Action. New York, 2013. P. 28.

⁹ Hewson L., Martin J. Redefining Translation: The Variational Approach. London, 1991. P. 133-155.

стратегиями: эксплицированием культурного содержания с сохранением конвенций исходного языка и культуры и, наоборот, нивелированием (элиминацией) различий между культурами» (Тимко, 2011, с. 153).

Уточним, что лингвокультурная адаптация в контексте данной статьи понимается как комплекс трансформационных приемов, направленных на адекватную репрезентацию картины мира оригинала в переводном тексте. Несовпадение языковых и культурных кодов требует от переводчика применения таких приемов для достижения ключевой цели, а именно адекватной передачи текста оригинала при сохранении прагматического эффекта, заложенного в исходном сообщении.

В настоящее время с точки зрения лингвокультурной адаптации выделяются такие основные стратегии перевода, как доместикация и форенизация. Доместикация подразумевает акцент на культурных ценностях и лингвистических особенностях принимающей лингвокультуры, что дает возможность автору передать наиболее точно тот прагматический смысл, который заложен в оригинальном иноязычном дискурсе. При этом переводчик с помощью различных приемов (в частности, опущение, замена, экспликация) нивелирует и/или сглаживает различия в культурах. Выбирая стратегию форенизации, переводчик предпочитает сохранить языковые и культурные ценности оригинала, что требует от реципиента (зрителя) усилий для понимания интенций автора. В то же время нельзя сказать, что перевод, выполненный с применением стратегии форенизации, является неадекватным, так как намеренное сохранение переводчиком иностранных культурных маркеров позволяет реципиенту (зрителю, читателю, слушателю) познакомиться с лингвокультурными реалиями страны языка оригинала.

Помимо этих двух полярных стратегий, выделяется также стратегия «золотой середины», в которой комбинируется то, что задаёт оригинал, то, что существует в языке принимающей культуры, и то, что может привнести переводчик исходя из собственного видения контекста. Важно отметить, что переводчик выбирает ту или иную стратегию или их комбинации в зависимости от задач конкретной ситуации.

В ходе перевода стратегии лингвокультурной адаптации реализуются за счёт определённых способов и приёмов. Здесь можно говорить, в частности, об использовании широкого спектра переводческих трансформаций: транскрипции и транслитерации, калькирования, экспликации, опущения (несущественной информации), модуляции, перемещения лексических единиц, генерализации и конкретизации, заимствования, создания неологизмов. Эти приёмы сочетаются и дополняют друг друга, позволяя переводчику достичь искомой цели – адекватной передачи всех лингвокультурных особенностей текста оригинала на языке перевода.

Такие исследователи, как В. С. Виноградов (Виноградов, 2001) и В. Н. Комиссаров (Комиссаров, 2002), выделяют следующие наиболее часто используемые переводческие трансформации, которые применяются при адаптации:

- 1) замена – слово, обозначающее незнакомое или непривычное явление, заменяется на слово, обозначающее явление, знакомое носителям языка перевода;
- 2) генерализация – переход от частного к общему;
- 3) опущение – явление, понятие или слово, которое кажется непереводимым или необязательным для перевода, «упраздняется»;
- 4) описательный перевод – незнакомому (непривычному) явлению/слову дается пояснение, которое, как правило, представляет собой комбинацию из нескольких слов;
- 5) употребление историзмов и архаизмов;
- 6) экспликация и амплификация – введение дополнительной информации в текст перевода и расшифровка некоторых понятий, которые могут быть незнакомы реципиенту;
- 7) калькирование – заимствование иноязычных слов и фраз посредством буквального перевода.

Важно отметить, что на фоне высокой динамики исторических и политических процессов в мире меняется и общественно-политический словарь, являясь, по мнению В. П. Джигоевой, «индикатором исторической эпохи» (Джигоева, 2021, с. 68), и поэтому при переводе ОПЛ

в кинодискурсе необходимо комбинировать уже существующие и новые стратегии адаптации для сохранения информационной насыщенности оригинала и его прагматического воздействия на целевую аудиторию.

Киноперевод, с точки зрения Е. О. Мальцевой и И. В. Самариной, – это один из видов аудио-визуального перевода, специфика которого заключается в передаче содержания через слуховой и зрительный каналы синхронно с изображением на экране (Мальцева, Самарина, 2020, с. 177). Обычно термин «киноперевод» употребляется в отношении художественных, анимационных фильмов и сериалов, но не ограничивается ими.

К видам киноперевода относят дубляж, субтитрирование и синхронный закадровый перевод (СЗП). Каждый из них имеет свои достоинства и недостатки. Субтитрование и СЗП не требуют больших финансовых затрат и сокращают сроки выполнения киноперевода; дублирование позволяет лучше адаптировать кинотекст к принимающей культуре и считается самым дорогим и качественным видом перевода.

Р. А. Матасов справедливо отмечает, что киноперевод как особый тип перевода невозможен без учёта экстра- и паралингвистических компонентов.¹⁰ К ним относят, например, музыкальное сопровождение, ритм, интонации, жесты, мимику и др. Действительно, в современном кинематографе слово как таковое утрачивает свою первостепенную значимость: высказывания становятся лаконичными и должны за считанные секунды или даже доли секунды прояснить происходящее, лишь дополняя визуальный ряд. К отличительным экстралингвистическим признакам киноперевода можно отнести:

- 1) сочетание зрительного и слухового каналов восприятия, находящихся в тесном взаимодействии и дополняющих друг друга;
- 2) подчинение текста перевода изображению на экране (например, необходимость липсинга при дубляже);
- 3) физические пространственно-временные требования к озвучке перевода;
- 4) предпочтение прагматики прочим целям перевода.

Отметим, что перевод ОПЛ в кинодискурсе обладает вышеперечисленными экстралингвистическими признаками, что в совокупности способствует реализации одной из задач переводчика, а именно адекватной передаче идеологического компонента, позволяющего оказывать манипулятивное воздействие на зрителя.

3. Материалы и методы исследования

Источником эмпирических данных для данного исследования послужили первые два сезона сериалов «Карточный домик» (2013-2014 гг.) и «Дипломатка» (2023-2024 гг.). Общее количество материала включает четыре англоязычных сезона длительностью 2050 минут и четыре русскоязычных сезона длительностью 2050 минут. Выбор материала обусловлен спецификой политического кинодискурса, который в силу высокой концентрации в нем аббревиатур, метафор и интернациональной лексики позволяет достаточно детально исследовать адаптационные стратегии. В ходе исследования были использованы следующие методы научного анализа языкового материала: сравнительно-сопоставительный и семантический анализ, контрастивный семантико-синтаксический анализ (с целью выявления нелинейного перевода), лингвопереводческий анализ (с целью определения приёмов перевода), когнитивно-семантический анализ (с целью определения соотношения оригинала и перевода), контекстуальный анализ (с целью выявления факторов преобразований), качественно-количественный анализ, метод обобщения и систематизации данных.

¹⁰ Матасов Р. А. Перевод кино-/видеоматериалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2009. 23 с.

4. Результаты исследования

4.1. Стратегии перевода аббревиатур

Необходимо отметить, что в политической сфере, особенно в англоязычных культурах, широко распространено использование аббревиатур. В анализируемых сериалах действие происходит на территории Великобритании и США, то есть зрителю демонстрируются реалии общественно-политической жизни именно этих государств. Как следствие, русскоязычный реципиент сталкивается с большим количеством общепринятых в англоязычном дискурсе сокращений, обозначающих эти реалии. Например, аббревиатура (1) *NSA (National Security Agency)*, которой называют подразделение Министерства обороны США, признаётся и употребляется в большинстве американских штатов. Это название часто фигурирует в новостных сводках и художественных кино- и телепроизведениях Америки, вследствие чего у англоязычного зрителя не возникает трудностей с восприятием этого сокращения, а русскоязычному зрителю в понимании этой аббревиатуры должен помочь переводчик.

Согласно словарю Т. В. Жеребило, аббревиатура – это «сокращение, употребляемое в письменной и устной речи»¹¹. В. Ю. Томилина отмечает, что в настоящее время аббревиация является одним из основных способов появления новых слов в языке (Томилина, 2021, с. 157). Адаптация к таким изменениям требует от переводчиков постоянного развития своих лингвистических компетенций и расширения фоновых знаний прежде всего в той области, в которой они специализируются. Сам же «перевод аббревиаций представляет собой сложный процесс, состоящий из нескольких этапов: нахождение исходной англоязычной формы и передача понятия средствами русского языка, т. е. нахождение эквивалентной формы, которая передаст более точное содержание» (там же, с. 160). Добавим, что перевод аббревиатур в кинодискурсе сопряжен с дополнительными сложностями: например, при переводе непосредственно текста после первого представления аббревиатуры-аналога переводчику рекомендуется дать её расшифровку в скобках или в виде сноски, чтобы обеспечить максимальную ясность, однако в кинотексте, который ограничен временными рамками, это сделать невозможно. Именно поэтому переводчик либо опирается на предполагаемые фоновые знания зрителя, предлагая только аналог в виде аббревиатуры (*NSA – АНБ*, (2) *UNHCR – УВКБ*, (3) *FBI – ФБР*), либо дает описательный перевод, но тоже зачастую сокращенный, например, (4) *GCHQ – Центр правительственной связи*.

Наиболее продуктивным приёмом перевода аббревиатур выступает подбор аналога. В основном с помощью данного приёма переводятся общеизвестные соответствия: (5) *ISIS – ИГИЛ*; (6) *US – США*; (7) *FBI – ФБР*; (8) *CIA – ЦРУ*; (9) *EU – ЕС, Евросоюз*; (10) *UN – ООН*. При переводе некоторых менее известных единиц переводчик уже опирается на контекст и на свои представления о вероятных фоновых знаниях зрителя.

Особого внимания заслуживает приём создания авторского аналога, необходимость в котором продиктована жесткими временными ограничениями кинотекста. К такому приёму переводчик прибегает крайне редко и исключительно при быстром темпе речи и невозможности использования других приёмов. Например, (11) *Sensitive compartmented information facility (SCIF)* встречается в кинотексте анализируемых сериалов дважды и переводится в их русскоязычных версиях как *ПСОИ* и *ПСОД*. Вероятно, переводчик использовал сокращённое калькированное выражение «Пункт сбора и обработки секретной информации» в первом случае и «Пункт сбора и обработки секретных данных» во втором. Понимая сложности, возникшие с переводом данной аббревиатуры, мы считаем возможным предложить наши собственные варианты перевода, которые были бы более понятны русскоязычному зрителю, исходя из следующих соображений. В некоторых источниках аббревиатура *SCIF* переводится как «Секретный информационный центр». При переводе,

¹¹ Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань, 2010. С. 71.

на наш взгляд, предпочтительнее использовать слово «центр», а не «пункт» – по аналогии с известными ведомствами США, такими как «Центр по контролю и профилактике заболеваний», «Национальный центр обмена информацией» и др. Однако наименование «Секретный информационный центр», как нам кажется, слишком громоздкое (ввиду ограниченного времени звучания реплики), и поэтому может быть сокращено до варианта «Секретный инфоцентр». В последующем при переводе допускается его сокращение до слова «центр»: семой секретности можно пренебречь, поскольку этот компонент значения успешно восстанавливается зрителем из контекста. Таким образом, реплика “*White House wants you in the SCIF*”¹², которая была переведена как «Белому дому ты нужен в ПСОИ»¹³, может звучать как «Ты нужен в Секретном инфоцентре» (перевод наш – Т.Ф., Е.Ж., И.И., А.К.), ведь из предыдущей фразы понятно, что приказ поступает от президента США: “*The president is sending you to stop a war before it starts, not... butter a crumpet.*”

Пример перевода аббревиатуры (12) *HMS* представляет для нас особый интерес, так как в анализируемых сериалах она была переведена тремя разными способами с применением трёх разных приёмов адаптации: транслитерации (воспроизведение графической формы исходного слова), генерализации (переход от частного к общему при переводе) и конкретизации (переход от общего к частному при переводе).

Сама аббревиатура *HMS* расшифровывается как *His / Her Majesty's Ship* и переводится как «Корабль Его Величества» или «Корабль Её Величества». В Кембриджском словаре¹⁴ указано, что данная аббревиатура используется перед названиями британских военных кораблей. Обычно эта единица в текстах на русском языке либо остаётся без перевода, либо опускается. В первом случае *HMS Courageous* передаётся как *Эйч-Эм-Эс Корейджес*, согласно русской традиции, а далее в процессе развертывания событий сериала приводятся варианты перевода «корабль» и «авианосец», что не противоречит ни правилам русского языка, ни смысловому содержанию высказывания. Мы считаем, что вариант *Эйч-Эм-Эс* воспринимается как неестественный для русскоязычного зрителя, когда употребляется в неформальном диалоге персонажей, поэтому варианты «корабль» / «авианосец» представляются в данном контексте более уместными. В ряде случаев эту аббревиатуру можно опустить. Например, в высказывании “*HMS Courageous is designed to take fire, seal off the debilitated compartment, and remain afloat...*”¹⁵ / «Корабль ‘Корейджес’ назначен для отвода огня. Нужно изолировать поврежденный отсек и остаться на плаву...»¹⁶, которое звучит в ходе обсуждения вопроса о предоставлении военной помощи на море, слово «корабль» не несет дополнительной смысловой нагрузки, и от него можно отказаться ради более точной интонационной передачи речи персонажей.

Некоторые политические аббревиатуры могут переводиться при помощи приёма генерализации. Такой приём используется в кинотексте, когда временные ограничения не позволяют вставить разъясняющее слово перед термином узкой специализации, например, (13) *AR-15* – «винтовки», а не «винтовки А-Эр 15»; или нет возможности предложить понятный аналог, расшифровку или частичную расшифровку лексической единицы. Так, при адаптации словосочетания (14) *the UNGNA event*, содержащего аббревиатуру *UNGNA*, которая расшифровывается как *United Nations Global Nutrition Agenda*, в русскоязычной версии звучит генерализованный перевод «мероприятие ООН», ведь что такое ООН большинство зрителей знает, а общепринятого аналога *the UNGNA* в русском языке нет.

¹² The Diplomat [Электронный ресурс]: телесериал / создатель Дебора Кан; режиссеры Лорна Трэвис, Алекс Грейвз; в ролях: Кери Расселл, Руфус Сьюэлл и др. – США: Netflix, 2023. – URL: <https://cineb.rs/tv/watch-the-diplomat-free-95758> (дата обращения: 19.05.2025).

¹³ The Diplomat [Дипломатка] [Электронный ресурс]: телесериал / создатель Дебора Кан; режиссеры Лорна Трэвис, Алекс Грейвз; в ролях: Кери Расселл, Руфус Сьюэлл и др. – США: Netflix, 2023. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/1392443/> (дата обращения: 19.05.2025).

¹⁴ Cambridge University Press. Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (access date 19.05.2025).

¹⁵ The Diplomat [Электронный ресурс]: телесериал / создатель Дебора Кан; режиссеры Лорна Трэвис, Алекс Грейвз; в ролях: Кери Расселл, Руфус Сьюэлл и др. – США: Netflix, 2023. – URL: <https://cineb.rs/tv/watch-the-diplomat-free-95758> (дата обращения: 19.05.2025).

¹⁶ The Diplomat [Дипломатка] [Электронный ресурс]: телесериал / создатель Дебора Кан; режиссеры Лорна Трэвис, Алекс Грейвз; в ролях: Кери Расселл, Руфус Сьюэлл и др. – США: Netflix, 2023. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/1392443/> (дата обращения: 19.05.2025).

Таким образом, наиболее частотным способом адаптации аббревиатур при переводе англоязычного кинодискурса является полное сохранение сокращенной формы высказывания, при этом могут даваться общеизвестные и общепринятые аналоги этих лексических единиц, а могут приводиться и их авторские аналоги. При адаптации аббревиатур, значение которых может, по мнению переводчика, оказаться совершенно непонятным для русскоязычного зрителя, переводчик прибегает к приёмам генерализации и смысловой трансформации, заменяя аббревиатуры адаптированными выражениями и частично расшифровывая их.

4.2. Особенности адаптации интернациональных и псевдоинтернациональных слов

Интернациональная лексика, как правило, не вызывает у переводчика затруднений в процессе перевода, и ее употребление зачастую способствует более успешному выполнению переводческой задачи. Тем не менее при работе с псевдоинтернационализмами, то есть со словами, похожими по форме на русские, но не совпадающими с ними по значению, переводчик должен осторожно подходить к выбору лексической единицы, так как существует риск того, что смысл высказывания будет искажен. Оба вида слов возникли как следствие культурных и языковых контактов между лингвосообществами. Возникновение псевдоинтернационализмов, как отмечают А. Л. Кюрегян и Е. А. Милютина, является «результатом влияния языков разных групп друг на друга, а также соотнесенности с общими прототипами в праязыке» (Кюрегян, Милютина, 2017, с. 131).

Так, слово *secretary* как единица общественно-политической лексики встречается в отобранных нами высказываниях 38 раз. Кембриджский словарь английского языка дает три определения этой лексемы¹⁷:

- 1) someone who works in an office, writing letters, making phone calls, and arranging meetings for a person or for an organization;
- 2) the member of a committee of an organization, club, etc. who keeps records of meetings, sends letters, emails, etc.;
- 3) an official who has responsibility for the general management of an organization.

Приведем также варианты перевода этого слова на русский язык, которые даёт Большой англо-русский словарь¹⁸:

- 1) секретарь; секретарша;
- 2) уст. письмоводитель; делопроизводитель;
- 3) секретарь, руководитель организации, учреждения и т. п.;
- 4) дип. секретарь (посольства, миссии);
- 5) министр;
- 6) полигр. курсив (напоминающий рукописный шрифт; тж. secretary hand, secretary type);
- 7) уст. наперстник.

Нас в данном случае интересуют варианты перевода 1, 3, 5. Первый вариант перевода (секретарь; секретарша) является интернационализмом, он соответствует значению 1 из Кембриджского словаря, редко встречается в рассматриваемых нами сериалах и не представляет интереса для анализа, так как не относится к общественно-политической лексике. Высказывание со словом «секретарь» в этом значении фигурирует в сериале «Карточный домик», когда Фрэнк Андервуд говорит о своей помощнице Джеки Шарп: (15) “*She was a good secretary, but she’ll be an even better whip...*”¹⁹ / «Она была хорошим секретарём, но станет ещё лучшим организатором...»²⁰

¹⁷ Cambridge University Press. Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (access date 19.05.2025).

¹⁸ Большой англо-русский словарь. / сост. Н. Н. Амосова, Ю. Д. Апресян, И. Р. Гальперин [и др.]. 3-е изд. Москва : Русский язык, 1979. – URL: <http://bse.uaio.ru/ENGR79/25.htm> (дата обращения 19.05.2025).

¹⁹ House of Cards [Электронный ресурс]: телесериал / создатель Бо Уиллимон; режиссеры Дэвид Финчер, Джеймс Фоули и др.; в ролях: Кевин Спейси, Робин Райт, Кейт Мара и др. – США: Netflix, 2013-2018. – URL: <https://cineb.rs/tv/watch-house-of-cards-free-39334> (дата обращения: 19.05.2025).

²⁰ House of Cards [Карточный домик] [Электронный ресурс]: телесериал / создатель Бо Уиллимон; производство Media Rights Capital, Netflix. – США, 2013-2018. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/716632/> (дата обращения: 19.05.2025).

Особый интерес для нас представляют варианты перевода 3 и 5, которые требуют от переводчика знания культуры и политического устройства стран языка оригинала и понимания контекста ситуации.

В анализируемых кинопроизведениях слово *secretary* используется в трёх значениях, относящих его к общественно-политической лексике: «госсекретарь», «министр иностранных дел» и «министр обороны».

Лексема «госсекретарь», образованная за счет слияния основ слов «государственный» и «секретарь», является примером интернациональной лексики. Английское слово и его русский аналог соответствуют друг другу по форме и содержанию, и поэтому с переводом этого слова в кинотексте проблем не возникает, тем более успешному переводу способствует уточняющая конструкция в родительном падеже *of state*, следующая за словом *secretary*. В исследуемом аудиовизуальном тексте в этом значении и с таким переводом *secretary* встречается в 19 из 38 случаев его употребления.

В вариантах перевода *Foreign Secretary* (министр иностранных дел) и *Secretary of Defense* (министр обороны) слово *secretary* выступает как псевдоинтернационализм: хотя *Secretary of Defense* тоже имеет пояснительную конструкцию, при переводе на русский язык используется исключительно его устойчивый эквивалент.

Спорная ситуация возникла с переводом слова *secretary*, которое в английском языке не имеет уточняющей конструкции (*of state*, *of defense* и др.). В четырех случаях в русскоязычной версии сериалов мы встречаем слово «секретарь», которое не передает значение «министр иностранных дел», что, на наш взгляд, является переводческой неточностью. В примере (16) “*Mr. Secretary, the prime minister understands the attack may have been a message for us*”²¹ / «Мистер Секретарь, премьер-министр думает, что этот удар был явным знаком для нас»²² Кейт Уолер обращается к Остину Дэннисону, министру иностранных дел Великобритании, и в переводе должна использоваться лексема «министр». В высказывании (17) “*The whole point is that we hash out the Russia policy, secretary to secretary, and then we send it up the ladder, fully baked*”²³ / «Дело в том, что мы разработали стратегию политики от секретаря к секретарю. А сейчас мы представляем её уже готовой»²⁴ речь идёт о взаимодействии на уровне министерств иностранных дел, что тоже не отражено в переводе. Учитывая тот факт, что в русском языке есть устойчивое выражение «на уровне министров», которое в полной мере отображает упомянутый уровень взаимодействия, наш вариант перевода звучит так: «Смысл в том, чтобы согласовать политику по России на уровне министров, а затем передать её наверх уже в готовом виде» (перевод наш – Т.Ф., Е.Ж., И.И., А.К.). В этом случае, на наш взгляд, высказывание в полной мере адаптировано с учетом специфики кинотекста, так как легко произносится, не громоздкое и вписывается во временной интервал реплики.

Интересно отметить, что слова *office*, *Mr. (mister)* становятся «ложными друзьями переводчика», когда их ошибочно принимают за интернациональные. Сравним два высказывания со словом *office*. Секретарь Остина Дэннисона берет трубку и говорит: (18) “*Office of the Foreign Secretary. How can I help you?*”²⁵ Зритель слышит следующий перевод: «Офис министра иностранных дел. Я могу вам помочь?»²⁶ Однако в данном контексте слово *office* употребляется не в своём первом

²¹ The Diplomat [Электронный ресурс]: телесериал / создатель Дебора Кан; режиссеры Лорна Трэвис, Алекс Грейвз; в ролях: Кери Расселл, Руфус Сьюэлл и др. – США: Netflix, 2023. – URL: <https://cineb.rs/tv/watch-the-diplomat-free-95758> (дата обращения: 19.05.2025).

²² The Diplomat [Дипломатка] [Электронный ресурс]: телесериал / создатель Дебора Кан; режиссеры Лорна Трэвис, Алекс Грейвз; в ролях: Кери Расселл, Руфус Сьюэлл и др. – США: Netflix, 2023. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/1392443/> (дата обращения: 19.05.2025).

²³ The Diplomat [Электронный ресурс]: телесериал / создатель Дебора Кан; режиссеры Лорна Трэвис, Алекс Грейвз; в ролях: Кери Расселл, Руфус Сьюэлл и др. – США: Netflix, 2023. – URL: <https://cineb.rs/tv/watch-the-diplomat-free-95758> (дата обращения: 19.05.2025).

²⁴ The Diplomat [Дипломатка] [Электронный ресурс]: телесериал / создатель Дебора Кан; режиссеры Лорна Трэвис, Алекс Грейвз; в ролях: Кери Расселл, Руфус Сьюэлл и др. – США: Netflix, 2023. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/1392443/> (дата обращения: 19.05.2025).

²⁵ The Diplomat [Электронный ресурс]: телесериал / создатель Дебора Кан; режиссеры Лорна Трэвис, Алекс Грейвз; в ролях: Кери Расселл, Руфус Сьюэлл и др. – США: Netflix, 2023. – URL: <https://cineb.rs/tv/watch-the-diplomat-free-95758> (дата обращения: 19.05.2025).

²⁶ The Diplomat [Дипломатка] [Электронный ресурс]: телесериал / создатель Дебора Кан; режиссеры Лорна Трэвис, Алекс Грейвз; в ролях: Кери Расселл, Руфус Сьюэлл и др. – США: Netflix, 2023. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/1392443/> (дата обращения: 19.05.2025).

значении «комната», а в значении *“department of the national government in Britain, or an official government organization”*²⁷, и на русский язык, на наш взгляд, эту реплику следовало бы перевести как «Министерство иностранных дел» или «Приемная министра иностранных дел». При этом следующая реплика (19) *“You’ll meet Russian Ambassador Oleg Balakin at the Foreign Office”*²⁸ / «Вы встретитесь с послом России Олегом Балакиным в МИДе»²⁹ переведена верно. Под словом office и в первом, и во втором случае подразумевается государственная структура, управление, то есть само министерство, и поэтому при переводе употребление слова «офис» в данном контексте мы считаем неуместным.

Таким образом, для успешной адаптации псевдоинтернациональной лексики и подбора оптимальной стратегии переводчику необходимо не только обладать соответствующей лингвистической компетенцией, но и знать культурные и дискурсивные нормы и особенности обоих языков, а также учитывать контекст и ориентироваться на предполагаемые фоновые знания реципиента.

4.3. Стратегии перевода политической метафоры

Политическая метафора – лексическое средство, которое усиливает эмоциональное и психологическое влияние на адресата. Согласно А. П. Чудинову, «система концептуальных метафор, существующая в том или ином политическом дискурсе, – это не зависящее от чьей-либо воли свидетельство состояния национальной ментальности, своего рода «зеркало» политического сознания» (Чудинов, 2003, с. 122).

Стратегия доместикации – наиболее продуктивный вид лингвокультурной адаптации политической метафоры в кинодискурсе. Это объясняется рядом причин: знакомые культурные коды позволяют целевой аудитории быстро декодировать смысл, при этом зрителю не приходится испытывать высокую когнитивную нагрузку; понятные для принимающей культуры метафоры обеспечивают вовлеченность аудитории в киноповествование и облегчают работу при дублировании и синхронном закадровом переводе с технической точки зрения.

В сериале «Дипломатка» важной политической метафорой, которая проходит через весь сюжет, является метафора брака. Этот вид метафоры не нов для англоязычного и русскоязычного медийного пространства, его можно отнести к более широкой группе метафор семьи, которую выделяют такие исследователи, как Дж. Лакофф, А. П. Чудинов, Ф. Риготти.

Метафора брака отражает реалии того периода, когда союзы между правящими семьями служили инструментом легитимации власти и территориальных приобретений. В сериале мы встречаем несколько примеров того, как вступление в должность в политических ведомствах метафорически сопоставляется со вступлением в брак. Когда Кейт Уолер принимает на себя обязанности посла США в Великобритании, её спрашивают: (20) *“Ready to tie the knot?”*³⁰ В данном случае выражение *to tie the knot* – это общеизвестная и широко употребляемая идиома английского языка, которая имеет значение *to get married*³¹. В сериале при переводе на русский язык («Готовы связаться узами?»³²) переводчик сохраняет метафоричность высказывания и адаптирует его к принимающей культуре, используя знакомое русскоязычному зрителю фразеологическое сочетание «связать себя узами брака» и сокращая его согласно требованиям кинотекста. В свою очередь, мы предлагаем собственный вариант перевода этой реплики, максимально приближенный к этому фразеологизму, при этом слово «брак» опускается для краткости: «Готовы связать себя узами?» (перевод наш – Т.Ф., Е.Ж., И.И., А.К.).

²⁷ Cambridge University Press. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (access date 19.05.2025).

²⁸ The Diplomat [Электронный ресурс]: телесериал / создатель Дебора Кан; режиссеры Лорна Трэвис, Алекс Грейвз; в ролях: Кери Расселл, Руфус Сьюэлл и др. – США: Netflix, 2023. – URL: <https://cineb.rs/tv/watch-the-diplomat-free-95758> (дата обращения: 19.05.2025).

²⁹ The Diplomat [Дипломатка] [Электронный ресурс]: телесериал / создатель Дебора Кан; режиссеры Лорна Трэвис, Алекс Грейвз; в ролях: Кери Расселл, Руфус Сьюэлл и др. – США: Netflix, 2023. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/1392443/> (дата обращения: 19.05.2025).

³⁰ The Diplomat [Электронный ресурс]: телесериал / создатель Дебора Кан; режиссеры Лорна Трэвис, Алекс Грейвз; в ролях: Кери Расселл, Руфус Сьюэлл и др. – США: Netflix, 2023. – URL: <https://cineb.rs/tv/watch-the-diplomat-free-95758> (дата обращения: 19.05.2025).

³¹ Cambridge University Press. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (access date 19.05.2025).

³² The Diplomat [Дипломатка] [Электронный ресурс]: телесериал / создатель Дебора Кан; режиссеры Лорна Трэвис, Алекс Грейвз; в ролях: Кери Расселл, Руфус Сьюэлл и др. – США: Netflix, 2023. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/1392443/> (дата обращения: 19.05.2025).

В другой сцене, когда глава администрации президента США неубедительно предлагает Кейт рассмотреть пост вице-президента, Хэл Уолер, муж Кейт, саркастично отмечает: (21) *“That is the worst marriage proposal I’ve ever heard”*³³, что снова является отсылкой к метафоре брака. Однако в переводе на русский язык метафоричность отчасти теряется, и эта реплика звучит так: «*Это худшее предложение из тех, что я слышал*»³⁴. В русскоязычном лингвосообществе слово «предложение» имеет следующие значения³⁵: 1) см. предложить; 2) то, что предложено, предлагается; 3) просьба стать женой; 4) поступление товаров на рынок; 5) в грамматике: синтаксически и интонационно оформленная конструкция, выражающая сообщение. Таким образом, «предложение руки и сердца» – значение, не являющееся для русскоязычного зрителя первоочередным при восприятии данной реплики. Вероятно, в данном случае переводчик отказался от уточнения сути предложения ради экономии времени. Ниже представлены наши варианты перевода этой метафоры, в которых сохранится саркастичность оригинального высказывания и которые будут соответствовать требованиям кинотекста:

1. *Худшего предложения о браке я не слышал* (14 слогов);
2. *Худшее в мире сватовство* (9 слогов);
3. *Ужасное предложение руки и сердца* (14 слогов) (перевод наш – Т.Ф., Е.Ж., И.И., А.К.).

В каждом из наших вариантов слогов меньше, чем в изначальном варианте перевода, который состоит из 16 слогов, тогда как в оригинальном англоязычном высказывании 13 слогов. Использование при переводе слова «сватовство», на наш взгляд, может усилить ироничность высказывания за счёт стилистического контраста и включения историко-культурных коннотаций.

Еще одним любопытным примером обращения к метафоре брака служит фразовый глагол *break up* и его перевод на русский язык. Когда в сцене ссоры Кейт (посла США) и Остина Дэннисона (министра иностранных дел Великобритании) выясняется, что правительство Великобритании рассматривает возможность разрыва дипломатических связей с США, Кейт на повышенных тонах произносит: (22) *“You’re breaking up with us?”*³⁶. Следует отметить, что фразовый глагол *break up* имеет несколько значений, одним из которых является: *“If a marriage breaks up or two people in a romantic relationship break up, their marriage or their relationship ends”*³⁷. В переводе метафоричность полностью сохраняется: «*Ты рвёшь с нами?*»³⁸. Переводчик использует разговорное выражение «порвать с кем-то», выступающее синонимом слов «расстаться», «бросить». Фраза звучит коротко и динамично, что соответствует ситуации ссоры.

В процессе развертывания диалога между теми же людьми Кейт, обдумывая последствия разрыва американо-британских дипломатических отношений с США, говорит: (23) *“I have to tell Ganon he’s about to be ambushed with a request that our two nations start seeing other people”*³⁹. Используемая в оригинале фраза *see other people* означает «осуществлять попытки вступать в романтические отношения с другими людьми», другими словами, «расстаться». Именно этот метафоричный перевод мы видим в русскоязычной версии: «*Мне нужно предупредить Генона, что наши две страны уже не вместе*»⁴⁰.

³³ The Diplomat [Электронный ресурс]: телесериал / создатель Дебора Кан; режиссеры Лорна Трэвис, Алекс Грейвз; в ролях: Кери Расселл, Руфус Сьюэлл и др. – США: Netflix, 2023. – URL: <https://cineb.rs/tv/watch-the-diplomat-free-95758> (дата обращения: 19.05.2025).

³⁴ The Diplomat [Дипломатка] [Электронный ресурс]: телесериал / создатель Дебора Кан; режиссеры Лорна Трэвис, Алекс Грейвз; в ролях: Кери Расселл, Руфус Сьюэлл и др. – США: Netflix, 2023. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/1392443/> (дата обращения: 19.05.2025).

³⁵ Ожегов С.И. Толковый словарь русского. М., 2000. – С. 724.

³⁶ The Diplomat [Электронный ресурс]: телесериал / создатель Дебора Кан; режиссеры Лорна Трэвис, Алекс Грейвз; в ролях: Кери Расселл, Руфус Сьюэлл и др. – США: Netflix, 2023. – URL: <https://cineb.rs/tv/watch-the-diplomat-free-95758> (дата обращения: 19.05.2025).

³⁷ Cambridge University Press. Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (access date 19.05.2025).

³⁸ The Diplomat [Дипломатка] [Электронный ресурс]: телесериал / создатель Дебора Кан; режиссеры Лорна Трэвис, Алекс Грейвз; в ролях: Кери Расселл, Руфус Сьюэлл и др. – США: Netflix, 2023. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/1392443/> (дата обращения: 19.05.2025).

³⁹ The Diplomat [Электронный ресурс]: телесериал / создатель Дебора Кан; режиссеры Лорна Трэвис, Алекс Грейвз; в ролях: Кери Расселл, Руфус Сьюэлл и др. – США: Netflix, 2023. – URL: <https://cineb.rs/tv/watch-the-diplomat-free-95758> (дата обращения: 19.05.2025).

⁴⁰ The Diplomat [Дипломатка] [Электронный ресурс]: телесериал / создатель Дебора Кан; режиссеры Лорна Трэвис, Алекс Грейвз; в ролях: Кери Расселл, Руфус Сьюэлл и др. – США: Netflix, 2023. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/1392443/> (дата обращения: 19.05.2025).

Таким образом, цель использования метафоры брака в политическом кинотексте – адаптировать сложные понятия дипломатии для широкой аудитории. Во всех рассмотренных нами примерах при адаптации метафоры переводчик применяет стратегию доместикации, используя языковые средства родного языка для передачи образности оригинала.

5. Заключение и выводы

Проведенное исследование стратегий лингвокультурной адаптации общественно-политической лексики в кинодискурсе на материале сериалов “House of Cards” и “The Diplomat” позволило выявить ключевые закономерности перевода ОПЛ в условиях аудиовизуального текста.

Необходимость адаптации обусловлена несоответствием культурных кодов и языков оригинальной и переводной версий. Данные различия, как правило, оказываются очень существенными именно в политической сфере. От переводчика при этом требуется применение ряда трансформаций для адекватной передачи информации и достижения необходимого прагматического эффекта. Кроме этого, специфика киноперевода (в особенности синхронного закадрового перевода и дубляжа) подразумевает соблюдение временных рамок звучания реплик и учет аудиовизуального компонента, что существенно осложняет задачу переводчика.

Результаты анализа показали, что основной стратегией адаптации при переводе аббревиатур, политических метафор и псевдоинтернациональных слов выступает доместикация. Выбор в пользу именно этой стратегии обусловлен необходимостью обеспечить быстрое и при этом адекватное понимание незнакомого явления русскоязычным зрителем, что продиктовано жесткими временными рамками кинодискурса. Таким образом, применение стратегии доместикации обеспечивает эмоциональную вовлеченность зрителя, снижая его когнитивную нагрузку и позволяя сфокусироваться не на расшифровке незнакомых культурных кодов, а на развитии сюжета и персонажах.

Необходимо также отметить, что материал исследования был ограничен двумя сериалами, что могло в некоторой степени повлиять на репрезентативность полученных результатов; кроме этого, эмпирический материал представлен исключительно в виде дублированной версии, тогда как, например, при субтитровом переводе выбор стратегий адаптации может быть иным. В связи с этим в перспективе планируется расширить рамки исследования с учетом различных форматов аудиовизуального перевода.

© Т. А. Фомина, Е. С. Жданович, И. Г. Игнатъева, А. Б. Корницкая, 2026

Список литературы

- Вербицкая М. В., Игнатъева И. Г. Перевод медиатекстов и проблема формирования фоновых знаний переводчика (на материалах журнала “The Economist”) // *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2008. № 4. С. 46-55. <https://elibrary.ru/MINPXD>
- Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). Москва : Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с. ISBN 5-7552-0041-6
- Гайломазова Е. С., Юстина Н. И. Особенности перевода общественно-политических текстов: лексический уровень // *Гуманитарные и социальные науки*. 2023. Т. 98. № 3. С. 46-50. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2023-97-2-46-50>
- Гейко Н. Р. Неологизмы в общественно-политической лексике (переводческий аспект) // *Гуманитарные исследования*. 2018. № 3. С. 64-68. <https://elibrary.ru/VODCLJ>
- Горшкова В. Е. Перевод в кино. Иркутск : МИГЛУ, 2006. 278 с. <https://elibrary.ru/RUFWTL>
- Гузиева З. К. Политический язык как объект лингвистического исследования // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2017. № 4-4. С. 11-14. <https://elibrary.ru/YJXDB>
- Джиоева В. П. Общественно-политическая лексика как основной инструмент коммуникации в общественно-политическом дискурсе // *Политическая лингвистика*. 2021. 3(87). С. 67-73. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_03_06
- Дрожжина Е. А. Стратегии лингвокультурной адаптации художественного текста при переводе (на примере рассказов Дж. Хэриота) // *Гуманитарные технологии в современном мире*. 2022. Ч. 2. С. 338-340. <https://elibrary.ru/SMTMED>

- Зыкова И. В., Красикова Е. А. Эмотивная лексика в кинодискурсе с позиции лингвокреативности (на материале фильмов на английском, русском и китайском языках) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2024. 21 (1). С. 182-207. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.110>
- Кашкин В. Б. Парадоксы границы в языке и коммуникации. Воронеж : Воронежский государственный университет, 2010. 382 с. <https://elibrary.ru/QIRVVL>
- Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Москва : ЭТС, 2002. 424 с. ISBN 5-93386-015-8
- Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Москва : Гнозис, 2002. 284 с. ISBN 5-94244-009-3
- Кюрегян А. Л., Милютин Е. А. Проблемы перевода псевдоинтернациональных слов в текстах технической направленности // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. 9(75): в 2-х ч. Ч. 1. С. 131-133. <https://elibrary.ru/ZEHLPW>
- Мальцева Е. О., Самарина И. В. История киноперевода // *Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды*. Чебоксары : 2020. С. 176-182. <https://doi.org/10.31483/r-97274>
- Негматова С. М. Особенности перевода общественно-политической лексики и терминов в контексте общелингвистической теории перевода // *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики*. 2023. С. 68-78. <https://doi.org/10.24412/2413-2004-2023-4-68-78>
- Слышкин Г. Г. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). Москва : Водолей Publishers, 2004. 153 с. <https://elibrary.ru/WDDADN>
- Тимко Н. В. Способы осуществления лингвокультурной трансляции в процессе перевода художественного текста // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2011. № 1 (17). С. 151-157. <https://elibrary.ru/NDNEQP>
- Томилина В. Ю. Англоязычные аббревиатуры и способы их перевода на русский язык // *Научные исследования и инновации*. 2021. № 3. С. 157-161. <https://elibrary.ru/MLHSRE>
- Фененко Н. А. Лингвокультурная адаптация текста при переводе: пределы возможного и допустимого // *Вестник ВГУ*. 2001. С. 70-75. <https://elibrary.ru/SMTUVJ>
- Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. 248 с. <https://elibrary.ru/QCNWUV>
- Druzhinin A. S. Cinematic observation in linguistics and beyond: Towards an empirical science // *Praxema*. 2022. 2(32). P. 9-29. <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2022-2-9-29>
- Druzhinin A. S., Scholte T., Fomina T. A. (Im)politeness mismatches in the multi-dialogic pragmatics of telecinematic satire // *Language and Dialogue*. 2024. 14(1). P. 33-59. <https://doi.org/10.1075/ld.00153.dru>
- Nord C. Translating as a Purposeful Activity. Functionalist Approaches Explained. S. Jerome, 1997. 154 p. <https://doi.org/10.4324/9781351189354>

References

- Chudinov, A. P. (2003) Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii [Metaphorical Mosaic in Modern Political Communication]. Yekaterinburg. 248 p. <https://elibrary.ru/QCNWUV> (in Russian)
- Drozhzhina, E. A. (2022) Strategii lingvokul'turnoy adaptatsii khudozhestvennogo teksta pri perevode (na primere rasskazov Dzh. Kherriota) [Strategies of Linguocultural Adaptation of Literary Texts in Translation (Based on the Stories of J. Herriot)]. In *Gumanitarnye tekhnologii v sovremennoy mire. Part 2*. P. 338-340. <https://elibrary.ru/SMTMED> (in Russian)
- Druzhinin, A. S. (2022) Cinematic observation in linguistics and beyond: Towards an empirical science. In *Praxema*. 2 (32). P. 9-29. <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2022-2-9-29>
- Druzhinin, A. S., Scholte, T., Fomina, T. A. (2024) (Im)politeness mismatches in the multi-dialogic pragmatics of telecinematic satire. In *Language and Dialogue*. 14(1). P. 33-59. <https://doi.org/10.1075/ld.00153.dru>
- Dzhioeva, V. P. (2021) Obshchestvenno-politicheskaya leksika kak osnovnoy instrument kommunikatsii v obshchestvenno-politicheskom diskurse [Socio-Political Vocabulary as the Main Communication Tool in Socio-Political Discourse]. In *Politicheskaya lingvistika*. 3(87). P. 67-73. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_03_06 (in Russian)
- Fenenko, N. A. (2001) Lingvokul'turnaya adaptatsiya teksta pri perevode: predely vozmozhnogo i dopustimogo [Linguocultural Adaptation of the Text while Translating: the Limits of Possible and Affordable]. In *Vestnik VGU*. P. 70-75. <https://elibrary.ru/SMTUVJ> (in Russian)
- Gaylomazova, E. S., Yustina, N. I. (2023) Osobennosti perevoda obshchestvenno-politicheskikh tekstov: leksicheskiy uroven' [Features of Translation of Socio-Political Texts: Lexical Level]. In *Gumanitarnye i sotsial'nyye nauki*. Vol. 98. № 3. P. 46-50. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2023-97-2-46-50> (in Russian)
- Geyko, N. R. (2018) Neologizmy v obshchestvenno-politicheskoy leksike (perevodcheskiy aspekt) [Neologisms in Socio-Political Vocabulary (Translation Aspect)]. In *Gumanitarnye issledovaniya*. № 3. P. 64-68. <https://elibrary.ru/VODCLJ> (in Russian)
- Gorshkova, V. E. (2006) Perevod v kino [Translation in Cinema]. Irkutsk: MIGLU. 278 p. <https://elibrary.ru/RUFWTl> (in Russian)
- Guzieva, Z. K. (2017) Politicheskii yazyk kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Political Language as an Object of Linguistic Research] In *Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. № 4-4. P. 11-14. <https://elibrary.ru/YJXDB> (in Russian)
- Kashkin, V. B. (2010) Paradoksy granitsy v yazyke i kommunikatsii [Paradoxes of Limits in Language and Communication]. Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet. Voronezh. 382 p. <https://elibrary.ru/QIRVVL> (in Russian)
- Komissarov, V. N. (2002) Sovremennoye perevodovedeniye [Modern Translation Studies]. Moscow: ETS. 424 p. ISBN 5-93386-015-8 (in Russian)

- Krasnykh, V. V. (2002) Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya [Ethnopsycholinguistics and Cultural Linguistics]. Moscow: Gnozis. 284 p. ISBN 5-94244-009-3 (in Russian)
- Kyuregyan, A. L., Milyutina, E. A. (2017) Problemy perevoda psevdointernatsional'nykh slov v tekstakh tekhnicheskoy napravlenosti [Problems of Translating Pseudo-International Words in Technical Texts]. In *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 9(75) in 2 parts. Part 1. P. 131-133. <https://elibrary.ru/ZEHLWP> (in Russian)
- Maltseva, E. O., Samarina, I. V. (2020) Istoriya kinoperevoda [History of Film Translation]. In *Kul'turologiya, iskusstvovedeniye i filologiya: sovremennyye vzglyady*. Cheboksary. P. 176-182. <https://doi.org/10.31483/r-97274> (in Russian)
- Negmatova, S. M. (2023) Osobennosti perevoda obshchestvenno-politicheskoy leksiki i terminov v kontekste obshchelingvisticheskoy teorii perevoda [Features of the translation of socio-political vocabulary and terms in the context of the general linguistic theory of translation]. In *Vestnik Tadzhijskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki*. P. 68-78. <https://doi.org/10.24412/2413-2004-2023-4-68-78> (in Russian)
- Nord, C. (1997) Translating as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained. S. Jerome. 154 p. <https://doi.org/10.4324/9781351189354>
- Slyshkin, G. G. (2004) Kinotekst (opyt lingvokul'turologicheskogo analiza) [Film Text (The Experience of Linguocultural Analysis)]. Moscow: Vodokey Publishers. 153 p. <https://elibrary.ru/WDDADN> (in Russian)
- Timko, N. V. (2011) Sposoby osuschestvleniya lingvokul'turnoy translatsii v protsesse perevoda khudozhestvennogo teksta [Ways of Linguocultural Translation while Translating Literary Texts]. In *Ucheniye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1(17). P. 151-157. <https://elibrary.ru/NDNEQP> (in Russian)
- Tomilina, V. Yu. (2021) Angloyazychnye abbreviatury i sposoby ikh perevoda na russkiy yazyk [English-Language Abbreviations and Methods of Their Translation into Russian]. In *Nauchnyye issledovaniya i innovatsii*. № 3. P. 157-161. <https://elibrary.ru/MLHSRE> (in Russian)
- Verbitskaya, M. V., Ignateva, I. G. (2008) Perevod mediatekstov i problema formirovaniya fonovykh znaniy perevodchika (na materialakh zhurnala «The Economist») [Translating the Media and the Problem of Forming Translators' Background Knowledge]. In *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. № 4. P. 46-55. <https://elibrary.ru/MINPXD> (in Russian)
- Vinogradov, V. S. (2001) Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy) [Introduction to Translation Studies (General and Lexical Issues)]. Moscow: Izdatel'stvo instituta obshchego srednego obrazovaniya RAO. 224 p. ISBN 5-7552-0041-6 (in Russian)
- Zykova, I. V., Krasikova, E. A. (2024) Emotivnaya leksika v kinodiskurse s pozitsii lingvokreativnosti (na materiale filmov na angliyskom, russkom i kitayskom yazykakh) [Emotive Vocabulary in Film Discourse from the Perspective of Linguistic Creativity (Based on Films in English, Russian, and Chinese)] In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*. 21(1). P. 182-207. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.110> (in Russian)

Сведения об авторах:

Фомина Татьяна Анатольевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка № 1 МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: когнитивная лингвистика, экспериментальная лингвистика, исследование политического дискурса.

E-mail: wesna85@bk.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3327-8821>

Жданович Елена Сергеевна – аспирант кафедры английского языка № 3 МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: кинодискурс, киноперевод.

E-mail: lenazhdanovich00@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-1829-4409>

Игнатьева Ирина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1 МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: когнитивная лингвистика, исследование политического дискурса.

E-mail: ignateva.mgimo@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0369-7291>

Корницкая Анна Борисовна – старший преподаватель кафедры английского языка № 1 МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: когнитивная лингвистика, исследование политического дискурса.

E-mail: a.kornitskaya@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4391-801X>

About the authors:

Tatiana A. Fomina – PhD, Senior Lecturer at English Language Department № 1, MGIMO University (Moscow, Russia). Research interests: cognitive linguistics, experiential linguistics, political discourse analysis.

E-mail: wesna85@bk.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3327-8821>

Elena S. Zhdanovich – postgraduate student at English Language Department № 3, MGIMO University (Moscow, Russia). Research interests: film discourse, film translation.

E-mail: lenazhdanovich00@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-1829-4409>

Irina G. Ignatieva – PhD, Associate Professor at English Language Department № 1, MGIMO University (Moscow, Russia). Research interests: cognitive linguistics, political discourse analysis.

E-mail: ignateva.mgimo@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0369-7291>

Anna B. Kornitskaya – Senior Lecturer at English Language Department № 1, MGIMO University (Moscow, Russia). Research interests: cognitive linguistics, political discourse analysis.

E-mail: a.kornitskaya@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4391-801X>

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare that they have no conflict of interest.

* * *

Русский язык как духовное пространство народа

В. А. Маслова

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,
Витебск, Беларусь

Аннотация. Статья посвящена анализу русского языка, который формирует духовное пространство народа, и одновременно сам является порождением Духа – даром Бога человеку. Актуальность проведенного исследования заключается в интересе современной лингвистики к духовной сущности языка как специфической духовной деятельности человека, способствующей формированию его религиозного мировоззрения. Необходимость обращения к традиционным духовным смыслам также обусловлена их вытеснением из повседневного языкового обихода личности в эпоху секуляризации и глобализации. Цель работы – показать, что в русском языке сильно духовное начало, через единицы языка мы декодируем богословские знания, содержащиеся в Библии и молитвах. В ходе исследования используются интегративные методы, которые незаменимы для исследования таких сложных феноменов, как культура, язык, религия, социум. Это как общенаучные методы (наблюдение, описание, обобщение), так и современные приёмы дискурсивного и когнитивного анализов. Именно они позволяют выявить целостные знания о Боге, языке, человеке, мире. Материалом исследования стали тексты, слова и высказывания религиозного характера, а также единицы современного русского языка, несущие духовный смысл. В результате установлено, что русский язык не только формирует, но и хранит в себе дух русского народа, поэтому нельзя понять русского человека без учета религиозных знаний, которые пронизывают всю русскую культуру. Более того, без идеи Бога нельзя понять научную картину мира, в том числе картину мира, нарисованную языком. В сегодняшней русистике остается ряд нерешенных вопросов, например, почти не разработана проблема глубинных сакральных смыслов, которые просматриваются сквозь слово современного языка. Значение проделанной работы в попытке выйти за пределы рационального познания в интуитивно-богословское, чему поможет объединение усилий религиозных и научных знаний. Основным выводом исследования является утверждение, что одной из важнейших функций языка является трансцендентная, направленная на формирование и репрезентацию глубинных духовных смыслов лингвокультуры.

Ключевые слова: Библия, русский язык, духовность, дух, богословие, модель религиозной языковой личности

Для цитирования: Маслова В. А. Русский язык как духовное пространство народа // Филологические науки в МГИМО. 2026. 12(2). С. 100–111. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2026-2-47-100-111>

Russian Language as the Spiritual Space of Russian People

Valentina. A. Maslova

Vitebsk State University named after P. M. Masherov,
Vitebsk, Belarus

Abstract. This article analyzes Russian language, which shapes the spiritual space of the people and is itself a product of the Spirit – a gift from God to humanity. The relevance of this study lies in modern linguistics' interest in the spiritual essence of language as a specific human spiritual activity that contributes to the one's religious worldview formation. The need to address traditional spiritual meanings is also driven by their displacement from everyday linguistic use in the era of secularization and globalization. The aim is to demonstrate that Russian language possesses a strong spiritual impact; through its units, we decode theological knowledge contained in the Bible and prayers. We employ integrative methods, which are indispensable for studying such complex phenomena as culture, language, religion, and society. These methods include both general scientific methods (observation, description, generalization) and modern techniques of discourse and cognitive analysis. These methods allow us to uncover holistic knowledge about God, language, humanity, and the world. The research material includes religious texts, words, and utterances, as well as units of the modern Russian language that convey spiritual meaning. As a result, it was established that Russian language not only shapes but also preserves the spirit of Russian people. Therefore, it is impossible to understand Russians without taking into account the religious knowledge that permeates all Russian culture. Moreover, without the concept of God, it is impossible to understand the scientific world picture, including the picture of the world depicted by language. A number of unresolved issues remain in contemporary Russian studies; for example, the problem of the deep sacred meanings that are evident in modern language words has been barely explored. The significance of this work lies in the attempt to transcend rational knowledge into intuitive and theological understanding, which will be facilitated by the combined efforts of religious and scientific knowledge. The main conclusion of the study is that one of the most important functions of language is transcendental, aimed at the formation and representation of the deep spiritual meanings of linguistic culture.

Keywords: Bible, Russian language, spirituality, spirit, theology, model of religious linguistic personality

For citation: Maslova, V. A. (2026). Russkiy yazyk kak dukhovnoe prostranstvo naroda [Russian Language as the Spiritual Space of Russian People]. *MGIMO Journal of Language Research and Teaching*, 12(2), 100–111. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2026-2-47-100-111> (In Russian).

1. Введение

Язык представляет собой сложный феномен, который с одной стороны формирует духовное пространство народа, а с другой — сам является порождением Духа, даром Бога человеку. Без языка невозможна никакая человеческая деятельность — наука, искусство, обучение, воспитание, исповедь, молитва. Ещё В. фон Гумбольдт утверждал, что языки — это орудия, с помощью которых осуществляется важнейшая для человека духовная деятельность (Гумбольдт, 2000, с. 68–69).

В современной лингвистике всё более отчётливо осознаётся, что язык не может быть сведён ни к системе знаков (как это было во времена Ф. де Соссюра), ни исключительно к когнитивной или коммуникативной функции. Язык — это способ бытия человека в мире, его духовная экзистенция. Именно поэтому лингвисты в лице её ярких представителей, таких, как В. фон Гумбольдт, Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Владимирова, В. Б. Касевич, В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитина, Е. В. Плисов, В. И. Постовалова и др., все более учитывают взаимосвязь религии, культуры, социума и языка (Арутюнова, 1999; Вальтер, 2020; Владимирова, 2025; Воробьева, 2024; Голубева, 2013; Гумбольдт, 2000; Касевич, 2004; Мокиенко, Никитина, 2023; Плисов, 2013, 2023; Постовалова, 2022). Например, В. фон Гумбольдт утверждал, что язык и дух народа «составляют исключительно и нераздельно одно и то же действие интеллектуальных способностей» (Гумбольдт, 2000, с. 68). Н. Д. Арутюнова считает, что за языком «стоит духовная жизнь людей» (Арутюнова, 1999, с. 657–658). Эти положения, высказанные ещё в XIX — конце XX века, сегодня обретают новое звучание в контексте теолингвистики и лингвокультурологии, которые возвращают языку его сакральное измерение.

Любой национальный язык — это духовное достояние, форма существования духовной жизни, совокупность духовных представлений. Именно через язык человек постигает не только окружающий мир, но и своё внутреннее пространство — свою душу, совесть, веру, сомнения, надежды. Язык мудрее и сильнее человека, потому что, согласно христианскому вероучению, вначале Господь создаёт Слово, через которое появляется человек и народ как соборная личность. В русской лингвистической и культурной традиции заложено видение языка как духовной сущности; даже сами слова культура и культ являются этимологически родственными, что указывает на изначальную связь культурной деятельности человека с религиозным почитанием высших сил.

Е. М. Верещагин отмечал, что высокая насыщенность русского языка православными реминисценциями и обращение к России как к православной стране позволяют, с определенными оговорками, говорить о русском языке как о языке православном (Верещагин, 2007, с. 2). Можно сказать, что вся классическая русская литература вышла из оды «Бог» Г. Р. Державина, а традиция духовного стиха и житийной литературы определила нравственный пафос творчества Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, И. С. Шмелёва. Для Иоанна Сан-Францисского (Шаховского) истинная культура заключалась в связи человека с Творцом и всем миром (Иоанн Шаховской, 1999, с. 173). В. фон Гумбольдт утверждал, что языки — это и источники, питающие всю культуру своими интуициями (Гумбольдт, 2000, с. 72). Отсюда следует, что именно с помощью языка мы способны постичь традиционную для Руси православную культуру, на которой основана целостность нации.

Лингвистика всегда интересовалась духовной сущностью языка, а язык считался специфическим способом духовной деятельности человека, с его помощью формировалось его религиозное мировоззрение. Религия — от лат. *religare* — «связывать», является особой формой одновременно мировоззрения и мироощущением, при которой человек начинает осознавать свою связь с Высшими силами. Эта связь опосредована языком: через молитву, проповедь, исповедь, чтение Священного Писания человек вступает в диалог с Абсолютом. Ю. С. Степанов утверждал, что объединить Божественную теорию, теорию языка, теорию человека и теорию вселенной готова именно русская лингвокультура (Степанов, 2001, с. 5–7).

Значимость данного исследования определяется не только научными, но и мировоззренческими причинами. В эпоху секуляризации и глобализации многие традиционные духовные смыслы вытесняются из повседневного языкового обихода, уступая место прагматике и информационной

функции языка. Однако, как показывают наблюдения, даже в современном русском языке сохраняются «мерцающие» сакральные смыслы, которые актуализируются в определённых контекстах — в молитве, в поэзии, в моменты душевного перелома (Маслова, 2022, с. 183–189). Задача лингвиста — не констатировать утрату, а реконструировать то, что продолжает жить в глубине языкового сознания носителей.

Цель настоящего исследования заключается в обосновании положения о русском языке как о языке с доминантным духовным началом и в декодировании богословских смыслов, объективированных в различных языковых единицах современного русского языка.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: 1) проанализировать теоретические подходы к пониманию духовной природы языка в отечественной и зарубежной лингвистике; 2) разработать интегративную методику анализа, сочетающую дискурсивный, когнитивный, герменевтический и теолингвистический подходы; 3) выделить и систематизировать единицы русского языка, несущие духовные смыслы (библейские фразеологизмы, лексемы с утраченной религиозной семантикой, молитвенные тексты, церковнославянизмы); 4) построить полевую модель духовного пространства русского языка; 5) обозначить перспективы дальнейших теолингвистических исследований.

Теоретическая значимость исследования заключается в создании авторской интегративной методики анализа языкового пространства и построении основанной на ней полевой модели духовного пространства русского языка, что открывает дальнейшие перспективы исследования в аспекте теолингвистических исследований.

Практическая ценность работы обусловлена перспективой применения полученных результатов для анализа других, в первую очередь славянских, языков и иных конфессиональных вариантов русского языка.

2. Материал и методы

В работе используются интегративные методы, необходимые для исследования таких сложных феноменов, как культура, язык, религия и социум. Среди общенаучных методов применяются наблюдение (сбор и первичная фиксация языковых единиц), описание (систематизация и классификация материала) и обобщение (формулировка выводов о структуре духовного пространства). Наряду с ними используются специальные лингвистические методы. Дискурсивный анализ применяется к религиозным текстам (молитвам, псалмам, проповедям): анализируются композиция, риторические приёмы (анафора, риторические вопросы, повторы) и суггестивный потенциал. Когнитивный анализ направлен на выявление концептов, структурирующих духовное пространство (Бог, душа, вера, покаяние, благодать), с использованием методики концептуального анализа, включающей понятийный, образный и ценностный компоненты. Герменевтический анализ необходим для интерпретации сакральных текстов, он позволяет «вычитывать» скрытые смыслы с опорой на святоотеческие толкования. Теолингвистический анализ представляет собой комплексную методику, разработанную В. И. Постоваловой, и включает анализ религиозного дискурса, изучение конфессиональной лексики и реконструкцию богословских смыслов в светских контекстах (Постовалова, 2003, 2022). Этимологический и историко-семантический анализ используется для слов, утративших религиозную семантику, и позволяет восстановить их исходное значение. Наконец, метод полевого моделирования применяется для структурирования духовного пространства языка путём выделения ядра, периферии и интерпретационной зоны.

В статье материал исследования охватывает как сакральные тексты, так и светские языковые единицы, в которых сохраняются или «мерцают» духовные смыслы:

1. Тексты религиозного характера — Священное Писание (Ветхий и Новый Завет), молитвы православного богослужения (например, «К кому возопию, Владичице?», величальная молитва Ефросинье Полоцкой, 50-й псалом, молитвы Оптинских старцев), псалмы, проповеди.
2. Единицы современного русского языка, несущие духовный смысл: Библейские фразеологизмы (как адаптированные: *зарыть талант в землю*, *блудный сын*, *вавилонское столпотворение*,

соль земли, Фома неверующий, хлеб насущный; так и неадаптированные: *яко тать в нощи, притча во языцех, Врачу, исцелися сам*); слова с утраченной религиозной семантикой (*убогий, ревность, тёплый, честь, прелесть, страсть*); слова с префиксоидами *благо-, добро-, сие-, свято-* (*благословение, благодать, благоговение, добродетель, суеверие, святотатство* и др. — всего более 200 единиц); церковнославянизмы (*глава, глас, врата, млеко, свеща*).

3. Высказывания из Библии (например: «В начале было Слово», «Не хлебом единым жив человек», «Блаженны нищие духом»).

4. Примеры из русской художественной литературы XIX–XX веков (А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, Н. В. Гоголь, А. А. Ахматова).

5. Данные этимологических и толковых словарей (В. И. Даль, С. И. Ожегов, Ю. С. Степанов).

3. Результаты и дискуссия

Как свидетельствует современная филология, невозможным становится обращение к языку исключительно как к системе знаков, а также изучение языка в процессах концептуализации мира или коммуникации. Язык представляет собой сущность, не просто сохраняющую, но формирующую духовность говорящего человека. Русский язык хранит в себе дух русского народа (согласно знаменитому высказыванию А. С. Пушкина: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет...»), почти любое слово русского языка не просто транслирует информацию, но освещает светом Истины, вразумляет, одухотворяет, помогает направить в нужное русло поведение, поэтому понять русского человека и его характер нельзя без учета духовных ценностей и языка, формирующих нравственные устои нации. В языке зафиксированы духовные законы, которые изложены в Библии: это 10 заповедей в Ветхом Завете и 9 блаженств евангельских в Новом. Не случайно и на современном этапе развития русский язык не утратил определенные трансцендентные религиозные смыслы, оказывающие заметное влияние на формирование духовности не только отдельного человека, но и духовного кода всей нации. Например, в современном языке используются как синонимы *Родина, Отечество, Отчизна*, более того, большинство словарей толкует их одно через другое: *Родина – это отечество, отчизна*¹. Однако изначально эти слова имели разный духовный смысл: если в слове *Родина* на первый план выходит материнская, женская ипостась Бога (ср. образ Родины-матери), то в словах *Отечество, Отчизна* – сам Бог (*Отец небесный*). Как видим, хотя в современном языке вытесняется одухотворенный смысл, он все же мерцает как глубокий. Такие изменения в современном языке, если они не единичны, приводят к разрушению русского духовного кода, в котором заключена наша сила. В то же время именно русский духовный код представляет собой культурные скрепы народа. Они важны потому, что именно как обмен культурой начинается духовное общение людей, их сотрудничество. На это обратил внимание еще В. фон Гумбольдт, отметив, что язык представляет собой акт духа и «подлинно творческое действие» (Гумбольдт, 1984, с. 197).

В статье выявлена структура русского духовного пространства (ядра, периферии и интерпретационной зоны): это важнейшие ценности русской лингвокультуры, они же являются ментальными сущностями (концептами), на которых основаны наши представления о Боге. Такое понимание языка позволяет говорить о расширении горизонтов лингвистики, в понимании Ю. С. Степанова (Степанов, 2010).

В. И. Постовалова пишет о переходе в скором будущем на антропокосмическую парадигму (Постовалова, 2022), в которой язык следует рассматривать не только в триаде **язык – человек – культура**, но к ней добавляются еще два параметра – **Бог – космос**. Именно в рамках данной парадигмы лежит видение языка как духовной реальности. А сам человек понимается как образ и подобие Божие.

¹ Толковый словарь С. И. Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=27205> (дата обращения 12.03.2026)

В традиционной лингвистике считается, что структурное разнообразие языков – это только разная техника, разные средства выражения, а сами возможности передать определенное содержание принципиально равны. Но это не так. Русский язык явился четвертым языком земли, на котором распространялось слово Божие: это древнееврейский, латинский, греческий и славянский. Все названные языки считались священными. Таким образом, с принятием Христианства в 988 г. русский язык получил «христианизацию» (термин В. Н. Топорова (1995)).

Духовный аспект слова может быть исследован на материале Библии, например, таких разделов, как Книг пророков и Книга Царств, Пятикнижие Моисея; для православных христиан особенно важно для исследования Четвероевангелие, Соборные послания апостолов, Откровение Иоанна Богослова и др.

В современной теолингвистике предлагается исследовать такие аспекты: 1. Как язык Священного писания повлиял на русский язык. 2. Изучаются слова и выражения, заимствованные из Библии и вошедшие в современный язык почти без изменения значений: *соль земли; Фома неверующий; хлеб насущный*. 3. Слова и выражения не библейского происхождения, но необходимые в современной церковной жизни: *амвон, катехизация, старчество, проповедь* и др. 4. Русские слова, некогда имевшие связь с Богом, но утратившие ее, о чем свидетельствуют их современные словарные значения, но все же в них содержатся скрытые религиозные смыслы. Например, такое слово, как *убогий* (означало *быть у Бога*, теперь значит *неполноценный*, но в молитвах мы просим что-то себе *убогим*); *ревность* – ранее использовалась только как *ревность к Богу*. Слово *теплый* тоже ранее понималось как «ревностный», а на сегодняшний день перешло в сферу эмоций, осознаваемое современным носителем русского языка как негативно окрашенное чувство. В связи с этим сегодня потребуется проведение этимологического и исторического анализа для понимания такого выражения как «теплая предстательница», которое относится к Богородице (Постовалова, 2003, с. 114-166)

Слово в современном языке означает «нечто среднее между горячим и холодным, умеренно горячее», а Святые Кирилл и Мефодий создали для нас письменность, это очень важно, но еще на базе нескольких славянских наречий ими был создан язык, способный передавать главное – христианскую духовность. О категории возвышенного писал еще Н. В. Гоголь, подчеркивая заимствование таких единиц в русскую речь из церковно-библейского языка. Русский язык тесно связан с церковнославянским, что делает его в сакральном в большей степени, нежели другие современные языки. В этом контексте Н. С. Трубецкой связывал основную особенность русского литературного языка с взаимосвязью церковнославянской и великорусской стихиями, что способствует его исключительному положению (Трубецкой, 1995, с.17).

О тесной связи русского и древнеболгарского (старославянского) языков говорят фразеологизмы, в которых до сих пор хранится вся культура в ее нюансах, включая религиозную составляющую. Библейским фразеологизмам уделяется пристальное внимание в работах В. М. Мокиенко (Мокиенко 2022; Мокиенко, Никитина, 2023). Библейские фразеологизмы неоднородны: часть из них менее адаптировалась русским языком с точки зрения фонетики, грамматики, словообразования (*яко тать в нощи; притча во языцех; Врачу, исцелися сам* и др.); сюда же следует отнести и фразеологизмы с архаичной лексикой (*без зазрения совести; лезть на рожон; земная юдоля* и под.). Но значительная часть русской фразеологии хорошо адаптирована: *зарыть талант в землю, блудный сын, Вавилонское столпотворение, избиение младенцев* и др. Некоторая непонятность библейских фразеологизмов придает русскому языку особую экспрессию и способствует рождению нового образа.

Любой обыденный язык – это своего рода кладезь «опыта мира», поэтому он ценен сам по себе, а язык Священного писания – это не только основной источник знаний о Боге, но и «духовная пища, которая делает душу сильную, твердую, мудрую» (Иоанн Златоуст), отсюда его особая ценность, вне зависимости от того, насколько понятен его смысл. Так, в величальной молитве Ефросинье Полоцкой мы воспринимаем волшебное обаяние почти всех слов: «*Ублажаем тя, преподобная мати наша Ефросиние и чтим святую память твою, неставнице монахинь и собеседница Ангелов*» – мы чтим ее святую память, ибо она есть *собеседница Ангелов* и мать Полоцкой земли.

Во многих священных текстах особую силу и ценность приобретают символы Света – *озари светом, воспламени любовью*. В первом послании от Иоанна говорится, что «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (1 Ин. 1:5). В современном русском языке много слов, передающих свет Божий и его энергию: *светозарность, лучезарность, светоносность, искрометность* и др. Стихия огня связана с мифологическими представлениями древних славян, но и в современном христианском богослужении присутствует огненная стихия – зажигание свечей, люстр (как символа солнца).

Неподражаемы по красоте языка молитвы Оптинских старцев, 50-ый псалом, многие молитвы святым, например, молитва пресвятой Богородице перед иконой «Похвала Богоматери»: *К кому возопию, Владичице? К кому прибегну в горести моей, аще не к Тебе, Царице Небесная? Кто плач мой и воздыхание мое примет, аще не ты, Пренепорочная?*... Нанизывание вопросительных предложений в этой молитве передает взволнованность, которая созвучна чувствам многих русских людей.

В молитвах и других священных текстах, звучащих на русском языке, мы слышим благотворное влияние церковнославянского (древнеболгарского) языка, который является главным источником силы и красоты. Что касается красоты, то обозначая мир, слово как бы творит его еще раз, а мир, созданный Слово Божиим, красив сам по себе. Думается, что категория эстетического характеризует весь язык, а не только художественные тексты. Мы восхищаемся силой языка, его тонкостью, его загадочностью. П. А. Флоренский отмечал особую суггестивную мощь, которая заложена в языке (Флоренский, 2004). Следовательно, в слове заключен не только смысл; оно представляет собой своеобразные вместилище и проводник энергии. Сила слов неоднократно отмечается и в Библии. Наиболее известное выражение – «Вначале было Слово. Слово было у Бога. Слово было Бог» [Библия, Ин., 1:1] или в Книге Екклесиаста читаем: «Слова мудрых – как иглы и как вбитые гвозди...».

О языке как «имманентном произведении духа», который определяет многие качества человека, писал, например, Г. Шпет (Шпет, 1999, с. 35). Язык настолько пронизан культурой (в том числе религиозной), что он способен формировать национальный характер. Известно, что в характере сочетаются природное и социальное. Природное от Бога, социальное – от общества: воспитание, обучение, общение и т.д. На обе ипостаси характера оказывает влияние язык, который является видоспецифической характеристикой человека. Русский язык отличается отсутствием большой логики (*хор – единственное число, водка мягка, сигареты легкие*), но поражает возможностью хранить глубинные смыслы, которые искрой пробиваются в юморе, иронии (*Люди с золотыми сердцем, стальными нервами и железным здоровьем не могут быть легкими; Почему летающий мужчина – это супермен, а летающая женщина – ведьма?*).

Отсутствие логики здравого смысла видим во фразе *Ничего себе!* Она в русском языке означает удивление. Как это объяснить? Возможно, это связано с функционированием местоимения *себя*, которое в языке может выполнять функцию и местоимения, и частицы, изменяясь подобно существительному по падежам: *себя, себе* и т.д. Подобное возможно только в русской языковой системе, потому что русское слово как раз так функционирует, обогащаясь, – через семантическое включение и транспозиции. В связи с этим на «неправильность» многих русских высказываний указывала А. Вежицкая (Вежицкая, 1996). Думается, что данные примеры показывают желание русского человека охватить и объяснить весь мир сразу и со всех сторон, и в этом тоже проявляется широта русской души, по Н. А. Бердяеву (2024).

Духовной силой, явленной нам в языке, пронизана Библия, писания отцов церкви, предания, молитвы. На основе анализа данного материала можно заключить, что духовное пространство русского языка имеет полевую структуру с ядром, в центре которого размещаются *Бог, Троица, Матерь Божия*, которая считается равной лицам Троицы. Каждая из названных сущностей имеет много имен, так у Бога их более 500 – *Яхве, Господь, Вседержитель, Спаситель, Создатель, Творец, Чело-веко-любче, Владыка, Уте-шитель, Царю Небесный* и т.д.; «Бог беспределен и непостижим, и одно в нем постижимо – Его беспредельность и непостижимость» (Св. Иоанн Дамаскин). Много имен и у *Богородицы*: она *Царица Небесная, Заступница человека, Пресвятая, Пресветлая* и т.д.

Вокруг ядра располагаются – важнейшие христианские ценности: *Богопознание, Вера, Воскресение, Душа, Спасение, Покаяние* и т.д. На следующем слое периферии находятся слова *Церковь, Крест, Икона, Храм* и др. Существует также обширная интерпретационная зона, включающая в себя наиболее важные для русского православного мировосприятия понятия как *Колокол, Свеча, Молитва, Пост, Милостыня, Чудо* и др.

Интерпретационная зона обладает своей периферией, куда входят достаточно важные для русских людей ценности, нравственные нормы и установки: *Добро, Любовь, Дружба, Милость, Сопереживание, Сочувствие* и др.

Основные духовные ценности русской лингвокультуры представляют собой все поле русского духовного пространства, образуя ядро духовных концептов. На духовных концептах, в свою очередь, основаны представления русского народа о Боге и мире. Большинство из них двулики, ибо содержат в себе духовный (сакральный) и светский смыслы одновременно, поэтому все зависит от акцента, который ставит исследователь при их реконструкции. В качестве примера подобных ценностей приведем ценности *вера, надежда, грех, счастье, любовь* и др. Будучи помещенными в художественный текст или реальное общение, данные сущности в большинстве случаев утрачивают свою божественную высоту. В частности, *любовь* предстает в большинстве случаев как взаимоотношение полов, а *счастье* – как эмоция, сопровождающая достижение жизненного успеха. Из приведенных примеров видно, что эти слова обедняются и упрощаются ввиду утраты **полного библейского объема слова**.

Однако, перечисленные процессы затрагивают не только само слово как единицу языка. С потерей словами божественных смыслов исчезают важнейшие понятия в русской лингвокультуре. Например, в русском языковом сознании существуют заимствованные из греческого языка сложные слова с составной частью *благо-, досто-, сует-, добро-* (*благословение, благодать, благоговение, благоухание, добропорядочность, суета* и др.). Современный русский язык включает в себя свыше 200 подобных слов, многие из которых уже утратили свои глубинные сакральные значения. Эти слова лишаются своей духовной ценности, теряя также и выражаемые ими понятия. А ведь язык живет в нейронах мозга в виде архепамяти, а сам язык является культурной силой (Малиновский, 2005). Например, слова *благополучие, благосостояние* потеряли божественную высоту, утратив вместе с тем великую философию в своей первой части *благо*, связанную со словом *благодать*. По словам Старца Иосифа, уход слова – это не трагедия, но потеря смысла и некоторого особого взгляда на мир. Приведем еще один пример: в христианстве Благим (Всеблагим) именуют Бога [Мф., 19:17], который дарует человеку блага. А сам человек при таком понимании уподобляется кристаллу, сквозь который просматривается Вселенная в ее божественном воплощении.

Рождение Иисуса Христа ознаменовало новую эру, в которой усилилась роль Слова: «*Не хлебом единым живет человек, но всяким словом Божиим*». И здесь расширилось исследовательское пространство для лингвистики, которая исследует не только язык Священного писания вообще (Постовалова, 2022), но и механизмы того, как русское слово веками хранит в себе религиозные смыслы, хотя исследуется это, как правило, с позиции этимологии языка. В русистике на достаточно высоком уровне нашло отражение проблемы, связанные с изучением религиозного дискурса, религиозной картины мира, религиозных концептов, а также текстологии сакральных текстов, включая народную конфессиональную герменевтику. В частности, указанными исследованиями занимался Е. М. Верещагин (Верещагин, 2007). Но перед русистикой встают новые проблемы: как язык формирует духовный опыт народа, какая именно лексика сохранила отголоски духовного содержания, какова роль глубинных смыслов в этих процессах? Так, в современном русском слове *честь* не сохранились духовные смыслы (честный человек – это...), однако их отблески прорываются из глубины, поэтому нам понятны слова богословских текстов – *всечестные отцы*, понятны и многие пословицы и поговорки *Честь тверда, в слове стойка², По заслугам и честь*.

² Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. URL: https://philolog.petrus.ru/vdahl/projects/slovar/index.php?mode=find-fragments&word_text=%D1%87%D0%B5%28%D0%B8 (дата обращения: 28.03.2026)

Здесь *честность* = *святость*. Как видим, сознание русского человека хранит сакральные смыслы многих слов и выражений, чутко относится к тонкостям религиозной культуры.

Проведённое исследование, несмотря на полученные результаты, имеет ряд объективных **ограничений**, которые следует учитывать при интерпретации выводов и их экстраполяции. Выводы о «мерцании» сакральных смыслов в словах, утративших религиозную семантику (*убогий*, *ревность*, *честь*), основаны на этимологической реконструкции и интроспекции автора. В работе не проводились психолингвистические или ассоциативные эксперименты, которые могли бы подтвердить, актуализируются ли эти смыслы в сознании современных носителей языка. Исследование носит преимущественно качественный характер. Не подсчитывалась частотность употребления слов с утраченной религиозной семантикой в разных жанрах (проповедь vs светская беседа vs интернет-дискурс), не применялись методы корпусной лингвистики. Исследование выполнено в рамках православной традиции и на материале русского языка. Выводы не могут быть автоматически распространены на другие славянские языки (украинский, белорусский, польский, чешский) или на другие конфессиональные варианты русского языка (старообрядческий, греко-католический).

4. Заключение

Язык не просто классифицирует элементы опыта народа, и, помимо общечеловеческого, хранит национальный опыт, национальные ценности. И этим объясняется наличие большого количества, по сравнению с другими языками, экспрессивных слов, частотность восклицательного знака, особенности построения предложения и др.

Русский язык представляет собой духовное достояние и святыню народа, он закрепил в себе форму и способ его духовной жизни. Поэтому все чаще отмечается, что без идеи Бога нельзя составить научную картину мира (Маслова, Пименова, 2018). Однако множество вопросов еще остаются нерешенными, например, почти не разработана проблема глубинных сакральных смыслов (Маслова, 2022), которые мерцают сквозь слово. Выйти за пределы рационального познания в интуитивное поможет объединение усилий религиозных и научных знаний, что мы, наконец, осознали.

Формирование и сохранение духовности народа, в частности, русского народа, происходит посредством языка. Именно языковые единицы могут отражать и удерживать духовность социума в целом и человека в частности, включая в себя глубинные трансцендентные смыслы, не в полной мере доступные для рационального осмысления, но интерпретируемые и осознаваемые носителями русской лингвокультуры. При этом сама духовность связана, в первую очередь, с трансцендентным планом бытия и может быть в определенной мере отражена посредством языка.

Перспективы исследования связаны с возможностью проведения психолингвистических и ассоциативных экспериментов, количественного подсчета частотности употребления лексики с утраченной религиозной тематикой в различных жанрах, а также обращение к другим славянским языкам и иным конфессиональным вариантам русского языка.

© В. А. Маслова, 2026

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. Москва : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Бердяев Н. А. Русская идея. Москва : Эксмо, 2024. 384 с.
- Вальтер Х. Национально-культурная маркированность библейских выражений и афоризмов русского языка (лингвострановедческая зона русско-белорусского словаря библеизмов с соответствиями в немецком языке) / Х. Вальтер, Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко // Но мы сохраним тебя, русский язык! : Коллективная монография, посвященная 90-летию академика Виталия Григорьевича Костомарова. Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. Москва : Общество с ограниченной ответственностью «ФЛИНТА», 2020. С. 134-158. EDN IOFMQF.
- Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. Москва : Русские словари, 1996. 416 с.
- Верещагин Е. М. Русский язык и российское православие: Общефилологическая проблематика // XI Конгресс МАПРЯЛ, Болгария, Варна, 17-22 сентября 2007 года. Москва : Институт русского языка В. В. Виноградова РАН, 2007. С. 22-30.
- Владимирова Т. Е. Библейские концепты в русском языке: взаимосвязь сакральных, языковых и культурных смыслов // Русистика. 2025. Т. 23, № 3. С. 385-398. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-3-385-398>.
- Воробьева С. Н. Символический образ как средство вербального представления о Боге // Язык и религия : Сборник статей Международной научной конференции, Москва, 20-21 октября 2022 года. Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», 2024. С. 44-53. EDN UWXNYF.
- Голубева Н. А. Прецедентные единицы в религиозном дискурсе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2013. № 23. С. 26-34. EDN RDOXPH.
- Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. под ред. Г. В. Рамишвили. Москва : Прогресс, 1984. 400 с.
- Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. Москва : Прогресс, 2000. 400 с.
- Иоанн Шаховской (архиепископ Сан-Францисский). Избранное : в 2 т. Нижний Новгород : Издательство Братства во имя святого Александра Невского, 1999. Т. 1. 400 с.
- Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. 2-е изд.. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. 281 с. ISBN 5-288-03549-0. EDN QTSFON.
- Малиновский Б. Научная теория культуры / пер. с англ. И. В. Утехина; сост. и вступ. ст. А. К. Байбурина. 2-е изд., испр. Москва: ОГИ, 2005. 184 с.
- Маслова В. А. Синтагматические связи как источник глубинных смыслов в языке и тексте // Язык и ментальность в диахронии : Сборник научных трудов III Всероссийского научного семинара с международным участием для молодых ученых, Владимир, 28-30 сентября 2021 года. Владимир : Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 2022. С. 183-189.
- Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры. 3-е издание, стереотипное. Москва : Общество с ограниченной ответственностью «ФЛИНТА», 2018. 180 с. EDN COXULF.
- Мокиенко В. М. Библейская фразеология: непонятное в понятном // Наследие Библии в языках и культурах народов России и Беларуси : монография / Е. Е. Иванов, В. А. Маслова, В. М. Мокиенко. Москва : Издательство РУДН, 2022. С. 84-100.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Библейские фразеологизмы и поговорки в современном социокультурном контексте: к концепции словарной репрезентации // Научный диалог. 2023. 12(8). С. 193-210. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-8-193-210>
- Плисов Е. В. Немецкий религиозный текст в условиях поликонфессиональности: Монография. Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2013. 160 с.
- Плисов Е. В. Язык и религия: аспекты взаимодействия // Религия, культура, язык в России и за рубежом : Сборник тезисов выступлений по материалам международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 15 сентября 2023 года. Под редакцией В. М. Строгоцкого. Том Выпуск I. Нижний Новгород: Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования «Нижегородская духовная семинария Нижегородской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)», 2023. С. 104-109. EDN TDMZPA.
- Постовалова В. И. Религия, наука и философия в концепции цельного знания А. Ф. Лосева // Христианство и наука : Сборник докладов по результатам X Международных Рождественских образовательных чтений : Москва : Отдел религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви, 2003. С. 114-166.
- Постовалова В. И. Теолингвистика. Истоки. Основания. Концепты. Москва : Институт языкознания РАН, 2022. 1048 с.
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд. Москва : Школа «Языки русской культуры», 2001. 990 с.
- Степанов Ю. С. Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словесности». Калуга: Эйдос, 2010. 168 с.
- Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре : в 2 т. Т. 1 : Первый век христианства на Руси. Москва : Гнозис : Школа «Языки русской культуры», 1995. 875 с.
- Трубецкой Н. С. История. Язык. Культура. Москва : Прогресс, 1995. 799 с.
- Флоренский П. Философия культа (опыт православной антропологии). Москва : Мысль, 2004. 685 с.
- Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова. Этюды и вариации на темы Гумбольдта. Иваново : ИГУ, 1999. 306 с.

References

- Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world] (2nd ed.). Yazyki russkoy kultury. (In Russian)
- Berdyayev, N. A. (2024). *Russkaya ideya* [The Russian Idea]. Moscow, Eksmo. (In Russian)
- Florensky, P. (2004). *Filosofiya kulta* [Philosophy of cult]. Mysl. (In Russian)
- Golubeva, N. A. (2013) Precedentnye edinicy v religioznom diskurse [Precedent Units in Religious Discourse]. *Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin (LUNN Bulletin)*, 23, 26-34. EDN RDOXPH. (In Russian)
- Ioann Shakhovskoy (Archbishop of San Francisco). (1999). *Izbrannoe: In 2 vols.* (Vol. 1). Izdatel'stvo Bratstva vo imya svyatogo Aleksandra Nevskogo. (In Russian)
- Kasevich, V. B. (2004). *Buddizm. Kartina mira. Yazyk.* [Buddhism. Worldview. Language]. Saint-Petersburg, St. Petersburg University Publishing House. EDN QTSFOH. (In Russian)
- Malinovskiy, B. (2005) *Nauchnaya teoriya kul'tury* [Scientific Theory of Culture], Transl. by Utekhin I. V., Ed. Baiburina A. K. (2nd ed.). Moscow, OGI. (In Russian)
- Maslova, V. A. (2022). Sintagmatische svyazi kak istochnik glubinnnykh smyslov v yazyke i tekste [Syntagmatic connections as a source of deep meanings in language and text]. In *Yazyk i mental'nost' v diakhronii: Proceedings of the III All-Russian Scientific Seminar with International Participation for Young Scientists* (pp. 183–189). VGU. (In Russian)
- Maslova, V. A., Pimenova, M. V. (2018) *Kody lingvokul'tury* [Codes of the Culture] (3rd ed.). Moscow, FLINTA. EDN COXULF. (In Russian)
- Mokienko, V. M. (2022). Bibleyskaya frazeologiya: Neponyatnoe v ponyatnom [Biblical phraseology: The incomprehensible within the understandable]. In E. E. Ivanov, V. A. Maslova, & V. M. Mokienko, *Nasledie Biblii v yazykakh i kul'turakh narodov Rossii i Belarusi* (pp. 84–100). RUDN University. (In Russian)
- Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2023) Biblejskie frazeologizmy i paremii v sovremennom sociokul'turnom kontekste: k koncepcii slovarnoj reprezentacii [Biblical Phraseological Units and Proverbs in Modern Sociocultural Context: Dictionary Representation]. *Nauchnyi dialog*, 12(8), 193-210. (In Russian) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-8-193-210>
- Plisov, E. V. (2013) *Nemeckij religioznyj tekst v usloviyah polikonfessional'nosti* [German Religious Text in a Multi-Confessional Environment]. Moscow, RANEPa Publ. (In Russian)
- Plisov, E. V. (2023) Yazyk i religiya: aspekty vzaimodeystviya [Language and Religion: Aspects of Interaction]. In *Religion, Culture, and Language in Russia and Abroad: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Nizhny Novgorod, September 15, 2023. Ed. by V. M. Strogetsky. Vol. I.* Nizhniy Novgorod, 104-109. (In Russian)
- Postovalova, V. I. (2003). *Religiya, nauka i filosofiya v kontseptsii tsel'nogo znaniya A. F. Loseva* [Religion, science and philosophy in A. F. Losev's concept of integral knowledge]. In *Khristianstvo i nauka: Collection of reports* (pp. 114–166). Otdel religioznogo obrazovaniya i katekhizatsii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. (In Russian)
- Postovalova, V. I. (2022). *Teolingvistika. Istoki. Osnovaniya. Kontsepty* [Theolinguistics. Origins. Foundations. Concepts]. Institut yazykoznaniya RAN. (In Russian)
- Shpet, G. G. (1999). *Vnutrennyaya forma slova. Etyudy i variatsii na temy Gumbol'dta* [The inner form of the word. Studies and variations on Humboldt's themes]. IGU. (In Russian)
- Stepanov, Yu. S. (2001). *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian culture] (2nd ed.). Shkola "Yazyki russkoy kul'tury". (In Russian)
- Stepanov, Yu. S. (2010). *Myslyashchij trostnik. Kniga o «Voobrazhaemoj slovesnosti»* [The Thinking Reed: A Book on "Imaginary Literature"]. Kaluga, Eidos.
- Toporov, V. N. (1995). *Svyatost' i svyatye v russkoy dukhovnoy kul'ture* [Holiness and Saints in Russian Spiritual Culture] In 2 vols. (Vol. 1: Pervyy vek khristianstva na Rusi). Gnozis; Shkola "Yazyki russkoy kul'tury". (In Russian)
- Trubetskoy, N. S. (1995). *Istoriya. Yazyk. Kul'tura* [History. Language. Culture]. Progress. (In Russian)
- Vereshchagin, E. M. (2007). Russkiy yazyk i rossiyskoe pravoslavie: Obshche-filologicheskaya problematika [Russian language and Russian Orthodoxy: General philological issues]. In *Report at the XI Congress of MAPRYAL, September 17-22, 2007, Bulgaria, Varna* (pp. 22–30). Institut russkogo yazyka V. V. Vinogradova RAN. (In Russian)
- Vladimirova, T. E. (2025) Biblejskie koncepty v russkom yazyke: vzaimosvyaz' sakral'nyh, yazykovykh i kul'turnykh smyslov [Biblical concepts in the Russian language: the interaction of sacred, language and cultural meanings]. *Russian Language Studies*, Vol. 23 (3), 385-398. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-3-385-398>. (In Russian)
- Von Humboldt, W. (1984). *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected works on linguistics] (G. V. Ramishvili, Ed. & Trans.). Progress.
- Von Humboldt, W. (2000). *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected works on linguistics]. Progress.
- Vorobieva, S. N. (2024) Simvolicheskiy obraz kak sredstvo verbal'nogo predstavleniya o Boge [Symbolic Image as a Means of Verbal Representation of God]. In *Language and Religion: Proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, October 20–21*. Moscow: Russian State University of Technology, Design and Art named after A. N. Kosygin, 44–53. EDN UWXNYF. (In Russian)
- Val'ter, H., Ivanov, E. E., Mokienko, V. M. (2020) Nacional'no-kul'turnaya markirovannost' biblejskikh vyrazhenij i aforizmov russkogo yazyka (lingvostranovedcheskaya zona russo-beloruskogo slovaryabibleizmov s sootvetstviyami v nemeckom yazyke) [National and Cultural Marking of Biblical Expressions and Aphorisms in the Russian Language: Linguistic Area of the Russian-Belarusian Dictionary of Biblical Expressions with Correspondences in the German Language]. In *And We Will Save Your Russian language!* Moscow, FLINTA, 134-158. EDN IOFMQE.

Сведения об авторе:

Маслова Валентина Авраамовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры дошкольного и начального образования, УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова (Республика Беларусь, Витебск). Сфера научных интересов: лингвистика текста, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, психолингвистика, лингвопоэтика. E-Mail: mvavit@tut.by
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8717-9231>

About the author:

Valentina A. Maslova, Dr. habil., is Professor of Department of Preschool and Primary Education, Vitebsk State University named after P.M. Masherov (Vitebsk, Republic of Belarus). Research interests: text linguistics, cognitive linguistics, cultural linguistics, psycholinguistics, linguopoetics. E-mail: mvavit@tut.by
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8717-9231>

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare that they have no conflict of interest.

* * *

Значение лингвокультурных кодов в российском дипломатическом дискурсе

Ю. И. Плахотная

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В условиях современных межгосударственных конфликтов дипломатия становится ключевым инструментом урегулирования противоречий, поэтому изучение дипломатического дискурса является чрезвычайно важным предметом современных междисциплинарных исследований. Дипломатический дискурс как институциональный вид дискурса призван защищать интересы государства и народа, и соответственно содержит специальную лексику, которая выражает культурные особенности и национальные ценности посредством лингвокультурных кодов. Цель исследования – изучить, какие глубинные культурные смыслы и исторические нарративы актуализируются при использовании лингвокультурных кодов в современном дипломатическом дискурсе. Задачи исследования: определить особенности дипломатического дискурса, изучить значения лингвокультурных кодов как особых лексических маркеров в дипломатической речи, определить их типы в российском дипломатическом дискурсе. Термин «лингвокультурный код» наиболее распространен и подробно разработан в рамках российской лингвокультурологии, а у зарубежных исследователей чаще встречаются коррелирующие понятия: «культурный код», «код» в семиотике, «культурные модели» и «когнитивные метафоры». В данной работе мы изучили лингвокультурные коды на материале стенограмм выступлений российских дипломатов и политиков (С. В. Лаврова, В. А. Небензи, М. В. Захаровой, В. В. Путина, Е. М. Примакова и Г. М. Гатилова) и выявили следующие типы лингвокультурных кодов: исторические, духовно-нравственные, религиозно-православные и цивилизационные, которые образуют сложную взаимопроникающую аксиологическую систему, репрезентирующую национальную картину мира. Мы изучили данные коды с точки зрения лингвокультурного, аксиологического, когнитивного и исторического аспектов и определили их три основные функции в дипломатическом дискурсе: семиотическую, когнитивную и прагматическую. Как показал дискурс-анализ и контент-анализ дипломатических речей, использование кодов позволяет российской дипломатии переводить дискуссию из правовой в морально-этическую плоскость, создавать нарратив о России как о «хранителе традиций» и эмоционально усиливать аргументы, делая их более устойчивыми к критике со стороны западных оппонентов. Исследование свидетельствует о том, что лингвокультурные коды выступают не стилистическими украшениями в дипломатической речи, а дискурсообразующими концептами и эффективной «мягкой силой» в защите национальных интересов.

Ключевые слова: дипломатия, дипломатический дискурс, лингвокультурный код, лингвокультурология, аксиологический анализ, когнитивная картина мира, российский дипломатический дискурс, «мягкая сила»

Для цитирования: Плахотная Ю. И. Значение лингвокультурных кодов в российском дипломатическом дискурсе // Филологические науки в МГИМО. 2026. 12(2). С. 112–128. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2026-2-47-112-128>

Research article

Significance of Linguistic and Cultural Codes in Russian Diplomatic Discourse

Yu. I. Plakhotnaya

St. Petersburg State University,
St Petersburg, Russia

Abstract. In the context of modern interstate conflicts, diplomacy becomes a key tool for resolving contradictions, therefore, the study of diplomatic discourse is an extremely important subject of modern interdisciplinary research. Diplomatic discourse as an institutional type of discourse is called to protect the interests of the state and the people, and accordingly contains special vocabulary that expresses cultural characteristics and national values through linguistic and cultural codes. The purpose of the study is to investigate what deep cultural meanings and historical narratives are actualized when using linguocultural codes in modern diplomatic discourse. Research objectives: to determine the features of diplomatic discourse, to study the meanings of linguocultural codes as special lexical markers in diplomatic speech, to determine their types in Russian diplomatic discourse. The term “linguocultural code” is most common and developed in detail within the framework of Russian linguoculturology, and foreign researchers more often have correlating concepts: “cultural code”, “code” in semiotics, “cultural models” and “cognitive metaphors”. In this article, we have studied linguocultural codes on the material of transcripts of speeches by Russian diplomats and politicians (S. V. Lavrov, V. A. Nebenzya, M. V. Zakharova, V. V. Putin, E. M. Primakov and G. M. Gatilov) and identified the following types of linguocultural codes: historical, spiritual, moral, religious-Orthodox and civilizational, which form a complex, interpenetrating axiological system that represents the national worldview. We examined these codes in terms of linguocultural, axiological, cognitive and historical aspects and identified their three main functions in diplomatic discourse: semiotic, cognitive and pragmatic. As discourse analysis and content analysis of diplomatic speeches have shown, the use of codes allows Russian diplomacy to transfer the discussion from the legal to the moral and ethical plane, create a narrative about Russia as a «guardian of traditions» and emotionally strengthen arguments, making them more resistant to criticism from Western opponents. The study demonstrates that linguocultural codes are not stylistic decorations in diplomatic speech, but discourse-forming concepts and effective «soft power» in protecting national interests.

Keywords: diplomacy, diplomatic discourse, linguocultural code, linguoculturology, axiological analysis, conceptual worldview, Russian diplomatic discourse, «soft power»

For citation: Plakhotnaya, Yu. I. (2026). Znachenie lingvokul'turnykh kodov v rossiyskom diplomaticheskom diskurse [The significance of linguistic and cultural codes in Russian diplomatic discourse]. *MGIMO Journal of Language Research and Teaching*, 12(2), 112–128. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2026-2-47-112-128> (In Russian).

1. Введение

Современный период называют эпохой «кризиса международного порядка»¹. Чтобы описать современный миропорядок, придется перечислять все виды действующих и назревающих конфликтов, которые только возможны между государствами: военные, экономические, геополитические, ценностные, идеологические, религиозные, информационные, гибридные и другие. Любые конфликты отражают столкновение или противоречие между государствами по различным вопросам, которые так или иначе связаны с национальными интересами, а иногда с интересами отдельных личностей, партий или организаций. Эти конфликты могут быть решены с помощью дипломатии, которая призвана защищать интересы как отдельных граждан или представителей государства, которому она служит, так и целого народа. Соответственно назрела острая необходимость изучать дипломатию как сферу деятельности в различных научных аспектах: историческом, политологическом, экономическом, философском, аксиологическом, а также психологическом, культурологическом и лингвистическом.

Дж. Берридж рассматривает дипломатию как средство ведения международных дел посредством переговоров (Berridge, 2015), М. В. Беляков трактует ее как инструмент внешней политики государства (Беляков, 2011), Т. В. Бордачев считает дипломатию «искусством сглаживать противоречия» (Бордачев, 2022). Дипломатия как вид деятельности правительства, направленной на осуществление внешней политики государства, обладает своим особым типом дискурса. В лингвистической науке дипломатический дискурс рассматривают как вид политического дискурса (Беляков, 2010), (Терентий, 2010), (Зяблова, 2024). Е. И. Шейгал считает политический дискурс видом «речи, содержание которой относится к сфере политики» (Шейгал, 2005, с. 58).²

Тен ван Дейк анализирует политический дискурс в соотношении с концептами, обозначающими такие фундаментальные измерения, как «знание», «общество», «история» и «культура», чтобы более полно понять современные проблемы. По мнению ученого, дискурсы отличаются в зависимости от культуры стран, поэтому представители различных культур понимают и используют дискурсы в зависимости от их национальных обычаев и знаний (Ван Дейк, 2015, с. 34–35). Е. И. Шейгал отмечает такую специфику политического дискурса, как «постоянное акцентирование ценностей», которые «образуют концептуальную основу политического языка» (Шейгал, 2005, с. 58). «Акцентирование ценностей» также можно назвать характерной особенностью дипломатического дискурса, который предполагает защиту национальных интересов государства, а соответственно транслирует национально-культурные ценности, основанные на национальных знаниях и историческом опыте народа. Великий советский и российский политический деятель Евгений Максимович Примаков говорил, что взаимопонимание между государствами зависит от соотношения их ценностей и интересов, но не только от идентичного понимания общечеловеческих ценностей, но и от способов их достижения.³

Как отмечает М. В. Беляков, дипломатический дискурс имеет свои характерные особенности: высокий стиль речи, специальная дипломатическая лексика, дипломатические штампы, сложные синтаксические конструкции (Беляков, 2011, с. 62). А. С. Кожетева отмечает следующие конститутивные признаки дипломатического дискурса: специфические цели, стратегии и тактики, ценности, хронотоп и характеристики текстов (Кожетева, 2012, с. 58).

¹ Барабанов О. Н., Беспалов А., Бордачев Т. В., Лукьянов Ф., Сушенцов А., Тимофеев И. Доктор Хаос, или Как перестать бояться и полюбить беспорядок. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2025. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/53295/> (дата обращения: 19.02.2026).

² Дипломатия // Большой толковый словарь русского языка. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=дипломатия&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=дипломатия&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 03.02.2026).

³ Примаков Е. М. Статьи, выступления. О будущем России. Выступление от 3 марта 2013 г. Сайт института развития социально-экономических проектов и инициатив. URL: <https://irsepi.ru/primakov/articles/> (дата обращения: 15.02.2026).

Основываясь на рассмотренных лингвистических концепциях, мы будем понимать дипломатический дискурс как коммуникативный способ достижения согласия и взаимопонимания в межличностном общении между представителями государств, с целью урегулирования межгосударственных конфликтов при соблюдении национальных интересов всех сторон.

По словам А. В. Торкунова, отечественная дипломатия является частью богатой российской культуры (Торкунов, 2015, с. 189). В России существует тесная связь между дипломатией и творческой деятельностью писателей, историков, переводчиков, таких как, например, сатирик и переводчик А. Д. Кантемир, поэт Ф. И. Тютчев, литераторы: А. С. Грибоедов, И. И. Хемницер, И. Ф. Богданович (Торкунов, 2015, с. 194) и другие дипломатические деятели, которые так или иначе были связаны с литературой. Поэтому использование лингвокультурных кодов характерно и исторически обусловлено в дипломатическом дискурсе.

2. Теоретические основания исследования

Изучая историю самого понятия «код», надо сказать, что впервые оно было использовано в математике и связано с шифрами и знаками, а также с процессами кодирования и декодирования⁴ (Маслова, 2018). В психолингвистике этот термин использовался Н. И. Жинкиным в изучении процессов мышления и речи (Жинкин, 1964). В отечественной науке понятие лингвокультурного кода подробно изучено в различных аспектах таких наук, как этнопсихолингвистика, культурология, лингвокультурология, когнитология, лингвистика. В. В. Красных определяет лингвокультурный код как когнитивный конструкт, репрезентирующий культурное пространство, как «совокупность культурно значимых» единиц разного языкового уровня, которые образуют индивидуальную и коллективную картину мира. Этот код «зашифрован» в языке и «считывается» его носителями (Красных, 2002). Г. Г. Слышкин считает лингвокультурный код «устойчивой совокупностью вербальных и невербальных знаков», которые выражают «культурные смыслы в рамках определенного типа дискурса» (Слышкин, 2004). О. О. Сподарец представляет культурный код как сложную комбинацию «вербальных и невербальных знаков, прецедентов, символов, стереотипов», которые возможно понять или декодировать лишь «при последовательной расшифровке их значений и смыслов» (Сподарец, 2016). С. А. Сукало сравнивает культурные коды со «стволовыми клетками» или «культурными генами», которые несут определенную информацию и выражаются в символических формах на уровне бессознательного (Сукало, 2015, с. 124–125). Как считает А. В. Бабаева, каждая культура имеет свой язык взаимосвязанных кодов, которые образуют символические тексты (Бабаева, 2022, с. 13). С. В. Иванова делает вывод о том, что «код культуры вмещает информацию о ценностях лингвокультурного сообщества» как «концептуальных системах внутри общего кода культуры», которые образуют некую структуру и находятся в определенном соотношении к окружающей действительности (Иванова, 2011, с. 32). По мнению В. А. Масловой, культурный код представляет собой «глубинное культурное пространство», «свод ценностей» или «совокупность реалий», выражающих культурные смыслы (Маслова, 2017, с. 493). Д. В. Ефременко говорит об «укорененных в культуре константах», которые важны не только для самовосприятия общества, но и для уточнения политического курса как внутри страны, так и в ее внешнеполитической деятельности. Отказ от этих констант влечет ценностный кризис в обществе (Ефременко, 2024).

Л. П. Морина считает культурный код «формой культурного инстинкта», образующего «глубинный уровень бессознательного» личности или этноса (Морина, 2022, с. 50). Культурный код является «имплицитным механизмом» культуры, состоящим из «тела культуры» (традиций, обычаев, языка и т. д.), и формируется на протяжении веков в социально-культурном опыте народа, в особенности в процессе переживания им критических событий, что способствует формированию национального характера, культурных стереотипов и мировоззрения, запечатленного в языке (Морина, 2022, с. 52).

⁴ Аршинов М. Н., Садовский Л. Е. Коды и математика (рассказы о кодировании). М.: Наука, 1983. 144 с.

В. И. Карасик рассуждает о «лингвокультурных ценностях» как «высших ориентирах поведения», которые «определяют содержание и специфику культуры в целом» (Карасик, 2022, с. 14). По мнению ученого, «лингвокультурные ценности» зафиксированы в значениях слов и фразеологических сочетаниях, в стандартных образцах поведения, в типичных обстоятельствах, а также в развитии сюжетов художественных произведений. В. И. Карасик определяет такие типы лингвокультурных ценностей, как общечеловеческие, цивилизационные, этнокультурные, социально-групповые и индивидуальные (Карасик, 2022, с. 15). По словам Л. А. Прониной, русский язык «является одновременно источником и хранилищем культурного кода нации» (Пронина, 2023, с. 1001), как и любой другой язык.

Таким образом, лингвокультурный код в понимании российских ученых – это особый «знак», запечатленный в языке и позволяющий носителям культуры адекватно понимать и интерпретировать глубинные смыслы, стоящие за словами, текстами и поведенческими актами. Изучение культурных кодов – ключ к пониманию «души» и менталитета народа.

Культурный код в зарубежной научной школе рассматривается в аспектах семиотики, структурно-антропологических исследований, когнитивного. Базил Бернштейн ввел понятие «социолингвистического кода» («sociolinguistic code»), различая «ограниченный код» («restricted code») и «развернутый код» («elaborated code»). Эти коды, усваиваемые через семейную социализацию, определяют речевое поведение и доступ к «символическим ресурсам культуры» (Bernstein, 2003). Джон Гамперц разрабатывал теорию социолингвистического и коммуникативного подходов. Ролан Барт обозначает «культурный код» как «referential code» («референциальный код»), который отсылает к «телу знания», общему фонду стереотипов, моральных норм и «научных истин данной культуры», позволяющих читателю понимать скрытые смыслы (Barthes, 2002). Джордж Лакофф и Марк Джонсон в теории «концептуальной метафоры» («conceptual metaphor») раскрывают, как базовые метафоры (например, «argument is war», «time is money») структурируют мышление и «являются глубинными кодами культуры, отражающимися в языке» (Lakoff, Johnson, 1980). Эдвард Холл ввел дихотомию «high-context culture» и «low-context culture» («высоко-контекстуальная культура» и «низко-контекстуальная культура»), что является описанием фундаментального культурного кода, определяющего, насколько информация эксплицитна в сообщении, а насколько скрыта в контексте и общих знаниях (Hall, 1976). Умберто Эко в труде «A Theory of Semiotics» понимает код как «корреляцию между означающим и означаемым», подчеркивая роль кодов восприятия, узнавания, иконических кодов, которые усваиваются в рамках определенной культуры и позволяют интерпретировать сообщения (Eco, 1979). Клод Леви-Стросс в своих структурно-антропологических исследованиях («Mythologiques») рассматривал мифы и культурные практики, как проявление глубинных ментальных кодов («codes mentaux»), универсальных структур человеческого разума, которые по-разному реализуются в конкретных культурах (Леви-Стросс, 2007). Анна Вежбицка в своих работах по «ключевым словам» («key words») и «культурным скриптам» («cultural scripts») фактически описывает элементы лингвокультурного кода. Она показывает, как через анализ центральных слов языка (например, русская «тоска», «душа» и английское «fairness», «privacy») можно выявить специфические культурные ценности и модели мышления (Wierzbicka, 1997), «контекстуализационных намеков» («contextualization cues») и «речевых кодов» («speech codes»), подчеркивая, что успешная межкультурная коммуникация зависит от способности распознавать и интерпретировать тонкие сигналы (интонацию, выбор слова, темп), которые являются частью культурного кода коммуникации (Gumperz, 1982). Гирт Хофстеде выявил «измерения культуры» («cultural dimensions»), которые можно считать «аналитическими кодами для дешифровки ценностных ориентаций», влияющих на поведение и коммуникацию (индивидуализм/коллективизм, дистанция власти и т. д.) (Hofstede, 2001).

Таким образом, в зарубежной лингвистике «культурный код» – это система знаков, которая позволяет декодировать сообщения, заложенные в текстах, метафорах, артефактах и поведенческих стереотипах. Рассмотрим лингвокультурные коды с точки зрения различных подходов. Американский политолог и специалист по международным отношениям, бывший помощник Министра обороны США и декан Гарвардской школы Кеннеди Джозеф Най предложил

понятие «soft power» («мягкая сила») для определения ситуаций, когда одна страна заставляет другие страны хотеть того, что хочет она. Дж. Най противопоставляет «мягкую силу» с применением «hard power» («жесткой силы»), когда одна страна приказывает другим делать то, что она хочет (Nye, 1990). Дипломатию, а значит и дипломатический дискурс можно считать такой «мягкой силой», с помощью которой можно «заставить» другую сторону в переговорах пойти на уступки или принять выгодное для обеих сторон решение. Поэтому, с точки зрения дискурсивных методик лингвокультурные коды, используемые в дипломатической речи, могут являться источником такой «силы», которая способна воздействовать на глубинные когнитивные конструкторы в картине мира оппонента в дискурсе.

Рассматривая лингвокультурные коды в когнитивном аспекте, можно сказать, что они представляют собой концепты, отражающие национальные ценности, как ментальные репрезентации исторических событий, народных традиций и поведенческих стереотипов, определяющих характер и культуру народа, которые составляют основу национальной картины мира.

В когнитивно-семиотическом аспекте культурный код можно представить как знак. По словам Е. П. Каргаполова, такой знак – это результат «длительного кодирования культурной и социальной информации», которая скрыта от «непосвященных», именно она определяет развитие культуры народа, а знак (или код) другой культуры для него является чуждым или даже враждебным. Кодирование информации представляет собой «длительный процесс оформления кода» в виде знаков, символов, норм, артефактов, стереотипов и стандартов поведения. Эти знаки «закрепляются в национальном, этническом, религиозном сознании и опыте» и проявляются в разных формах, как на биологическом, так и на культурно-историческом и цивилизационном уровнях (Каргаполов, 2022, с. 29).

Если рассматривать культурные коды в историческом аспекте, то можно сказать, что именно история народа является тем катализатором культурных ценностей, который способствует развитию и трансформации этих ценностей в коллективном сознании и национальной картине мира. Приведем слова русского поэта и дипломата Ф. И. Тютчева, которые он написал в письме доктору Густаву Кольбу, редактору «Всеобщей газеты», рассуждая о значении России как империи: «Здесь не идет речь о дипломатии; слишком хорошо известно, что Россия, как никакая иная держава, всегда будет соблюдать заключенные ею договоры, пока существует теперешний порядок вещей. Но договоры и дипломатия в итоге упорядочивают лишь повседневные вопросы. Постоянные вопросы, вечные отношения может разрешить только история» (Тютчев, 2011). Можно сказать, что именно исторический контекст (например, такие события, как освободительные войны, восстания, революции, другие социальные и политические потрясения и кризисы) формирует характер народа, его мировоззрение и когнитивную картину мира, то есть те базовые концепты, которые выражают национально-исторические, культурные и цивилизационные ценности. В данной работе мы определяем исторические лингвокультурные коды как базовые коды культуры, которые складывались в процессе длительного становления народа как нации и как цивилизации с ее духовными, религиозными, экономическими и политическими особенностями.

Религиозные мировоззрения также изменяются под влиянием истории и формируют духовные и нравственные ценности народа. Религия выступает как основа любой культуры, православие же является основой русской культуры и «государствообразующей религией», так как оно способствовало утверждению государственности. В течение своей тысячелетней истории православие вырабатывало на вселенских соборах свои истины, которые формировали духовные и нравственные ценности и «самобытную цивилизацию»⁵. Эти истины и ценности теперь выражены в православно-религиозном и духовно-нравственном кодах нации, которые мы считаем основополагающими для русской культуры.

⁵ Митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий. Православие как духовное основание русской культуры // Журнал «Международная жизнь». 2024. № 4. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2985> (дата обращения: 19.02.2026).

В процессе исторического развития человечество формирует культуры и цивилизации, которые проходят периоды расцвета и кризиса. Такая динамика развития оттачивает культурные, социально-политические и экономические показатели общества, которое развивает свои цивилизационные ценности, выраженные в языковых единицах, в частности в цивилизационных кодах.

С опорой на изученные теории и аспекты, мы можем определить лингвокультурный код как сложную, многоуровневую знаковую систему, закрепленную в языке и коллективном сознании, которая формируется в процессе длительного исторического и цивилизационного развития народа. Лингвокультурный код содержит в себе глубинные смыслы, национальные ценности (духовные, религиозные, нравственные) и ментальные репрезентации ключевых событий, традиций и стереотипов поведения.

Несмотря на обширную теоретическую базу изучения лингвокультурных кодов в различных научных парадигмах, в научной литературе практически не рассматривался вопрос о том, каким образом лингвокультурные коды актуализируются в современном российском дипломатическом дискурсе. Данное исследование предлагает комплексный лингвокультурологический и дискурсивный анализ конкретных типов кодов (исторических, религиозных, цивилизационных) в российском дипломатическом дискурсе, что позволяет выявить глубинные смыслы и ценностные ориентиры, лежащие в основе современной отечественной дипломатической коммуникации.

3. Материал и методы

Анализ лингвокультурных кодов – это междисциплинарная задача, поэтому мы применяем в своем исследовании комплекс методов: дискурс-анализ, семантический и концептуальный анализ, лингвокультурологический анализ. Мы рассматриваем культурные коды не просто как слова из области культуры, но стоящие за ними концепты, как ментальные структуры, вокруг которых уже сформированы широкие семантические поля не только в индивидуальной концептосфере, но в когнитивной картине мира всего народа. Также мы используем аксиологический анализ, изучая лингвокультурные коды как ценности и смыслообразующие основания русской культуры, проясняя их общие понятия и значения в контексте дипломатической речи.

В данной работе мы исследуем лингвокультурные коды, которые репрезентируют не материальные ценности, а особые ментальные образования (концепты), объективированные в языке посредством культурных знаков, символов и стереотипов. Анализ коннотативных значений данных знаков позволяет декодировать глубинные смыслы, которые формируют структуру концепта и аккумулируют в себе национально-специфические ценности и исторический опыт народа.

Для анализа дипломатического дискурса мы провели контент-анализ, чтобы зафиксировать распределение ключевых тем в речи российских политиков. Что касается дискурс-анализа, то, по словам Т. ван Дейка, дискурс-анализ не является методом, но «областью научной практики, междисциплинарным проектом, распространенным во всех гуманитарных и социальных науках» (ван Дейк, 2015, с. 19). Поэтому, вслед за ученым, мы применяем термин «дискурсивные исследования», которые предполагают использование методов анализа и интерпретации данных. Дискурс-исследования, как и «критические дискурсивные исследования», которые изучают дискурс в его «злоупотреблении социальной властью», должны всегда учитывать культурный контекст участников дискурса и «степень влияния на дискурс кросс-культурного опыта современных обществ» (ван Дейк, 2015, с. 23–35). Поэтому мы провели дискурс-исследования дипломатических речей, учитывая культурно-исторический контекст.

Материалами для исследования послужили стенограммы выступлений российских дипломатов и постоянных представителей РФ при ООН и государственных деятелей: Г. М. Гатилова, В. А. Небензи, М. В. Захаровой, Е. М. Примакова, С. В. Лаврова, В. В. Путина. Стенограммы выступлений размещены на официальных сайтах МИД России, Кремля, Постоянного представительства Российской Федерации при ООН.

4. Результаты и обсуждение

Мы разделили лингвокультурные коды, употребляемые в речи дипломатов, на несколько категорий: исторические, духовно-нравственные, религиозно-православные и цивилизационные коды. При этом некоторые коды можно отнести одновременно к двум категориям. Рассмотрим наиболее яркие примеры.

1. Исторический код **«Великая держава»**. Использование этого кода в дипломатии требует от стран-адресатов отношения к России, как к равноправному игроку на мировой арене. В российской дипломатии наблюдается острая реакция на попытки принизить роль России и требование уважения к сфере ее интересов (на постсоветском пространстве). В речи дипломатов часто звучат отсылки к Ялтинской конференции 1945 года как к модели, в которой три великие державы договариваются о послевоенном мироустройстве. Советский и российский дипломат, политолог Всеволод Леонидович Олеандров считает, что тогда не существовало других сил, которые могли бы конкурировать с тремя державами-победительницами в военном и политическом отношении. Ялтинская конференция 1945 года продемонстрировала «блистательный успех дипломатии руководителей трех держав» в отношении рассмотрения итогов войны и создания ООН (Олеандров, 2010).

Д. В. Ефременко упоминает Леопольда фон Ранке, который первым сформулировал определение термина «великая держава» как государство, способное доказать свое превосходство в военном противоборстве за господство между несколькими сильными державами. Л. Ранке также указывает на такие важные аспекты «великодержавия», как осознание государством своей особой миссии и сплочение его народа для борьбы. По словам Д. В. Ефременко, дискуссию о «великих державах» продолжают Макс Вебер и Эмиль Дюркгейм. М. Вебер приписывает «великой державе» такие черты, как сила, «политическая воля» и престиж, а Э. Дюркгейм отмечает ее «нравственное превосходство», «национальную гордость» и способность обеспечить благополучие общества (Ефременко, 2024). Россия как «Великая держава» соединяет в себе все эти качества, а именно силу, политическую волю, национальную гордость, осознание своей особой миссии, также способность отстаивать свои интересы, как на военном, так и на дипломатическом уровне.

В мире многие страны признают статус России как «великой державы». Малазийский политический аналитик и общественный деятель Лим Тек Гхи пишет в статье для издания «Eurasia Review», что «Россия вернула себе утраченный статус великой державы» за время конфликта на Украине. Как когда-то сказал Ф. И. Тютчев, «именно самые заклятые враги России с наибольшим успехом способствовали развитию ее величия» (Тютчев, 2011).⁶

2. Исторические коды **«Война»** и **«Победа»** используются в дипломатии для трактовки военных действий России через призму Второй мировой войны, для создания образа «наследников победителей фашизма» и защитников «исторической правды» и «исторической памяти». Для российской культуры эти два концепта «война» и «победа» неразрывно связаны в историческом контексте. Можно вспомнить освободительные войны, которые вела Россия против Ливонского Ордена в 13-16 веках, против монгольского ига в 13-15 вв., войны со Швецией, Польшей и Турцией в 16-18 веках, Отечественную войну с наполеоновской Францией в 19 веке, Отечественную войну с немецко-фашистской коалицией стран Европы и войны с Японией в 20 веке. В этих войнах Россия неизменно одерживала победы, которые стали воплощением народного мужества и массового патриотизма в борьбе против врагов, пришедших на Русь с целью грабежа, захвата земли и власти. **«Победа»** – мощный лингвокультурный код, означающий жертвенность, героизм и непобедимость, которые пронизывают весь исторический контекст борьбы России в освободительных войнах.

⁶ «Нет сомнений». СМИ сделали неожиданное заявление о России. РИА Новости. 28.04.2025. URL: <https://ria.ru/20250428/rossiya-2013942067.html> (дата обращения: 14.02.2026).

В своих выступлениях В. А. Небензя обосновывает необходимость извлечь уроки из истории, чтобы не допустить таких катастроф, как холокост и Вторая мировая война. Дипломат проводит связь текущих событий с сакральной для российской идентичности темой Великой Отечественной войны⁷. «**Борьба с фашизмом**» является основной целью борьбы России в современном мире и сам этот концепт становится культурно-историческим и патриотическим кодом российской картины мира.

Русский философ Николай Александрович Бердяев рассуждал о «великих благах» войны, которая пробуждает чувство национального единства, преодолевает внутренние распри, избличает ложь, «свергает фальшивые святыни», «выявляет лик» и «кует мужественный дух» России. Война – это «великая проявительница» (Бердяев, 2007). Продолжая рассуждения философа, можно сказать, что для России «война» является не только горем и трагедией, но и священным действием по освобождению от зла и насилия.

3. Исторический код «**Осажденная Крепость**». В дипломатии этот код проявляется в легитимизации жесткой внешней политики и противостояния как вынужденной оборонительной меры. Этот код используется для мобилизации внутренних сил и объяснения внешнему миру, почему Россия занимает такую позицию. Риторика о «расширении НАТО на восток» как о прямой угрозе безопасности России, которая вынуждена принимать ответные меры, постоянно прослеживается в речах российских политиков, а параллели со Второй мировой войной – главный инструмент в этом коде.

В современной ситуации «нападок» и многочисленных санкций, наложенных на Россию Западной коалицией, Россию можно сравнить с «Осажденной крепостью», которую пытаются изолировать от остального мира. Но о так называемой «изоляции» России Министр иностранных дел РФ С. В. Лавров говорит, как о несостоявшейся. Свидетельством тому стало посещение представителями различных стран военного парада в Москве, посвященного 80-летию Победы в Великой Отечественной войне⁸.

4. Православно-цивилизационный код «**Традиционные ценности**» употребляется в дипломатическом дискурсе для противопоставления России, хранительницы «традиционных ценностей» («семья», «патриотизм»), «разлагающемуся» либеральному Западу с его «ценностями» (ЛГБТ⁹, «индивидуализм», «мультикультурализм»). В дипломатической риторике этот код используется для построения альянсов с консервативными силами в Европе, Азии и Африке. Это способ найти новых союзников и создать альтернативный полюс влияния, апеллируя не к , а к морали. Поэтому выступления российских дипломатов в ООН часто осуждают пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений и защищают «традиционную семью». Так, постоянный представитель России Василий Алексеевич Небензя затрагивал тему «традиционных ценностей» в своем выступлении на заседании СБ ООН. Российский дипломат осуждал западно-европейские страны за то, что они превратили женщину в мужчину, а мужчину «в небинарную личность, во что-то среднеродное, а точнее – совсем безродное. А традиционные семьи сделали чем-то неприличным»¹⁰.

Согласно Указу Президента, «традиционные ценности» – это нравственные ориентиры, которые, передаваясь от поколения к поколению, формируют мировоззрение граждан и лежат в основе русской идентичности и единого культурного пространства. К числу «традиционных ценностей» относится 20 понятий, среди которых есть «милосердие», «справедливость», «историческая

⁷ Выступление Постоянного представителя России при ООН В. А. Небензи. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/organs/general_assembly/2015341/ (дата обращения: 15.02.2026).

⁸ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2025 году. Москва, 20 января 2026 года. Сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2073858/ (дата обращения: 12.02.2026).

⁹ Движение ЛГБТ признано экстремистской организацией и его деятельность запрещена в РФ.

¹⁰ Выступление Постоянного представителя России при ООН В. А. Небензи. Постоянное представительство Российской Федерации при ООН. 23 февраля 2023 г. URL: https://russiaun.ru/ru/news/230223_n (дата обращения: 14.02.2026).

память» и «крепкая семья». Как пишет Ю. В. Яковец в своем фундаментальном труде об истории мира цивилизаций, именно моногамная семья сохраняет и передает генотип цивилизаций следующим поколениям и является «основным институтом воспроизводства цивилизаций» (Яковец, 2021, с. 54–55). Россия сохраняет эту главную опору своей высокоразвитой цивилизации. Русская православная церковь также является хранительницей «семьи» как ценности православного общества. Поэтому мы относим этот код к православно-цивилизационным кодам.¹¹

С. В. Лавров в своем выступлении на пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии назвал Россию «государством-цивилизацией» и отметил, что, после того, как «Россия начала осознавать свое место на международной арене», восстанавливать свою идентичность, уважать свою тысячелетнюю историю, традиции и принципы, то стала подвергаться нападкам со стороны западных политиков. Выступая от лица всей страны, министр иностранных дел заявил, что «Мы не будем отказываться от своих корней. Мы не имеем на это права. Мы чтим память предков и заветы, которые они нам оставили»¹². То есть для России соблюдение «традиционных ценностей», которые формировались веками, – это дело чести. Тогда этот код можно отнести еще и к духовно-нравственным кодам.

5. Цивилизационный код **«Суверенитет»** – это ключевой код для обоснования внешней политики России в защите ее соотечественников и исторических земель. «Суверенитет» трактуется в максимально широком, цивилизационном ключе, как право на особый путь, противостоящий западному влиянию. В своей речи на пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2021 году С. В. Лавров заявил, что Президент РФ В. В. Путин особое внимание уделяет укреплению нашего суверенитета, который подвергается атаке со стороны Запада¹³. В. В. Путин в своем выступлении на заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 2015 года, разъяснил, что «государственный суверенитет» – это вопрос свободного выбора своей судьбы для каждого человека, народа или государства¹⁴. По словам Президента, основы государства, национальное единство, общие ценности и устои являются главной опорой нашего суверенитета¹⁵. С. В. Лавров подтверждает позицию России по укреплению своего национального суверенитета, согласно внешнеполитическому курсу, закрепленному в Концепции внешнеполитической деятельности, одобренной Президентом России в марте 2023 года¹⁶.

Таким образом, составляющими лингвокультурного кода «Суверенитет» являются такие понятия, как «свобода выбора», «национальное единство» и «национальности ценности» государства.

6. Цивилизационно-нравственный код **«Родина»** используется как в обыденной речи в значении «места, где человек родился», так и в политической и дипломатической речи, особенно в торжественной обстановке. Это базовый код русской культуры, который включает в себя очень широкий круг других ценностей, выраженных через концепты: «любовь», «уважение», «отечество», «семья», поэтому его можно отнести к цивилизационным и духовно-нравственным кодам. Президент В. В. Путин объяснил, что «культурный код» России заключается в уважении и заботе

¹¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S> (дата обращения: 26.02.2026).

¹² Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2025 году. Москва, 20 января 2026 года. Сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2073858/ (дата обращения: 12.02.2026).

¹³ Лавров назвал неприемлемыми для России атаки на ее суверенитет со стороны Запада. ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/13429715> (дата обращения: 18.02.2026).

¹⁴ 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Кремль. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/50385> (дата обращения: 15.02.2026).

¹⁵ Путин В. В. Доклад на заседании Совета по межнациональным отношениям. Сайт Кремля. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/78409> (дата обращения: 19.02.2026).

¹⁶ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2025 году. Москва, 20 января 2026 года. Сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2073858/ (дата обращения: 15.02.2026).

к старшим, к родителям, к своей стране и к малой и большой Родине, в верности дружбе, в любви к своему Отечеству, что является «несущими конструкциями российской государственности»¹⁷. То есть культурный код «Родина» является не только образным, олицетворяя родную землю, страну, семью, но и деятельностным кодом, обозначая такие действия, как «любовь», «забота», «уважение».

7. Исторический и цивилизационно-нравственный код **«Патриотизм»** – это глубокий по содержанию концепт, который выражает различные ценности национальной культуры. Термин «патриотизм» трактуется как «любовь к отчизне, преданность своему отечеству, своему народу, выражающаяся в готовности отстаивать интересы Родины»¹⁸. Рассуждая об «истинном патриотизме», можно вспомнить слова из книги Н. Бердяева «Судьба России» о любви к своему народу как творческой любви, творческом инстинкте, менее всего означающим «вражду и ненависть к другим народам»¹⁹.

Концепт «патриотизм» тесно связан с таким понятием, как «единение» народа, который объединялся, чтобы защищать свою страну от захватчиков. В. В. Путин в своем выступлении на приеме по случаю Дня народного единства сказал, что в нашей истории есть «множество примеров такой непобедимой сплоченности», а «единство и патриотизм были для народа самой надежной опорой и в годы тяжелых испытаний, и при решении масштабных задач развития»²⁰. В историческом аспекте «патриотизм» рассматривается, как «массовый героизм» и «самопожертвование» народа при освобождении страны от иностранных захватчиков (например, Народное ополчение 1611–1612 гг. против поляков, захвативших Москву, сражения против наполеоновской армии в 1812 г., борьба против фашистской Германии и Японии в 1941–1945 гг.). «Патриотизм» как «любовь к своему Отечеству» проявляется не только на поле боя, но и в других видах деятельности: в создании литературных произведений (С. А. Есенина, А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского), произведений изобразительного искусства (И. И. Левитана, И. И. Шишкина, В. М. Васнецова, И. Е. Репина), музыкальных произведений (П. И. Чайковского, М. И. Глинки, Н. А. Римского-Корсакова, С. В. Рахманинова), в которых воспеваются красота природы, особенности характера, быта и традиции русского народа. «Патриотизм» также проявляется в защите интересов своей страны на дипломатическом поприще и в разведке.

8. Духовно-нравственные коды **«Вера»** и **«Доверие»** – чрезвычайно важные концепты в русской картине мира. Концепт «Вера» имеет различные коннотации: «глубокая уверенность в истинности чего-либо», «религиозное мировоззрение», «доверие к кому-либо, основанное на убежденности в его честности, искренности»²¹. Лингвокультурные коды «Вера» и «Доверие» вписаны в русскую языковую картину мира, поэтому без них невозможно межличностное общение на официальном и неофициальном уровне. В русской культуре порицалась «ложь» и «предательство», как противоречащие «доверию» понятиям, в различных народных сказках и преданиях.

В дипломатической речи российских дипломатов концепты «Вера» и «Доверие» часто используются как синонимичные с целью критики оппонентов в их неискренности и за противоречивость их слов и действий. Обращаясь к представителям западных стран, членов Совета Безопасности ООН, В. А. Небензя заявил, что у России не осталось к ним никакого доверия «ни в отношении нерасширения НАТО на восток, ни о нежелании вмешиваться в наши внутренние дела, ни о стремлении жить в мире и добрососедстве»²². Концепты «вера» и «доверие» используются

¹⁷ Путин В. В. Прием по случаю Дня народного единства. Сайт Кремля. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56002> (дата обращения: 16.02.2026).

¹⁸ Патриотизм // Большой толковый словарь русского языка. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=патриотизм&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=патриотизм&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 28.02.2026).

¹⁹ Бердяев Н. А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. 240 с.

²⁰ Путин В. В. Прием по случаю Дня народного единства. Сайт Кремля. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56002> (дата обращения: 16.02.2026).

²¹ Вера // Большой толковый словарь русского языка. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=vera&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=vera&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 15.02.2026).

²² Небензя В. А. заявил, что у России не осталось никакого доверия заявлениям Запада. ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/17080479> (дата обращения: 15.02.2026).

как синонимы, относящиеся к моральной, а не просто к правовой сфере. Их «утрата» служит для обоснования действий России, поскольку «правила игры» со стороны партнеров были нарушены.

Постоянный представитель РФ при Отделении ООН в Женеве Г. М. Гатилов выступил на Конференции по разоружению и в обращении к Председателю констатировал, что страны «коллективного Запада» «продолжают стоять на позиции конфронтации с Россией» и реализовывать свои «узкогрупповые блоковые установки», не обращая внимания на мнение большинства стран, которые имеют взвешенные подходы к восстановлению атмосферы доверия и сотрудничества²³. То есть «Доверие» играет основополагающую роль в дипломатическом дискурсе в процессе переговоров России с другими странами.

9. Нравственный код **«Справедливость»** в дипломатии используется для представления России как страны, действующей из соображений здравого смысла. Комментируя принятие Генассамблеей резолюции по ситуации в Газе, В. А. Небензя подчеркнул, что «это не победа какой-то национальной позиции, это победа здравого смысла, справедливости и соображений гуманизма»²⁴. Российская позиция в отношении других стран построена на основе позиции «справедливости», то есть «равноправия» и «баланса интересов». Выступая на пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2025 году, С. В. Лавров заявил, что Россия старается применять установленные нормы международного права, но главное для нее – это равноправие и взаимное уважение. Россия настаивает на равноправном диалоге и необходимости добиваться результатов, которые будут представлять собой «баланс интересов»²⁵.

В порядке реализации права на ответ на Конференции по разоружению Г. М. Гатилов заявил, что Россия выстраивает отношения добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества с государствами, «которые борются с гегемонией, неокOLONиализмом и неонацизмом, проводят независимую политику по защите своих национальных интересов и суверенитета в соответствии с принципами ООН и нормами международного права»²⁶.

Объясняя позицию России, российские дипломаты часто говорят о «справедливости», «нравственном выборе», о том, что Россия не может поступить иначе, идя против «своей совести». «Справедливость» и «совесть» – коды, выводящие дискуссию из плоскости международного права в плоскость морально-этического долга, что трудно оспорить рациональными аргументами. Так, в своих выступлениях дипломат, чрезвычайный и полномочный посол, представитель МИД России Мария Захарова часто апеллируют к нравственному коду «совесть»²⁷.

Таким образом, проанализировав содержание кода «Справедливость» в речи дипломатов, можно сказать, что этот концепт тесно связан с такими понятиями, как «совесть», «равноправие», «баланс интересов», «взаимовыгодное сотрудничество» и «добрососедство».

10. Цивилизационный код **«Демократия»** широко используется в речи как западноевропейских, так и российских политиков и дипломатов, но смысл в него вкладывается разный. «Демократия» не является национальным или историческим кодом для русской культуры, это достижение

²³ Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при Отделении ООН и других международных организациях в Женеве Г. М. Гатилова в рамках Сегмента высокого уровня Конференции по разоружению в порядке реализации права на ответ, 26 февраля 2025 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/vystupleniya_zayavleniya/2000509/ (дата обращения: 25.02.2026).

²⁴ Выступление Постоянного представителя В. А. Небензи по мотивам голосования по иорданскому проекту резолюции ГА ООН «Защита гражданского населения и отстаивание правовых и гуманитарных обязательств». Сайт Постоянного представительства Российской Федерации при ООН. URL: https://russia.un.org/ru/news/unga_271023 (дата обращения: 15.02.2026).

²⁵ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2025 году. Москва, 20 января 2026 года. Сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2073858/ (дата обращения: 15.02.2026).

²⁶ Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при Отделении ООН и других международных организациях в Женеве Г. М. Гатилова в рамках Сегмента высокого уровня Конференции по разоружению в порядке реализации права на ответ, 26 февраля 2025 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/vystupleniya_zayavleniya/2000509/ (дата обращения: 25.02.2026).

²⁷ Захарова М. В. Брифинг официального представителя МИД России. Сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/briefings/2082989/ (дата обращения: 27.02.2026).

западной цивилизации. Однако «демократия» также стала показателем уровня цивилизационного развития для других государств, но для каждого государства это свой уровень, поэтому каждый понимает ее по-разному.

Е. М. Примаков говорил, что Соединенные Штаты навязывают свои «демократические ценности» другим странам, в то время как Россия считает демократию категорией, «характеризующей внутренний эволюционный процесс различных стран с учетом их исторических, цивилизационных и социально-экономических особенностей»²⁸.

В речах западных дипломатов на международных площадках использование лингвокультурных кодов, как правило, носит совершенно иной характер. Их употребление в западноевропейском и американском дипломатическом дискурсе встречается реже и почти никогда для описания собственной государственной политики как производной от «духовно-нравственной миссии». Патриарх американских международных отношений Г. Киссинджер писал: «Американские руководители весьма часто трактовали свои ценности как нечто само собой разумеющееся, они редко осознавали, до какой степени эти ценности могут быть революционными и разрушающими привычный ход вещей для других» (Киссинджер, 2018).

Рассматриваемые нами коды выступают репрезентациями глубинных слоев коллективного сознания и актуализируют ключевые смыслы национальной картины мира. Лингвокультурные коды «великая держава», «осажденная крепость», «справедливость» выступают репрезентациями коллективных представлений о власти и национальной идентичности. Такие коды, как «патриотизм», «традиционные ценности», «справедливость» репрезентируют ключевые смыслы русской языковой картины мира. Эти коды из абстрактных понятий превращаются в инструмент формирования картины мира, часто приобретая оценочность и мифологизированность. Коды «осажденная крепость» и «война» – это не просто ценности, а метафорические модели (или фреймы), которые задают способ интерпретации реальности.

Таким образом, изученные нами культурные коды, функционирующие в дипломатическом дискурсе, не существуют изолированно, а образуют сложную систему взаимопроникающих смыслов. Отнесенные к исторической, духовно-нравственной, религиозно-православной и цивилизационной категориям, они формируют единую аксиологическую (ценностную) систему, которая является неотъемлемой частью национальной картины мира, базирующейся на историческом опыте, культурных традициях и духовных основах народа.

На основании проведенного анализа лингвокультурных кодов, можно сделать вывод, что их использование в дипломатическом дискурсе – систематическая практика, которая позволяет:

- Вести дискурс в морально-этической, а не только правовой плоскости. Апеллировать к аудитории, укрепляя легитимность действий.
- Создавать нарратив о России как о «хранительнице традиций» и «последнем бастионе» против морального упадка, инициированного Западом.
- Эмоционально заряжать свои аргументы, делая их более устойчивыми к фактологической критике в глазах определенной аудитории.

Использование лингвокультурных кодов – ключевой лексический элемент нарратива российской дипломатии, особенно в контексте ценностного противостояния с Западом. Эти концепты служат для построения особой «символической реальности», апеллирующей к истории, культуре, национальной идентичности и «традиционным ценностям» русского народа. В официальном межгосударственном общении используемые коды символичны и часто связаны не только с историей и культурой, но и семиотикой власти и международными отношениями.

Лингвокультурные коды выполняют в дипломатическом дискурсе три основные функции:

1. Семиотическую: коды выступают как особые «знаки» (в виде концептов, символов, метафор, артефактов), которые позволяют носителям культуры адекватно кодировать, декодировать и интерпретировать информацию, скрытую от «непосвященных» представителей иных культур.

²⁸ Примаков Е. М. Незыблемый суверенитет. Статьи, выступления. Институт развития социально-экономических проектов и инициатив. URL: <https://irsepi.ru/primakov/articles/> (дата обращения: 20.02.2026).

2. Когнитивную: коды являются основой национальной картины мира, отражая «душу» и менталитет народа. Опираясь этими кодами, можно получить ключ к пониманию фундаментальных основ мировоззрения этноса или нации.

3. Прагматическую: лингвокультурные коды обретают особую «силу», позволяя воздействовать на глубинные когнитивные структуры оппонента, активируя в его сознании значимые для данной культуры смыслы и ценности.

Таким образом, лингвокультурный код можно рассматривать как результат длительного процесса кодирования культурной, исторической и социальной информации, который служит инструментом сохранения идентичности, трансляции традиций и межкультурной коммуникации (как понимания, так и противостояния).

5. Заключение

Лингвокультурные коды можно назвать дискурсообразующими концептами, так как они являются основой передачи национально-исторических и культурных смыслов, которые выражают характер и «дух» народа и обладают той «мягкой силой», которая способна воздействовать на адресатов дипломатического дискурса, призванного защищать интересы государства и народа.

Использование нравственных лингвокультурных кодов в дипломатической речи – систематическая практика российских политиков, которая позволяет вести дискурс в морально-этической, а не только правовой плоскости, укрепляя легитимность действий России в международных отношениях. Нравственные коды помогают дипломатам создавать нарратив о России как о «хранителе традиций», эмоционально заряжать свои аргументы, делая их более устойчивыми к критике Запада. Духовно-нравственные коды выводят дискуссию из плоскости международного права в плоскость эмоционально-этического долга, что трудно оспорить рациональными аргументами. Духовные коды используются для эмоциональной окраски, представления России как стороны, действующей исходя из «высших», не прагматичных соображений. Православно-религиозные коды используются для противопоставления «консервативной, духовной России» «либеральному, бездуховному Западу», особенно в вопросах семьи и религии. Православие выступает не как конфессия, а как цивилизационный маркер и источник морального авторитета. Значение этих кодов и их использование в дипломатическом дискурсе требует дальнейшего внимательного изучения.

Говоря о дипломатии, нельзя не привести высказывание официального представителя МИД России Марии Захаровой из ее интервью, в котором она отвечала на вопрос, есть ли надежда на дипломатию в современном мире. М. Захарова сказала, что дипломатия – это «не просто набор инструментов», которым пользуется дипломат, а это «служение Родине, Отчизне и своему народу», поэтому надежда есть²⁹. Продолжая эти рассуждения, можно сказать, что лингвокультурные коды можно считать важным элементом в «наборе инструментов», который способен реализовать эту надежду.

© Ю. И. Плахотная, 2026

²⁹ Ахмедова М. Интервью с М. Захаровой // Информационное агентство «Регнум». URL: <https://regnum.ru/article/3892509> (дата обращения: 27.02.2026).

Список литературы

- Бабаева А. В. Двудликий Янус социокультурной кодификации // *Studia Culturae*. 2022. № 2 (52). С. 9–20. DOI: 10.31312/2310-1245-2022-52-9-20
- Беляков М. В. Дипломатический дискурс как вид политического дискурса // *Филологические науки в МГИМО*. 2010. № 41. С. 19–26.
- Беляков М. В. Семантико-семиотические аспекты дипломатического дискурса // *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2011. № 1. С. 59–66.
- Бердяев Н. А. Судьба России. М.: ЛитРес, 2007. 202 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006573682> (дата обращения: 12.02.2026).
- Бордачев Т. В. Дипломатия после процедуры // *Россия в глобальной политике*. 2022. Т. 20. № 2. С. 114–131. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-2-114-131.
- Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. 2-е изд. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. 352 с.
- Ефременко Д. В. Истоки российского великодержавия // *Россия в глобальной политике*. 2024. Т. 22. № 6. С. 52–73. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-6-52-73
- Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи // *Вопросы языкознания*. 1964. № 6. С. 26–38.
- Зяблова О. А. Институционально-дискурсивные характеристики дипломатического и политического дискурсов: общие замечания // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2024. № 8 (146). С. 1–5. DOI: 10.60797/IRJ.2024.146.80.
- Иванова С. В. Политический дискурс и культурное кодирование: детонирование культурных кодов // *Политическая лингвистика*. 2011. № 2 (36). С. 31–37.
- Карасик В. И. Щедрость как ценность русской лингвокультуры // *Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография / М. С. Милованова (отв. ред.), К. Я. Сигал, В. И. Карасик [и др.]. М.: Ярославль: Канцлер, 2022. 390 с. С. 14–39.*
- Каргаполов Е. П. Культурный и цивилизационный коды: актуальные вопросы теории // *Вестник Челябинского государственного университета. Философские науки*. 2022. Вып. 63. № 2 (460). С. 27–35.
- Киссинджер Г. Дипломатия / Пер. В. Верченко. М.: AST Publishers, 2018. URL: https://4etalka.ru/nauka_obrazovanie/gosudarstvo_i_pravo/511812/fulltext.htm (дата обращения: 25.02.2026).
- Кожетева А. С. Дипломатический дискурс как особый вид институционального дискурса // *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования*. 2012. № 17. С. 54–63.
- Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
- Леви-Строс К. Мифологии: от меда к пеплу / Пер. с фр. Н. Б. Маньковской. М.: FreeFly, 2007. 438 с.
- Маслова В. А. Духовный код и его роль на пути единения восточных славян // *Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте — V: сб. науч. ст. / под ред. Е. Е. Иванова. Могилев, 2018. С. 491–499.*
- Морина Л. П. Культурный код как дискурсивный феномен // *Studia Culturae*. 2022. № 2 (52). С. 49–60. DOI: 10.31312/2310-1245-2022-52-49-60
- Олеандров В. Л. Ялта, февраль, 1945 год: начало нового мира? // *Международная жизнь*. 2010. № 2. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/189> (дата обращения: 15.02.2026).
- Пронина Л. А., Щербак А. С. «Мягкая сила» русского языка: культурологический аспект // *Неофилология*. 2023. Т. 9. № 4. С. 999–1008. DOI: 10.20310/2587-6953-2023-9-4-998-1008.
- Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград: Перемена, 2004. 339 с.
- Сподарец О. О. Взаимодействие культурных кодов в современной политической коммуникации // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 6 (60). Ч. 2. С. 157–161.
- Сукало С. А. Механизмы и символические практики сохранения и трансляции культурных кодов в российском политическом пространстве // *Вестник СПбГУКИ*. 2015. № 2 (23). С. 124–128.
- Терентий Л. М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2010. № 1 (22). С. 47–56.
- Торкунов А. В. По дороге в будущее-2 / отв. ред. А. В. Мальгин. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Аспект Пресс, 2015. 552 с.
- Тютчев Ф. И. Россия и Запад / сост., вступ. статья, пер. и коммент. Б. Н. Тарасова; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 592 с.
- Шейгал Е. И. Проблемы анализа политического дискурса // *Русский язык в современном обществе: функциональные и статусные характеристики: сб. обзоров / отв. ред. Е. О. Опарина, Е. А. Казак. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 51–70.*
- Яковец Ю. В. Новая парадигма теории, истории и будущего мира цивилизаций. М.: МИСК — ИНЭС, 2021. 564 с.
- Barthes R. S/Z. Oxford: Blackwell, 2002. 271 p.
- Berridge G. R. Diplomacy: Theory and Practice. London: Palgrave Macmillan, 2015. 296 p. DOI: 10.1057/9781137445520.
- Bernstein B. Class, Codes and Control: Theoretical Studies towards a Sociology of Language. London: Routledge & Kegan Paul, 2003. 212 p.
- Eco U. A Theory of Semiotics. Bloomington: Indiana University Press, 1979.
- Gumperz J. J. Discourse Strategies. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 240 p.
- Hall E. T. Beyond Culture. New York: Doubleday, 1976. 299 p.
- Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. Thousand Oaks: SAGE, 2001. 596 p.

- Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Nye J. S., Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics // *Foreign Policy*. 1990. No. 80. P. 153–171.
- Wierzbicka A. *Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. New York: Oxford University Press, 1997.
- Wierzbicka A. *English: Meaning and Culture*. New York: Oxford University Press, 2006. 368 p.

References

- Babaeva, A. V. (2022). Dvulikiy Yanus Sotsiokul'turnoy kodifikatsii [Two-faced Janus of socio-cultural codification]. *Studia Culturae*, (52), 9–20. <https://doi.org/10.31312/2310-1245-2022-52-9-20> (In Russian)
- Barthes, R. (2002). *S/Z*. Blackwell.
- Beliaikov, M. V. (2010). Diplomaticeskii diskurs kak vid politicheskogo diskursa [Diplomatic discourse as a type of political discourse]. *Filologicheskie nauki v MGIMO*, (41), 19–26. (In Russian)
- Beliaikov, M. V. (2011). Semantiko-semioticheskie aspekty diplomaticheskogo diskursa [Semantic-semiotic aspects of diplomatic discourse]. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, (1), 59–66. (In Russian)
- Berdiaev, N. A. (2007). *Sud'ba Rossii* [The fate of Russia]. LitRes. <https://search.rsl.ru/ru/record/01006573682> (In Russian)
- Berridge, G. R. (2015). *Diplomacy: Theory and practice*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137445520>
- Bernstein, B. (2003). *Class, codes and control: Theoretical studies towards a sociology of language*. Routledge & Kegan Paul. <https://doi.org/10.4324/9780203014035>
- Bordachev, T. V. (2022). Diplomatiya posle protsedury [Diplomacy after the procedure]. *Rossiya v global'noy politike*, 20(2), 114–131. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-2-114-131> (In Russian)
- Eco, U. (1979). *A theory of semiotics*. Indiana University Press.
- Efremenko, D. V. (2024). Istoki rossiiskogo velikoderzhavya [The origins of Russian great power]. *Rossiya v global'noy politike*, 22(6), 52–73. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-6-52-73> (In Russian)
- Gumperz, J. J. (1982). *Discourse strategies*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511611834>
- Hall, E. T. (1976). *Beyond culture*. Doubleday.
- Hofstede, G. (2001). *Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations*. SAGE.
- Ivanova, S. V. (2011). Politicheskii diskurs i kul'turnoe kodirovanie: detonirovanie kul'turnykh kodov [Political discourse and cultural coding: Detonation of cultural codes]. *Politicheskaya lingvistika*, (36), 31–37. (In Russian)
- Karasik, V. I. (2022). Shchedrost' kak tsennost' russkoy lingvokul'tury [Generosity as a value of Russian linguistic culture]. In M. S. Milovanova et al. (Eds.), *Obshchaya i russkaya lingvokul'turologiya: kollektivnaya monografiya* [General and Russian linguoculturology: Collective monograph] (pp. 14–39). Kantsler. (In Russian)
- Kargapolov, E. P. (2022). Kul'turnyy i tsivilizatsionnyy kody: aktual'nye voprosy teorii [Cultural and civilizational codes: Current issues of theory]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofskie nauki*, 2(460), 27–35. (In Russian)
- Kissinger, H. A. (1994). *Diplomacy*. Simon & Schuster.
- Kozheteva, A. S. (2012). Diplomaticeskii diskurs kak osobyy vid institutsional'nogo diskursa [Diplomatic discourse as a special type of institutional discourse]. *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya*, (17), 54–63. (In Russian)
- Krasnykh, V. V. (2002). *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya: kurs lektsiy* [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: Course of lectures]. ITDGK Gnozis. (In Russian)
- Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. University of Chicago Press. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226470993.001.0001>
- Lévi-Strauss, C. (1973). *From honey to ashes: Introduction to a science of mythology* (J. Weightman & D. Weightman, Trans.). Harper & Row.
- Maslova, V. A. (2018). Dukhovnyy kod i yego rol' na puti yedineniya vostochnykh slavyan [Spiritual code and its role on the path of unity of the Eastern Slavs]. In E. E. Ivanov (Ed.), *Vostochnoslavyanskii yazyki i literatury v yevropeyskom kontekste — V* (pp. 491–499). (In Russian)
- Morina, L. P. (2022). Kul'turnyy kod kak diskursivnyy fenomen [Cultural code as a discursive phenomenon]. *Studia Culturae*, (52), 49–60. <https://doi.org/10.31312/2310-1245-2022-52-49-60> (In Russian)
- Nye, J. S., Jr. (1990). Soft power: The means to success in world politics. *Foreign Policy*, (80), 153–171. <https://doi.org/10.2307/1148580>
- Oleandrov, V. L. (2010). Yalta, fevral', 1945 god: nachalo novogo mira? [Yalta, February 1945: The beginning of a new world?]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, (2). <https://interaffairs.ru/jauthor/material/189> (In Russian)
- Pronina, L. A., Shcherbak, A. S. (2023). "Myagkaya sila" russkogo yazyka: kul'turologicheskii aspekt ["Soft power" of the Russian language: Cultural aspect]. *Neofilologiya*, 9(4), 999–1008. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-4-998-1008> (In Russian)
- Sheigal, E. I. (2005). Problemy analiza politicheskogo diskursa [Problems of analyzing political discourse]. In E. O. Oparina & E. A. Kazak (Eds.), *Russkiy yazyk v sovremennoy obshchestve: funktsional'nye i statusnye kharakteristiki: sb. obzorov* [Russian language in modern society] (pp. [не указаны]). INION RAN. (pp. 51–70). (In Russian)
- Slyshkin, G. G. (2004). *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty: monografiya* [Linguocultural concepts and metaconcepts: Monograph]. Peremena. (In Russian)
- Spodarets, O. O. (2016). Vzaimodeistvie kul'turnykh kodov v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii [Interaction of cultural codes in modern political communication]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, (60), 157–161. (In Russian)

Sukalo, S. A. (2015). Mekhanizmy i simvolicheskie praktiki sokhraneniya i translyatsii kul'turnykh kodov v rossiyskom politicheskom prostranstve [Mechanisms and symbolic practices of preserving and broadcasting cultural codes in the Russian political space]. *Vestnik SPbGUKI*, (23), 124–128. (In Russian)

Terentiy, L. M. (2010). Diplomaticheskiy diskurs kak osobaya forma politicheskoy kommunikatsii [Diplomatic discourse as a special form of political communication]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, (22), 47–56. (In Russian)

Torkunov, A. V. (2015). *Po doroge v budushchee-2* [On the way to the future-2] (A. V. Mal'gin, Ed.; 2nd ed.). Aspekt Press. (In Russian)

Tyutchev, F. I. (2011). *Rossiya i Zapad* [Russia and the West] (B. N. Tarasov, Ed. & Trans.). Institut russkoi tsivilizatsii. (In Russian)

Van Dijk, T. A. (2008). *Discourse and power*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-1-137-07299-3>

Wierzbicka, A. (1997). *Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195174748.001.0001>

Wierzbicka, A. (2006). *English: Meaning and culture*. Oxford University Press.

Yakovets, Yu. V. (2021). *Novaya paradigma teorii, istorii i budushchego mira tsivilizatsii: fundamental'naya monografiya* [New paradigm of the theory, history and future of the world of civilizations: Fundamental monograph]. MISK — INES. (In Russian)

Zhinkin, N. I. (1964). O kodovykh perekhodakh vo vnutrenney rechi [On code transitions in internal speech]. *Voprosy yazykoznanija*, (6), 26–38. (In Russian)

Ziablova, O. A. (2024). Institutsional'no-diskursivnye kharakteristiki diplomaticheskogo i politicheskogo diskursov: obshchie zamechaniya [Institutional and discursive characteristics of diplomatic and political discourses: General comments]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, (146), 1–5. <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.146.80> (In Russian)

Сведения об авторе:

Плахотная Юлия Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, филологии и искусств Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). Сфера научных и профессиональных интересов: когнитивная лингвистика, политическая лингвистика, психолингвистика, прагматика, теория и практика межкультурной коммуникации. E-mail: pl-julia@mail.ru.

ORCID ID: 0000-0003-3500-8769

About the Author:

Yulia I. Plakhotnaya is Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Journalism, Philology and Arts of Higher School of Journalism and Mass Communications of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia). Spheres of research and professional interests: cognitive linguistics, political linguistics, psycholinguistics, pragmatics, theory and practice of intercultural communication.

E-mail: pl-julia@mail.ru.

ORCID ID: 0000-0003-3500-8769

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare that they have no conflict of interest.

* * *

IV Международная научно-практическая конференция «Профессиональный полилог в мультилингвальном мире: язык, культура, метод»

(г. Москва, 8-11 апреля, г. Санкт-Петербург, 11 апреля 2026 г.)

**Л. Л. Читахова,
Е. А. Самородова**

Московский государственный университет международных отношений (университет) МИД России,
Москва, Россия

Аннотация. В статье представлена хроника IV Международной научно-практической конференции «Профессиональный полилог в мультилингвальном мире: язык, культура, метод», которая прошла в Москве с 8 по 11 апреля и в Санкт-Петербурге 11 апреля 2026 г. и была организована кафедрой французского языка МГИМО МИД России. Приведены сведения о количестве и географии участников, резюмированы основные идеи докладчиков пленарного заседания, указаны тематические направления работы секций на русском и иностранных языках, дана информация о мероприятиях, прошедших в рамках конференции: круглом столе, лекции, мастер-классах.

Ключевые слова: «Профессиональный полилог в мультилингвальном мире», мультилингвизм, романские языки, германские языки, редкие языки, дискурсивные исследования, теория и практика перевода, личность преподавателя иностранного языка

Для цитирования: Читахова Л. Л., Самородова Е. А. IV Международная научно-практическая конференция «Профессиональный полилог в мультилингвальном мире: язык, культура, метод» // Филологические науки в МГИМО. 2026. 12(2). С. 129–136. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2026-2-47-129-136>

Academic Life

IV International Scientific and Practical Conference «Professional Polylogue in a Multilingual World: Language, Culture, Method»

(Moscow, April 8-11; St. Petersburg, April 11, 2026)

**L. L. Chitakhova,
E. A. Samorodova**

**MGIMO University,
Moscow, Russia**

Abstract. This article provides a chronicle of the IV International Scientific and Practical Conference «Professional Polylogue in a Multilingual World: Language, Culture, Method» which took place in Moscow from April 8 to 11 and in St. Petersburg on April 11, 2026, and was organized by the French Language Department of MGIMO University. The article provides information on the number and geography of participants, summarizes the main ideas of the plenary speakers, indicates the thematic areas of work for the sections in Russian and foreign languages, and provides information on the events held within the framework of the conference: a round table, a lecture and master classes.

Keywords: «Professional Polylogue in a Multilingual World,» multilingualism, Romance languages, Germanic languages, rare languages, discourse studies, translation theory and practice, identity of a foreign language teacher

For citation: Chitakhova L. L., Samorodova E. A. IV Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Professional'nyj polilog v mul'tilingval'nom mire: yazyk, kul'tura, metod» [IV International Scientific and Practical Conference «Professional Polylogue in a Multilingual World: Language, Culture, Method»]. *MGIMO Journal of Language Research and Teaching*, 12(2), 129–136. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2026-2-47-129-136> (In Russian).

1. Введение

8-11 апреля 2026 г. прошла IV Международная научно-практическая конференция «Профессиональный полилог в мультилингвальном мире: язык, культура, метод», организатором которой выступила кафедра французского языка МГИМО МИД России при содействии Управления языковой подготовки и финансовой поддержке Эндаумента МГИМО (фото 1).

Впервые конференция прошла на двух площадках: 8-11 апреля в Университете МГИМО в Москве и 11 апреля в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого. Она объединила более 400 участников из Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Казани, Великого Новгорода, Тюмени, Оренбурга, Смоленска, Майкопа, Новосибирска, Петрозаводска, Нижнего Новгорода и многих других городов России. Активное участие в работе конференции также приняли зарубежные докладчики и слушатели из Франции, Германии, Венгрии, Алжира, Камеруна, Марокко, Китая, Беларуси. Помимо тематических секций, в рамках конференции состоялись отдельные мероприятия: круглые столы, мастер-классы, лекция.

Конференция, адресованная специалистам в области лингвистики, лингводидактики, перевода и смежных областей, задумывалась в 2023 г. как площадка для междисциплинарной дискуссии по актуальным вопросам теории и практики, с которыми сталкиваются преподаватели и исследователи иностранных языков в своей ежедневной работе. За время своего существования конференция значительно расширила границы как с точки зрения географии участников, так и с точки зрения тематического охвата и представленных на ней языков. Для профессионалов она стала

Фото 1. Открытие конференции «Профессиональный полилог в мультилингвальном мире: язык, культура, метод»
11 апреля 2026 г. Фото Р. Файзуллина.

местом встреч, обмена опытом, дебатов, сопоставления разных подходов, обсуждения болевых точек. Её практические результаты нашли отражение в коллективной монографии, выпущенной по итогам работы II Международной научно-практической конференции (Обучение, 2024).

2. Открытие конференции и пленарное заседание

В начале работы конференции от имени руководства вуза к участникам обратился первый проректор, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук профессор Г. П. Толстопятенко. В своём приветственном слове он отметил важность языковой и культурологической подготовки для формирования современного профессионала-международника, подчеркнул актуальность междисциплинарной научной дискуссии, проводимой в рамках настоящей конференции, и пожелал участникам интересной и плодотворной работы.

Пленарное заседание было посвящено разнообразным вопросам, выходящим за рамки исключительно лингвистической тематики и затрагивающим в том числе философские аспекты когнитивной деятельности человека. Оно открылось докладом профессора философии Дармштадтского технического университета, ассоциированного профессора Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого и Южно-Китайского технологического университета, президента Общества философии и технологий Альфреда Нордманна на тему: «Зачем мне что-то писать самому в эпоху цифровизации?». Проведя исторические параллели между развитием техники в прошлом и её влиянием на физический труд, профессор А. Нордманн затронул вопросы разделения когнитивного труда в современном мире. На нынешнем этапе человечество ещё не определилось, что делегировать машине, что человеку, управляющему машиной, а что оставить исключительно человеку без существенного участия машины. Если говорить о практике письма, следует понимать, что самостоятельное сочинение текста играет важную роль в западной традиции Просвещения. Писать самому значит делать своим то, над чем мы размышляем, а размышляя мы развиваем свои мыслительные способности. И это веская причина для того, чтобы писать тексты. Кроме того, через письмо мы приобщаемся к культурной практике, свойственной определённой человеческой общности. С этой точки зрения, письмо выходит за рамки продуцирования текста. Последнее может делать машина, но она не создаёт текст из ничего, она не начинает его с чистого листа. Для машины написание текста не является процессом, творческим актом в отличие от человека. Завершая своё выступление, А. Нордманн подчеркнул, что сегодня есть много причин, чтобы писать самому, но нет достаточных причин требовать, чтобы каждый писал всё сам.

Доклад «Творчество и техника в системном техническом мировоззрении» директора Социально-гуманитарного института, заведующего кафедрой философии Самарского университета, доктора философских наук, профессора А. Ю. Нестерова, явился своеобразным продолжением темы творчества в контексте взаимодействия человека и машины. Так, техника, в отличие от естественной природы, выступает как воплощение искусственной природы и проходит через несколько этапов: противостояние машины и человека, сосуществование машины и человека и проникновение машины в человека. При этом возникают вопросы, связанные с сущностью нового, т.е. творчества; с источником творчества (бог, природа, человек или взаимодействие природы и человека); с возникновением новых правил прагматического, семантического и синтаксического свойства, которые осуществляются через познание и деятельность. Что касается гипотез относительно будущего развития человечества, оно может находиться в плоскости сильного ИИ, для которого характерны искусственные воображение, рефлексия, целеполагание и нечеловеческое творчество для нечеловеческих субъектов. В этом контексте человечеству ещё предстоит построить системную теорию творчества, которая будет предусматривать сохранение и преумножение субъектности индивида и человеческого коллектива (Нестеров, 2021).

Директор Департамента прикладной лингвистики и перевода Факультета гуманитарных и социальных наук Университета Мишкольца (Венгрия), профессор Ангела Мокраине Орос представила доклад «Парадигма развития языкового образования в Венгрии», в котором остановилась

на основных факторах, влияющих на эволюцию процесса обучения иностранным языкам в Венгрии, и рассмотрела обусловленные этими факторами тенденции, сопроводив свое выступление богатым статистическим материалом.

С докладом «Корпус как инструмент верификации языковых явлений» выступила Н. В. Бунтман, доцент кафедры французского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова. Она отметила, что в исследованиях языковых явлений сегодня особую важность приобретает возможность проверки тех или иных словоупотреблений в реальной коммуникации. Использование для этих целей текстовых массивов оказывается совершенно необходимым, ведь помимо канонических, закреплённых в грамматиках примеров, в текстах, написанных носителями языка, можно встретить множество случаев отклонений от правил. Для исследователя такие отклонения представляют особый интерес. Докладчик подробно остановилась на возможностях и особенностях использования франкоязычного корпуса Frantext¹ и привела примеры нетипичного употребления артиклей с названиями болезней и дней недели, а также предлогов с названиями времён года во французском языке. Кроме того, на примере Национального корпуса русского языка² (Бунтман и др., 2014) она рассказала о параллельных корпусах текстов, позволяющих сравнивать употребление слов в разных языках и являющихся ценным подспорьем для переводчиков.

3. Секционные заседания

Работа конференции продолжилась в рамках следующих секций:

1. Кейс-консилиум «Горизонты мультилингвального образования: искусство обучать, воспитывать, познавать». Участники обсудили наиболее значимые проблемы и наметили стратегические направления развития лингводидактики.

2. «Иностранные языки (романские, германские, редкие языки) в синхронии и диахронии». В рамках секции было организовано три панели: «Романская палитра», «Лингвистическая мозаика: от морфемы до дискурса», «Язык в фокусе: звучание, семантика, прагматика».

3. «Актуальные вопросы преподавания иностранных языков в современном мультилингвальном мире». Выступления были сгруппированы по направлениям: «Педагогический дизайн: инновационные методики, цифровые технологии и развитие компетенций» и «Лингводидактика в широком контексте: вопросы межкультурной коммуникации и воспитания»

4. «EdTech в методике преподавания иностранных языков». Применение новых технологий в образовании исследовалось на двух панельных площадках: «Искусственный интеллект: партнер или оппонент преподавателя» и «EdTech-арсенал: цифровые инструменты преподавателя».

5. «Концептуальные контуры современного учебника иностранного языка: традиции и инновации». Участники обменялись взглядами на актуальные форматы учебников и учебных пособий и обсудили перспективные методические разработки.

6. «Культурологические, психолингвистические и дидактические аспекты и перспективы развития мультилингвизма. Дискурс в современной лингвистике». Работа проходила на трёх тематических панелях: «Мультилингвизм и диалог культур: языковое многообразие в глобальном мире. Психолингвистика и лингводидактика: когнитивные основы и методики обучения», «Дискурсивные практики современности: от политики до медиа», «Медийный и цифровой дискурс: новые жанры, форматы и смыслы».

7. «Культурный код в образовании: литература, искусство, история». Обсуждались вопросы расширения культурного горизонта студента посредством различных креативных практик в формате двух тематических панелей: «Искусство как зеркало культур» и «Память веков: история и культурное наследие в диалоге с современностью».

¹ Frantext corpus: French literature of the 18th–20th century. URL: <https://www.sketchengine.eu/frantext-corpus-of-french-literature/> (accessed 20.05.2026)

² Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 20.05.2026)

8. «Теория и практика перевода: понятийный аппарат, методы и проблемы». Секция была посвящена трудностям и особенностям искусства перевода и включала две панели: «Мастерская смыслов: теоретические и методологические аспекты перевода» и «Живое слово: искусство художественного, специального и аудиовизуального перевода».

9. «Профессиональные компетенции и языковая личность преподавателя иностранного языка в современном мире. Вопросы подготовки специалистов для работы в мультилингвальной аудитории». Участники обсудили ключевые факторы, определяющие формирование личности преподавателя.

10. «Литература и её отражения в современном мире: вопросы рецепции и интерпретации». Выступления участников были посвящены лингвистическому анализу различных художественных произведений.

11. «Язык профессии как фундамент формирования профессиональной идентичности будущего специалиста: актуальные подходы в преподавании». В рамках секции работали две панели: «Юриспруденция и дипломатия: языковой аспект» и «Язык специальности в профессиональной сфере: экономика, инженерия, медицина, PR».

12. «Полилингвальное обучение: педагогика и философия» (совместно с СПбПУ Петра Великого).

13. Онлайн секция для дистанционных выступлений по направлениям: «Цифровая среда, ИИ и современные методики в образовании» и «Лингвистика, дискурс, литература и перевод».

14. Студенческая секция «Потенциал». На секции были представлены доклады по трём направлениям: «Дискурс и терминология», «Культура и лингвистика», «Методика, технологии и образование».

4. Секции на иностранных языках

К одному из основных векторов конференции следует отнести мультилингвизм. Его наглядной иллюстрацией являются очные и дистанционные секции на иностранных языках. Изначально это была секция на французском языке с приглашёнными спикерами-носителями языка. Затем добавилась англоязычная секция. Наконец, впервые в этом году прошла секция на испанском языке.

На франкофонной секции была представлена разнообразная палитра докладов. Так, доктор филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Гуманитарного института Новосибирского государственного университета Мишель Дебрэнн рассказала о знаковых произведениях французской литературы от Мольера до Пруста, с которыми обязательно должны быть знакомы образованные люди. Ей вторил Максим Карбонель, преподаватель французского языка как иностранного школы №1231, подробно осветивший парадоксы романа Марселя Пруста «В поисках утраченного времени»: парадокс времени, памяти, любви, познания, творчества. Кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка МГИМО Брюно Биссон затронул животрепещущую тему – использование ИИ и автоматизированных систем перевода в переводческой практике. Анализируя аберрации, возникающие при машинном переводе, он пришёл к выводу, что на данном этапе в автоматическом переводе возникает значительное число ошибок, связанных с искажением фактической информации, политизацией контекста, исключением информации, которую система считает неpolitкорректной. Камал Луадж, журналист, ведущий аналитической программы на радио Sputnik Afrique, рассказал о затерянном мире туарегов, их обычаях, нравах, верованиях, матриархате, сравнил их уклад жизни с образом жизни оседлого населения африканских стран. Преподаватель РУДН Кевин Йомби в своём сообщении рассказал об особенностях менталитета камерунцев и подчеркнул необходимость обучать студентов тонкостям другого культурного кода на занятиях по иностранному языку во избежание неловких ситуаций.

5. Круглый стол, лекция и мастер-классы

Проведение круглого стола является неотъемлемой традицией «Профессионального диалога». На каждой конференции организаторы предлагают участникам поразмышлять на тему, волнующую многих. В предыдущие годы проводились дискуссии вокруг уроков пандемии, когнитивных и личностных особенностей современного студента, использования ChatGPT в педагогической практике, проблем и перспектив компетентностного подхода в обучении иностранным языкам, целей и смыслов современного образования. В 2026 году была выбрана тема «Инструментарий преподавателя: традиции и новые вызовы». Дискуссию по предложенной тематике можно резюмировать следующими положениями:

1. Инструментарий преподавателя имеет не столько техническое, сколько педагогическое и даже экзистенциальное измерение, ибо с расширением технических возможностей возникают новые задачи обучения и открываются новые горизонты.

2. Включению в арсенал преподавателя иностранного языка новых средств обучения должно обязательно предшествовать целеполагание и прогнозирование возможных результатов обучения.

3. Цифровые инструменты и игровые приложения для обучения иностранным языкам были придуманы за рубежом для работы в больших учебных группах; их применение в небольших группах может оказаться даже менее эффективным, чем использование традиционных и проверенных методик обучения.

4. Применение обучающих платформ, приложений и пр. вызывает интерес у студентов, но часто сопряжено с дополнительными трудностями технического и психологического порядка для обучающихся и преподавателей, а эффект новизны при их использовании пропадает довольно быстро.

5. Бездумное использование инструментов на основе ИИ может оказаться угрозой академической честности учащихся.

6. Инструментарий современного преподавателя представляет собой триединство между методическим мышлением (т.е. пониманием, зачем мы это делаем, и умением выстраивать траекторию от цели к результату), педагогическим арсеналом (т.е. знанием разных инструментов, цифровых, аналоговых и человеческих, и способностью выбирать из них адекватный контексту) и сохранением себя (т.е. умением не изменять себе в погоне за новизной, оставаться живым и вдохновлять других).

Одним из знаковых событий конференции стала лекция доктора филологических наук, профессора, руководителя издательского направления ИНОИЦ «Алмавест», куратора журнала «Вестник высшей школы», первого заместителя главного редактора международного журнала «Научные доклады высшей школы. Филологические науки» В. Н. Базылева на тему: «Академическое “письмо”: возможная модель». Будучи автором системной модели обучения академическому письму (Базылев, 2016а, 2016б), рассчитанной на бакалавриат, магистратуру и аспирантуру, лектор рассказал о подходах к обучению дисциплины от рецептивного через репродуктивный к продуктивному этапу, то есть к написанию собственных научных текстов; о способах представления учебного материала; рассмотрел теоретические, дидактические и методические аспекты этой деятельности.

Новацией этого года стали мастер-классы, подготовленные преподавателями МГИМО и МГЛУ:

1. «От волнения к вдохновению: как подготовиться к публичному выступлению без стресса?» Мастер-класс имел целью ознакомить студентов с рекомендациями по подготовке успешного выступления и предложить ряд упражнений для тренировки дикции и выразительности речи.

2. «Персональный сайт преподавателя как инструмент повышения качества обучения». Целью мастер-класса являлось освоение преподавателями практических навыков создания и структурирования персонального образовательного веб-сайта для повышения качества подачи материала, обеспечения интерактивности и доступности учебного контента.

3. «Комментарий судебного решения: Что? Как? Зачем?». Мастер-класс был адресован преподавателям французского языка в сфере права с целью продемонстрировать методику разбора постановления кассационного суда и других судебных органов Пятой Республики.

4. «Publmanie pour tous : раскрытие творческого потенциала студентов на уроках языка специальности». Мастер-класс был посвящен развитию мотивации у студентов путём раннего приобщения к профессионально ориентированным текстам экономической направленности.

5. «Преподавание английского языка с учетом национальной коммуникативной культуры». В ходе встречи, ориентированной на преподавателей английского языка, переводчиков и всех любителей английской культуры, было рассмотрено влияние на этностиль культурных и коммуникативных особенностей, в частности иронии как характеристики дискурса, и показаны возможности распознавания и интерпретации иронических высказываний.

6. Заключение

Завершая рассказ о IV Международной научно-практической конференции «Профессиональный полилог в мультилингвальном мире: язык, культура, метод» хотелось бы отметить, что организаторам удалось создать на форуме особую атмосферу, где сочетаются научная точность и объективность, оригинальность подходов и ориентированность на практику, доброжелательность и открытость.

© Л. Л. Читахова, Е. А. Самородова, 2026

Список литературы

- Базылев В. Н. Академическое «письмо». Теоретические и прикладные аспекты : моногр. : в 2 частях. 2-е изд. Москва: ФЛИНТА. Часть 1. 2016а. 160 с. ISBN: 978-5-9765-2614-3
- Базылев В. Н. Академическое «письмо». Теоретические и прикладные аспекты : монография : в 2 частях. 2-е изд. Москва: ФЛИНТА. Часть 2. 2016б. 276 с. ISBN: 978-5-9765-2615-0
- Бунтман Н. В., Зализняк А. А. и др. Информационные технологии корпусных исследований: принципы построения кросслингвистических баз данных // Информатика и её применения. 2014. Т. 8, вып. 2. С. 98-110. DOI: 10.14357/19922264140210.
- Нестеров А. Ю. Проблема субъекта в искусственной природе // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 2. С. 22-28. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-22-28.
- Обучение иностранным языкам в мультилингвальном мире: монография / под ред. Н. В. Лосевой, Е. А. Самородовой, С. А. Бакаевой, М. К. Огородова. М.: Прометей, 2024 г. 284 с. ISBN 978-5-00172-658-6

References

- Bazylev, V. N. (2016a). Akademicheskoe "pis'mo". Teoreticheskie i prikladnye aspekty [Academic "writing". Theoretical and applied aspects]. Moscow: FLINT. Part 1. (In Russian) ISBN: 978-5-9765-2614-3
- Bazylev, V. N. (2016b). Akademicheskoe "pis'mo". Teoreticheskie i prikladnye aspekty [Academic "writing". Theoretical and applied aspects]. Moscow: FLINT. Part 2. (In Russian) ISBN: 978-5-9765-2615-0
- Buntman, N. V., Zaliznyak, A. A. et al. (2014). Informatsionnye tekhnologii korpusnykh issledovaniy: printsipy postroeniya krosslingvisticheskikh baz dannykh [Information Technologies for Corpus Research: Principles of Constructing Crosslinguistic Databases]. *Informatika i Ee Primeneniya [Informatics and its Applications]*. Vol. 8, Issue 2. 98-110. DOI: 10.14357/19922264140210. (In Russian)
- Nesterov, A. Yu. (2021). Problema sub"ekta v iskusstvennoj prirode [The Problem of the Subject in Artificial Nature]. *Humanitarian Vector*. Vol. 16, Issue 2. 22-28. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-22-28. (In Russian)
- Obuchenie inostrannym yazykam v mul'tilingval'nom mire [Teaching Foreign Languages in a Multilingual World]. (2024). Edited by N. V. Loseva, E. A. Samorodova, S. A. Bakaeva, M. K. Ogorodov. Moscow: Prometey. (In Russian) ISBN 978-5-00172-658-6

Сведения об авторах:

Читахова Любовь Лусеменовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка МГИМО МИД России (Москва, Россия). Сфера научных и профессиональных интересов: дискурсивные исследования полилога, лингводидактика, разработка учебников нового поколения, обучение отдельным видам речевой деятельности в рамках компетентностного подхода, аудиовизуальные методы обучения иностранным языкам.

Email: l.chitakhova@inno.mgimo.ru

ORCID: 0009-0006-5074-9070

Самородова Екатерина Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры французского языка МГИМО МИД России (Москва, Россия). Сфера научных и профессиональных интересов: лингводидактика, межкультурная коммуникация, обучение языку для специальных целей, личность преподавателя иностранного языка, международное право, воздушное право.

Email: samorodova.ekaterina.78@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0702-0253

About the authors:

Lyubov L. Chitakhova, PhD in Philology, Associate Professor of the French Language Department at MGIMO University (Moscow, Russia). Her research and professional interests include: discursive studies of polylogue, language teaching methods, development of new-generation textbooks, teaching specific types of speech activity within the framework of a competency-based approach, and audiovisual methods of teaching foreign languages.

Email: l.chitakhova@inno.mgimo.ru

ORCID: 0009-0006-5074-9070

Ekaterina A. Samorodova, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the French Language Department at MGIMO University (Moscow, Russia). Her research and professional interests include language teaching methods, intercultural communication, language teaching for specific purposes, the personality of the foreign language teacher, international law, air law.

Email: samorodova.ekaterina.78@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0702-0253

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest statement

The authors declare no conflict of interest.

* * *

МГИМО

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ДОМ

выпускает учебные
издания по

42

иностранным
языкам:

አማርኛ

АМХАРСКИЙ

English

АНГЛИЙСКИЙ

العربية

АРАБСКИЙ

Afrikaans

АФРИКААНС

বাংলা

БЕНГАЛЬСКИЙ

Български

БОЛГАРСКИЙ

Tiếng Việt

ВЬЕТНАМСКИЙ

ᐱᐢᐱᐢᐱᐢᐱᐢᐱᐢ

ГОТСКИЙ

Ελληνικά

ГРЕЧЕСКИЙ

دري

ДАРИ

Dansk

ДАТСКИЙ

עברית

ИВРИТ

Bahasa Indonesia

ИНДОНЕЗИЙСКИЙ

Español

ИСПАНСКИЙ

Italiano

ИТАЛЬЯНСКИЙ

中文

КИТАЙСКИЙ

조선어 / 한국어

КОРЕЙСКИЙ

ພາສາລາວ

ЛАОССКИЙ

Latina

ЛАТИНСКИЙ

Монгол

МОНГОЛЬСКИЙ

Deutsch

НЕМЕЦКИЙ

Nederlands

НИДЕРЛАНДСКИЙ

Norsk

НОРВЕЖСКИЙ

فارسی

ПЕРСИДСКИЙ

Polski

ПОЛЬСКИЙ

Português

ПОРТУГАЛЬСКИЙ

پښتو

ПУШТУ

Română

РУМЫНСКИЙ

Русский

РУССКИЙ

Српски

СЕРБСКИЙ

Kiswahili

СУАХИЛИ

Тоҷикӣ

ТАДЖИКСКИЙ

Türkçe

ТУРЕЦКИЙ

Українська

УКРАИНСКИЙ

اردو

УРДУ

Suomi

ФИНСКИЙ

Français

ФРАНЦУЗСКИЙ

हिन्दी

ХИНДИ

Hrvatski

ХОРВАТСКИЙ

Čeština

ЧЕШСКИЙ

Svenska

ШВЕДСКИЙ

日本語

ЯПОНСКИЙ

УЧЕБНАЯ И НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПО ТЕМАМ:

•
международные
отношения

•
страны и регионы
мира

•
мировая
экономика

•
международное
право

•
иностранные
языки

mgimo.ru/id

vk.com/mgimoid

books@inno.mgimo.ru